

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 6-5
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ XV МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 30 ИЮНЯ 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 6-5

Периодический научный сборник

*по материалам
XV Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 30 июня 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 6-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XV Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 30 июня 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ
Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Soltanov M.J.</i> ABOUT SOME HYDRONYMS USED IN ASHIQ CREATIVITY	5
<i>Бения Л.Г.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ И В ВУЗЕ	7
<i>Боковели О.С., Соловей К.А.</i> ОБРАЗ ДУШИ В ЛИРИКЕ ДАВИДА САМОЙЛОВА	12
<i>Вульфович Б.Г.</i> КОНЦЕПТ «ВОРОВСТВО» СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР	16
<i>Гречаная А.И., Царегородцева С.С.</i> ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ПРАВОСЛАВНОЙ ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЁВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»	19
<i>Лабашева Н.А.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	22
<i>Милованова М.В., Ребрина Л.Н.</i> АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ПРОШЛОГО В РОССИЙСКИХ СМИ.....	27
<i>Михайленко Е.Н.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ В МИСТЕРИИ Д.Г. БАЙРОНА «НЕБО И ЗЕМЛЯ»	33
<i>Ненарокова М.Р.</i> «ЦАРИЦА ЦВЕТОВ»: РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ РОЗЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЦВЕТОВ (XVII-XIX ВВ.)	38
<i>Пучкова И.Н.</i> АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «SUNDAY» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	66
<i>Ружницкий И.В., Ружницкая Э.А.</i> ABOUT ONE OF DOSTOYEVSKY'S CHARACTER – FEDKA-THE-CONVICT: THE PROBLEM OF TRANSLATION	69
<i>Санигурская М.Г.</i> ПРОБЛЕМА ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СИТУАЦИИ МНОГОЯЗЫЧИЯ.....	71
<i>Федотова Т.В., Авраменко А.А.</i> К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ (ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЕ)	77
<i>Фефелова Г.Г.</i> ДИСКУРС КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	83
<i>Хажирокова Р.Х., Кудаева З.Ж.</i> ЭПИТЕТ В АДЫГСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ.....	86
<i>Цыбакова С.Б.</i> АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДУХОВНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНАТОЛЯ БОРОВСКОГО	88
<i>Шарафутдинова Л.Р.</i> АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТРОПОВ В СТИХОТВОРЕНИИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО «ВЕРСАЛЬ» НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК	95
СЕКЦИЯ «ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ»	101
<i>Гудожникова О.Н.</i> СОНАТЫ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ И ФОРТЕПИАНО В РУССКОЙ МУЗЫКЕ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ.....	101
<i>Рябова Е.В.</i> АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	110

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	114
<i>Звонкина О.П.</i> УРОВНИ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ	114
<i>Леухин А.Н.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ТУРИЗМЕ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ.....	116
<i>Леухин А.Н.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АКТИВНЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА В РОССИИ.....	118
<i>Песоцкая Е.Н., Белова Л.А., Макарова Ю.А., Шамрова Е.А.</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ	121
<i>Попов Б.И.</i> МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ НАДЁЖНОСТИ РАБОТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА В ДОРОЖНОМ ХОЗЯЙСТВЕ	126
<i>Савченко М.И.</i> ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ .	130
СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»	134
<i>Алборова И.И., Цараева Л.А.</i> ПРОДУКТИВНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ)	134
<i>Комаева Р.З., Васильева А.А.</i> ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ КАК ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ.....	136
<i>Комаева Р.З., Басиева Э.А.</i> СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ГАЗЕТЫ «НОВЫЙ ВТОРНИК»)	138
<i>Макиева И.В., Цаликова М.А.</i> СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ГЕНДЕРНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ	140
<i>Тедтоева З.Х., Мамедова В.С.</i> МОЛОДЕЖНЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ «ГУСИНОЕ ПЕРО» КАК ТИП ИЗДАНИЯ.....	142
<i>Тедтоева З.Х., Хадаев А.О.</i> СПЕЦИФИКА ОЧЕРКА КАК ЖАНРА	144
<i>Цараева Л.А., Сабурова Ю.В.</i> ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ	146

ABOUT SOME HYDRONYMS USED IN ASHIQ CREATIVITY

Soltanov M.J.

doctor of philosophy in philology, assistant professor,
Azerbaijan State Pedagogical University, Azerbaijan, Baku

Onomastic units and to be learned their features are one of the actual research areas in modern Azerbaijan linguistic. Onomastic units are the proper names using in the language. Onomastic units are used skillfully in ashug creativity and created unexampled word sample, poetic word complexes, interesting expressions. The role of onomastic units are lighted up to be created literary description and expression means and given interesting samples.

The article deals with some hydronyms using in ashug poetry and are explained the etymological roots of these names.

Key words: onomastic units, hydronyms, etymology.

One of the onomastic units in language in hydronyms. Hydronyms is specific names associated with water objects. names of Ocean, sea, river, springs, lakes, streams channels, and other water bodies could be included here. This onomastic units skillfully used in Ashug creativity, these water facilities were praised, the role and importance of them in human life, settlement were shown.

The majority of hydronyms is river names in Ashug poetry. This is, first of all, is vital due to the important role in domestic and economic life of the people since ancient times. Lowering settlements along river and vital importance of water is due to be a symbol of purity.

In Soviet times, in connection with joint coexistence and territorial unity a number of rivers of Russia is seen in ashug creativity. In addition, in connection with space changes in epos, travels of heroes to different places, certain stylistic point and tinge our ashugs mentioned river names such as Volga, Don, Ob, the Nile, the Euphrates, Jeyhun hydronyms out of Azerbaijan in their works.

Some of the hydronyms have clear etymological meaning. For example- etymology of water objects' name such as Gilli spring, Gumlu spring, Sari spring, Pari spring, Nazli spring, Qibla spring, Lilpar spring, Khan spring, Ceyranbatan, Goy gol are clear, and it is not difficult to open the root of their content.

Thus, Gilli spring, Gumlu spring hydronyms have been created for clayey and sandy content of soil in that area, and Sari spring have been created for for yellow colour of land. Name of Lilpar spring connected with name of lilpar plant, Pari and Nazli springs with girl's names, Qibla spring connected with direction of spring.

Jeyranbatan lake. This lake located in Absheron district of Azerbaijan. Lake located in natural hollow in fact was created as a reservoir, and was put into operation in 1956. It gets its water from Davachi-Samur channel commenced from Samur river. Water of this lake is used in water supply of Baku and Sumgayit cities and irrigation a number of arable lands. Speaking about etymology of this lake, this hydronyms unit was established on the base "deer" zoonym. The lake basin is

clayey and it takes down every living thing. Deer coming to lake in order to drink water, have been exposed it, and of course, so lake was named Jeyranbatan. One aspect should be mentioned that, on the edge of the lake, on the highway Jeyranbatan named settlement were built, the name of this settlement was taken from name of Jeyranbatan lake.

Etymology of some hydronyms are not clear and they demand certain research work.

Gargar river. One of the interesting hydronyms in Ashiq creativity is Gargar river name. This river begin from Karabakh Ridge, formed from combination of Zarisli and Khalfali rivers. This river has branches such as Ballica, Badara, Dagh-daghan [1, p. 70]. River's name is connected with name of gargars one of the Caucasian tribes. The Greek historian Strabon stated that, gargars lived in the north from Caucasian Albania, Movses Khorenli and Musa Kalankaytuklu noted that they lived in Albania. Movses Khorenli and Musa Kalankaytuklu also noted that, Albanian alphabet was compiled on the basis of the gargars' language [1, p. 70]. Name of Gargar plain existing in Caucasian Albania also appeared in connection with name of gargar tribe.

Samur river. Currently being in Dagestan, and considered boundary line in the downstream Samur river was in the historical area of Azerbaijan. Because of that, historically the northern border of Albania and Azerbaijan was the Derbent passage. Name of this river is found in Samur and Sambur pictures in ashig creativity. The name of the Samur River mentioned in IX-XI centuries, in the work of the Arab authors and for the first time by Istakhri [2, p. 92].

Some researchers and including the first time A.Bakikhanov stated that Samur was Albanian river in ancient times. Alban river for the first time was recorded by Elder Pliny -author of the first century [3, p. 394].

In ancient sources the name of the Samur River was given in the different phonetic variants. For example, the IX-X centuries of Arab geographers Istakhri Ibn Hovgal noted this river as Samur, Balazuri Samur, İdrisi Sanbur European travelers – Adam O'Leary and Ian Streys who visited Azerbaijan in the seventeenth century noted as the Sambur [4, p. 291, 309]. Different considerations put forward in the scientific literature according to etymology of Samur hydronyms. Some researchers put forward the idea that, word Samur was from Caucasus origin, but others said that it was from Turkish origin. Even Russian historian – PQButkov noted that, name of the Samur River forms from water animal sable, later famous orientalist V.F.Minorski reiterated this commitment [5, p. 110]. Although neither in the river nor closest area a water animal sable is not a coincidence.

Dagestan linguist, scholar G.Kh.Ibrahimov is based Sanbur phonetic version of Samur hydronyms, puts forward the idea consisting of "xon" – "water" and «bur» means plurality in the language of Caucasian living in the north-west zone of the Latin graphic and shows that Samur means root of the content of the "waters" [6, p. 116-118]. Of course, we can not agree with this opinion. Because Sanbur phonetic version only registered by Idris belongs to subsequent periods and appeared in the form of distortion. From the other side local population pronounces this river only in the form of Samur and Sambur.

In addition, as the name of the river "water" is unlikely to accept the plural suffix [3, p. 395]. Another linguist, scholar of Dagestan K.S.Mikayılov shows that, forming from the combination of the «san» – «sarhad, hudud» və «vir» – «su» meant «border river» in saxur-Rutuls languages. In our opinion, etymological point does not have a credible basis [6, p. 190-192]. First, because of the historical lands of Azerbaijan in the territory of the Samur River, which later evolved into the border river. On the other hand, is still in the river Samur-X century sources have been recorded in the Urals, and it is far from the place where sakhur-rutull lived.

Besides, name of the river Samur has been registered in the ninth century in Southern Azerbaijan, the castle Samur has been registered in XIV century in Iran, two Samur settlements in Kuban in XIX century, Samur village in Armenia [7, p. 281]. Probably, name of Samur and Sambur rivers in Tambov and Lvov regions of Russia is of this kind.

From this it appears that Samur, Sambur onomastik units had been spread in a wide range, was registered as the name of area, as settlement.

The historian G. Geybullayev has put forward idea that, the name of Samur river formed from name of Samir sabir tribe [9].

It should be noted that at present there is Samur settlement in Gusar region of Azerbaijan. The name of Samur village registered in the present Gizilgoch (Gukasyan) district, in Alexandropol of Yerevan province in Armenia, has been changed by armenians in 1946 and renamed Sarapat [10, p. 507].

References

1. Azerbaijan Soviet Encyclopedia. III cover. Baku. 1979.
2. Valikhanli N.M. IX-XII century arab geographer – travelers about Azerbaijan. Baku. 1974.
3. Gurbanov A. Onomatology of Azerbaijani language. Baku. 1988.
4. Travelers about Azerbaijan. Volume I. Baku. 1960.
5. Minorski VF The history of Shirvan and of Derbent. Moscow. 1963.
6. "Onomastics of the Caucasus." Makhachkala. 1976.
7. Azerbaijan Soviet Encyclopedia. VIII cover. Baku. 1984.
8. Administrative-territorial division of the Union republics. Moscow. 1967.
9. Geybullaev R.A. Towards the Origin of some of Azerbaijan hydronyms. Proceedings of the Academy of Sciences. The Azerbaijan. SSR. Series history, philosophy and law. 1983. Number. 2.
10. Bayramov I. Toponyms of Turkish origin of western Azerbaijan.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ И В ВУЗЕ

Беня Л.Г.

декан педагогического факультета, канд. пед. наук, доцент,
Абхазский государственный университет, Абхазия, г. Сухум

Анализируется лингвокультурный потенциал прецедентных текстов, определяются методические основания их использования в школе – на уроках русского языка и развития

речи и в вузе – на практических занятиях по методике преподавания русского языка. Описываются фрагменты педагогического эксперимента, проведенного автором в естественных условиях обучения будущих учителей на педагогическом факультете Абхазского государственного университета и в школах г. Сухум.

Ключевые слова: прецедентные тексты, прецедентные высказывания, репертуар прецедентных ситуаций, традиционные формы обучения в вузе и в школе, языковая личность, виды речевой деятельности, анализ текста, диалог, аутодиалог, монолог, педагогический эксперимент.

Традиционные формы обучения – урок в школе, практические занятия в вузе в условиях ускоренных темпов роста объема знаний, необходимых для успешного вхождения обучающихся в современный мир, повышения требований к их компетенциям в сферах ведущей деятельности (игровой, учебной, профессиональной) активно обновляются по основным характеристикам их смыслов, целей и задач, содержания и функций, логики организации и структуры. Такие изменения отмечаются прежде всего на уроках русского языка в школе и практических занятиях по русскому языку и методике его преподавания в вузе, что обусловлено спецификой феномена «русский язык» в сфере образования: являясь предметом изучения, быть основным средством обучения.

Целенаправленность обучения русскому языку на формирование и развитие языковых, речевых, коммуникативных, лингвистических, культурологических компетенций (Е. А. Быстрова) предопределяет стратегическую значимость работы над текстом, в процессе которой актуализируются основные виды речевой деятельности (чтение и письмо, слушание и говорение), виды общения (диалог, полилог, монолог), укрепляются способности к самоорганизации речевого поведения через развитие внутренней речи (например, аутодиалога).

В сложившихся условиях дефицита времени на уроках и занятиях по русскому языку и методике его преподавания тексты большого объема, при всей ценности их научно-познавательного, художественно-эстетического, воспитательно насыщенного потенциала, сегодня утрачивают свою эффективность. Инновационные методики обучения русскому языку справедливо проявляют значительный интерес к возможностям включения в учебную деятельность анализ текстов оптимального объема и содержания – прецедентных текстов, представляющих собой законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности (Д. Б. Гудков). По мнению Ю. Н. Караулова, прецедентными текстами являются тексты, «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, 3) обращение к которым возобновляется в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216-217].

Особая значимость прецедентных текстов для обучения русскому языку и развитию речи заключается в их использовании для мотивации интереса к чтению, что предопределено спецификой понимания прецедентного текста:

его читатель – не пассивный реципиент, а интерпретатор, которому придется отказываться от линейного характера чтения при необходимости «вспоминать» другие тексты (Д. Б. Гудков). Языковая личность, компетентно использующая прецедентные тексты в своей речевой практике, достигает значительных успехов в различных сферах общения, о чем убедительно свидетельствуют научные исследования Д. Б. Гудкова [2], Е. В. Михайловой [5], В. В. Красных [5], И. В. Захаренко [5], Д. В. Багаевой [5], Т. В. Смирновой [2], В. А. Масловой [6] и др.

Анализируя феномен «прецедентный текст» Ю. Н. Караулов четко определил основные направления лингвокультурного подхода к анализу прецедентных текстов в процессе обучения русскому языку, их актуальность как:

- значимых для личности в познавательном и эмоциональном отношениях;
- имеющих «сверхличностный» характер, т.е. хорошо известные в жизненной среде конкретного общества, сообщества;
- частотных «в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 217].

Обратимся к примерам из практики обучения русскому языку в школе и изучения русского языка и методики его преподавания в вузе. В школе на уроках синтаксиса изучается прямая и косвенная речь, цитата как разновидность прямой речи, однако при этом ничего не говорится о прецедентных текстах, широко употребляемых в различных стилях речи. В сущности, компетентному использованию «чужой» речи (в различных ее формах) в своей авторской речи не уделяется, на наш взгляд, достаточного внимания.

Многие студенты неуместно (нецелесообразно) вводят в свою речь «чужую», неточно ее воспроизводят, часто искажая мысль, высказанную другим человеком. Это создает ситуации коммуникативной неудачи (С. Г. Ильенко), когда говорящий выглядит как человек поверхностных знаний, некомпетентный в обсуждаемых вопросах. Не уделяется должного внимания прецедентным текстам и на уроках литературы. Между тем прецедентные тексты могут использоваться для приобщения ребенка к мировой культуре и к культуре своего народа. Становясь учебным материалом, эти тексты заучиваются наизусть, включаются в структуру фоновых знаний человека.

Прецедентные тексты, как известно, формируются на широко распространенных цитатах, мифах, произведениях устного народного творчества, названиях текстов художественной литературы, на фамилиях и именах их авторов и персонажей. Прецедентные тексты могут формироваться под влиянием кинофильмов, театральных постановок, популярных песен, других видов искусства (живопись, музыка), рекламы.

Наблюдения за речью студентов позволили выявить особенности функционирования прецедентных текстов в их речи. Так, будущие учителя:

- часто не понимают обобщенности смысла, уместности употребления прецедента в конкретном тексте;

– используя в своей речи то или иное выражение, нередко воспринимают его как универсальный стереотип массового подражания, как ресурс выразительности, убедительности своего речемыслительного продукта без учета ситуативной, стилистической обусловленности прецедентного текста;

– допускают смешение прецедентного текста с прямой речью, цитатой.

Результаты данных наблюдений позволяют признать справедливость выводов о необходимости формирования у будущих учителей компетенций по включению в собственное авторское высказывание прецедентных текстов.

Приведем примеры работы с прецедентными текстами на занятиях студентов первого курса. Мотивация обращения будущих учителей к прецедентным текстам поддерживается заданиями:

– найдите в повествовании прецедентные тексты, «растворенные» в авторском произведении;

– при редактировании своего сочинения включите в него прецедентный текст;

– составьте диалог по актуальной для вас проблеме общения с другом (подругой) с использованием прецедентного текста;

– преобразуйте монолог в диалог с введением в него прецедентного текста.

На начальных этапах педагогического эксперимента отдавалось предпочтение заданиям на диагностику культуроведческих компетенций, на определение и расширение учебно-познавательных интересов, отражающих уровень развития лингвокультурных компетенций, фоновых знаний в сфере социокультурных, этнокультурных и межкультурных коммуникаций. Так, предлагались упражнения на анализ прецедентных высказываний с заданиями на определение их авторства, источника происхождения. В содержание упражнения, например, включались фрагменты комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: 1) И дым отечества нам сладок и приятен. 2) Служить бы рад, прислуживаться тошно. 3) Счастливые часов не наблюдают. 4) Карету мне, Карету!

Несмотря на то, что примеры прецедентных высказываний были взяты из произведений школьной программы, только 30% участников эксперимента (студентов) подтвердили, что эти строки им знакомы. Около 18% студентов некоторые из данных высказываний используют в своей речи или слышат в речи окружающих их людей. 15% не смогли назвать источник происхождения (комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»).

В экспериментальной работе проводился анкетный опрос по следующим направлениям:

I. Определите источник происхождения прецедентных высказываний:

– А судьи кто?

– Быть или не быть?

– Давайте жить дружно!

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

– Мать земля родная наша, помоги, дай сыну силу!

II. Есть ли в вашем окружении люди, которые используют хотя бы одно из этих высказываний? Если да, кто они?

III. Используете ли вы в своей речи хотя бы одно из этих высказываний? Если да, запишите их.

Нами было установлено: более 58% студентов в процессе общения в университете используют прецедентные тексты. Чаще это пословицы и поговорки. Например: Слово – серебро, молчанье – золото. В гостях хорошо, а дома лучше. Яйцо курицу не учит.

Достаточно частотны в речи студентов актуально значимые в их жизни ситуативные высказывания: Все свое ношу с собой. Крепись, братан. Будешь много знать – скоро состаришься. Частотностью отличаются тексты реклам (Сникерсни – не тормози! Баунти – райское наслаждение), фразы из речи персонажей кинофильмов (Наши люди на такси в булочную не ездят. Жить – хорошо, а жить хорошо – еще лучше). В речи большинства студентов активны высказывания: Победителей не судят; Цель оправдывает средства.

Опрос студентов позволил составить «список» наиболее распространенных в их речи прецедентных высказываний из кинофильмов. В «список» было включено более различных устойчивых фраз, чаще цитируются фразы из комедий и мультфильмов: Ребята, давайте жить дружно!; Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро; До пятницы я совершенно свободен и др.

Роль прецедентных текстов в обогащении речи обучающихся (и студентов, и школьников) значительна, что показано в работах современных исследователей В. В. Красных [5], И. А. Шаповаловой [6], А. М. Касландзия [2], Г. Г. Смиткина [1], Е. Л. Морозовой [5], Н. Л. Московской [4] и др. и частично – в нашем эксперименте. Анализ устной и письменной речи студентов педагогического факультета Абхазского государственного университета и школ г. Сухум (№1, №2, №14) подтверждает необходимость использования на занятиях в вузе и на уроках русского языка в школе прецедентных текстов, что позволит обучающимся понять смысл мастерского владения русским словом в тексте, в котором словам тесно, а мыслям и чувствам просторно. В таких условиях основные формы обучения в вузе и в школе при известном дефиците времени будут обеспечиваться емким по целеполаганию, смыслам дидактическим материалом – актуальными прецедентными текстами.

Список литературы

1. Бения Л. Г. Прецедентные тексты в обучении русскому языку. – Школа и жизнь. Ежеквартальный научно-педагогический журнал Министерства образования Республики Абхазия (на абхазском и русском языке). – 2016, №1. – С. 70-80.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
3. Интерактивная энциклопедия современного языка. – <http://jargon.ru/>
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
5. Красных В. В., Гудков В. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Прецедентные феномены в лингвистике // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. №2, 1998.

6. Шаповалова И. А. Основные векторы развития русского языка в современном мире. – Вопросы национальных и федеративных отношений. Научный журнал. – №4 (31), 2015. – С. 77-89.

ОБРАЗ ДУШИ В ЛИРИКЕ ДАВИДА САМОЙЛОВА

Боковели О.С.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. филол. наук,
Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

Соловей К.А.

студентка направления подготовки «Педагогическое образование», профили
«Русский язык» и «Литература», Тувинский государственный университет,
Россия, г. Кызыл

В статье рассматривается один из важных смыслообразующих элементов лирики поэта 60-х годов XX века Давида Самойлова – образ души. Дается его интерпретация с учетом жанровых форм лирики, осмысливается мотивное поле образа, определяется ряд существенных характеристик.

Ключевые слова: лирика XX века, образ души, инвариантность образа, интерпретация образа.

Осмысление внутреннего мира человека неразрывно связано с такой нематериальной субстанцией, как душа. По замечанию В.В. Колесниковой, рассматривающей в литературном произведении образ души как концепт, это понятие «является одним из наиболее сложных и многозначных в русском художественном дискурсе» [4, с. 73]. Тем более, когда речь идет о поэзии, максимально концентрирующей все чувства и эмоции человека. Поэтому утверждение, что поэзия – это выражение внутреннего чувственного мира человека, которое неразделимо связано с понятием душа, без тени сомнения имеет только утвердительный характер.

В художественном произведении образ души может быть передан различными средствами и способами. Часто душа «представляется как особое существо внутри человека, его нематериальная копия, в точности повторяющая его физический облик. Душа в принципе невидима, но она вместе с тем может обнаруживать себя в тени человека, портретном изображении, отражении в воде или зеркале и т.д.» [2, с. 113]. В лирике Давида Самойлова образ души – сквозной образ, который проходит через все его творчество. Он представлен в поэтическом пространстве по-разному: как прямая номинация – душа, как инвариантный образ, например, через «орнитологическую метафору» [5, с. 63], или через эмблематический образ бабочки [3] – символ психической организации человеческой души, воскрешения [8, с. 19-20]. Для поэта это явная часть всеобщего бытия, место которой осмыслено им диалектически:

Душа живет под солнечным сплетеньем.

.....
Казалось, что она парит везде
И незаметно нам ее передвиженье.

.....
И почему она
В иные времена
Как бы растворена в потоке ровной воли?
Как будто нет ее. И лишь в минуты боли
Я знаю: есть душа и где она.

«Устал, но все равно свербишь...» (1985-1990)

Само понятие «душа» является сложным для определения и осознания, поскольку многоаспектно и многогранно, относится к абстрактной сфере человеческого сознания. Это явление, которое невозможно увидеть и пощупать, можно только осознать его присутствие в метафизическом смысле. Для того чтобы попытаться постигнуть семантику понятия «душа», необходимо обратиться к ряду словарей. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дается семь значений данного понятия: 1. Душа – бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; 2. Душа – человек, с духом и телом; 3. Душа – человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; 4. Душа – жизненное существо человека, воображаемое отдельно, от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа; 5. Душа – человек податного состояния; 6. Душа – душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр.; 7. Душа – бесплотное тело духа [7]. В «Словаре символов» Дж. Тресиддера: Душа – символ духовных или не телесных аспектов человеческой личности; Душа – символ положительной смерти; Душа – духовная сущность человека, особое начало, противопоставленное телесному и определяющее жизнь, способности и личность человека [8, с. 48]. Таким образом, понятие душа – это то, что противопоставлено телесности, она бессмертна и обладает разумом. Это и причина всего и цель достижения, которые обосновал Аристотель в трактате «О душе»: «Ведь душа есть причина, как источник движения, [во-вторых], как цель и, [в-третьих], как сущность одушевленных тел. Ясно, что душа есть причина в смысле сущности. У всякой вещи сущность является причиной бытия, у живых существ бытие заключается в жизни, причина же и начало этого – душа, ведь осуществление [энтелехия] есть смысл возможного бытия. Ясно также, что душа есть причина и в смысле цели. Ибо как ум действует ради чего-нибудь, подобным же образом также и природа, а это есть ее цель. Этой целью у живых существ является душа, притом в соответствии со [своей] природой. Вед все природные тела являются орудиями души как у животных, так и у растений, и существуют они ради души» [1].

В данной статье будет представлено только несколько произведений Давида Самойлова, в которых встречается образ души. Необходимо отме-

тить, что круг произведений автора, где присутствует данный образ, не исчерпывается указанными текстами.

В поэзии Самойлова образ души наблюдается в различных жанровых формах лирики: в интимной (в частности, любовной) и философской. В интимной лирике поэта образ души мыслим как живое проявление чувственно-эмоциональной психики лирического героя («И всех кого любил...» (1965), «Круг души распался вдруг...» (1976), «Жалость нежная пронзительней любви...» (20 мая 1986)). Олицетворение становится ведущим приемом в данных стихотворениях, непрерываемо констатируя вечную жизненную сущность души: «В лад другой душе душа страдает./ Себялюбье сходит с колеи» («Жалость нежная пронзительней любви»).

Образ души в этих произведениях Давида Самойлова обладает устойчивым мотивным полем. В приведенном отрывке стихотворения «Жалость нежная пронзительней любви...» душа «в лад <...> страдает». Это величайший признак наличия нематериальной субстанции в живом теле. Мотив страдания, по Самойлову, – признак серьезного личностного изменения человека. Он заставляет «себялюбье» сходить «с колеи».

В систему мотивов образа души также входит мотив памяти. Например, в стихотворении «И всех кого любил...» появляется вполне традиционный образ «дна души», который мыслится как пространственный и соотношенный со временем в контексте произведения: «И там, на дне души, загустевает./ Как в погребке зарытое вино». Осмысление образа души осложняется несколькими моментами. Во-первых, это пространственная характеристика образа – «дно души», которая подразумевает нечто сокровенное, далеко запрятанное в глубинах души человека. Во-вторых, наличие в приведенном отрывке образа вина, с весьма своеобразной интерпретацией. Сравнительный оборот, в который включен образ вина, позволяет вычленить следующие смысловые сцепки образов стихотворения: «память – душа – вино» и «загустевает – зарытое». Они передают основную идею произведения: мимолетность любви не исчезает из человеческой души, наоборот «оседает» на дне и загустевает, как испорченное вино.

Важной характеристикой образа души в любовной лирике Давида Самойлова становится его пространственная осязаемость. Если в предыдущем стихотворении это было практически топонимическое заключение – дно души, то в произведении «Круг души распался вдруг...» это мифопоэтический символ: «Мне на свете все едино./ Коль распался круг души». Пространство души соотносено автором с символикой распавшегося круга, душа лирического героя уже не вписана в единый круг любви.

В философской лирике поэта душа – не менее частотный образ по сравнению с интимной лирикой. В таких произведениях образ души приобретает новые признаки выражения. Например, в стихотворении «И жалко всех и вся...» (1985) Давид Самойлов наделяет душу гендерной характеристикой: «...Когда одна, вдоль дюн, бегом/ Душа – несчастная гречанка». Душа в данном стихотворении трактуется неоднозначно. Во-первых, образ души используется как номинация женского образа, а во-вторых, именно через

образ души гречанки автор передает эту гендерную характеристику. В общее смысловое поле образа души Самойлов «втягивает» такие образы, как дюны, гречанка, чайка. Это обусловлено еще и тем, что душа в тексте стихотворения занимает центральное положение по отношению ко всем упомянутым реалиям и находится в препозиции в четвертой строке текста, тогда как все перечисленные образы занимают постпозицию. Актуализируя его, Давид Самойлов осмысленно подчеркивает важность образа души. Он сочетает в себе реалии мира, которые дополняют его семантику: дюны – пространство – мотив одиночества; гречанка – женское начало – мотив страдания; чайка в круге мира – мотив замкнутого пространства, связанный с мотивом одиночества и несвободы.

В стихотворении «Пройти вдоль нашего квартала...» (1976?) душа вписана Самойловым в систему макро- и микромира: «Но внешний мир – он так же хрупок,/ Как мир души...». Внутренний (микромир) – душа, макромир – внешнее проявление реальности. У Самойлова противоречие этих миров снижено. У них один общий признак – хрупкость.

Вместе с этим в философской лирике Давида Самойлова образ души инвариантен. Инвариантность можно проследить в таких стихотворениях как «Рассчитавшись с жаждою и хламом...» (1980), «Реанимация» (1996), «Бабочка» (1967) и др. Наиболее распространенным становится инвариант *душа – птица*. Так, в стихотворении «Реанимация» поэт передает идею вечности души, которая способна, как птица, улетая из одного места, находить себе другое. По сути, автор транслирует идею реинкарнации, способность души к переселению: «Но если не захочет возвратиться/ Душа, усилье медиков – ничто.// Она куда-то улетит, как птица,/ На дальнее, на новое гнездо».

Инвариант душа – бабочка менее распространен, наиболее ярко его можно представить в стихотворении «Бабочка». Абсолютно опредмеченное и реалистическое произведение Самойлова отличается глубочайшим смыслом и философией бытия. В этом стихотворении автор создает троичный образ «мятлик, бабочка, душа», который вписан автором в реальность мира, где теллурическое воплощение души как бабочки и мятлика мыслится хрупким, иллюзорным, конечным: «Над цветами по полянам,/ Над стеною камыша/ Поживи своим обманом,/ Мятлик, бабочка, душа».

Список литературы

1. Аристотель О душе // Аристотель Соч. в 4-х т. Т.1. М., 1976. С. 371-448. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/arist01/index.htm>. (дата обращения: 10.03.2016).
2. Бабарыкова Э.В. «Душа» как компонент концепта «Я» в лирике И. Анненского // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: научный журнал. 2007. №1. С. 113-115.
3. Боковели О.С. Поэтика образа бабочки в лирике неоакмеистов (Ар. Тарковский, Д. Самойлов, С. Липкин) // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы третьей международной научно-практической конференции. Т 2. СПб., 2012. С. 118-124.
4. Колесникова В.В. Художественный концепт «Душа» и его особенности (на материале произведений Б. Пастернака) // Теория и практика общественного развития: научный журнал. 2007. №1. С. 73-74.

5. Кондратьева О.Н. Концепт душа в зеркале орнитологической метафоры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: филология, история, востоковедение: научный журнал. 2011. №2. С. 63-66.
6. Самойлов Д.С. Лирика. М., 2012. 416 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <http://slovardalja.net/> (дата обращения: 11.02.2016).
8. Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 1999. 441 с.

КОНЦЕПТ «ВОРОВСТВО» СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Вульфович Б.Г.

Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В данной статье рассматривается выражение концепта «Воровство» в двух лингвокультурах – английской и русской. Особое внимание уделено трактовке данного концепта, а также рассмотрению словарных дефиниций лексем, составляющих понятийную составляющую данного концепта.

Ключевые слова: концепт, воровство, лингвокультура.

В любом обществе присутствует категория людей, которая не желает подчиняться закону, правовым нормам и морально-этическим принципам. Можно предположить, что само воровство, как идея получения лёгкой прибыли, берёт своё начало из первобытно-общинного строя, а именно с того момента, когда возникли рыночно-торговые отношения. В то время как честные люди работали, продавали свой товар и получали за это прибыль, другие люди воровали, тем самым обогащая себя и разоряя других.

Данная статья посвящена репрезентации воровства как концепта в английской и русской лингвокультурах. Говоря о концепте, следует отметить, что исследователи неоднозначно трактуют данное явление. Например, Ю.С. Степанов считает, что «концепт – это ментальное образование..., это как бы сгусток культуры в сознании человека... Концепты не только мыслятся, они переживаются... Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [9, с. 40-41]. Согласно данному определению, концепты существуют в рамках какой-либо определённой культуры и могут различаться в зависимости от того, какой культуре они принадлежат.

По мнению В.И. Карасика, концепт может трактоваться как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [2, с. 132]. В данной дефиниции мы видим, что концепт является многоуровневым понятием, имеющим ценностную, образную и понятийную сторону, на что указывает Е.А. Касаткина, утверждая, что данное понятие не может толковаться однозначно: «отмечается, что термин “концепт” не имеет единого толкования в языкознании на современном этапе его развития. Существуют лингвокогнитивное и лингвокультурное, а также историко-культурологическое, психолингвистическое и философское толко-

вание концепта... Односторонний подход к трактовке концепта не даёт полного представления о его природе, а потому целесообразно применять комплексное толкование данного феномена» [3, с. 8-9]. Отсюда следует, что концепт следует понимать в зависимости от того, в какой плоскости мы его рассматриваем. Таким образом, это не уникальное понятие, а разнородное, поэтому, анализируя концепт, следует учитывать, где и в какой плоскости он рассматривается. Таким образом, концепт – это те ассоциации, представления и понятия, которые заложены в индивиде вместе с его культурой, воспитанием и средой, в которой он находится.

Как считает О.В. Павлова, «согласно психоаналитическим теориям, причиной воровства чаще всего является конфликт между личностью и обществом. По З. Фрейду, внутренний мир и поведение человека подчинены асоциальным влечениям. Человек в современной цивилизации должен их подавлять, чтобы соответствовать нормам своего социума. Неспособность бороться со всеми асоциальными влечениями ведёт к нарушению этических и правовых норм, в том числе и к посягательству на чужую собственность» [7, с. 158]. Таким образом, природа воровства в любой культуре кроется в конфликте между личностью и обществом. Рассмотрим, каковы представления о воровстве в английской и русской лингвокультурах.

Само понятие «кража» трактуется в Советском энциклопедическом словаре как «тайное похищение государственного, общественного или личного имущества» [8, с. 642].

Такое явление, как «преступность», трактуется в данном словаре следующим образом: «социальное явление, общественно опасное деяние, возникающее на определённой ступени развития общества...» [8, с. 1053].

А. В. Кунин так определяет глагол «красть»: «1) *воен.* опередить противника, совершить марш скрытно; 2) незаметно обогнать, опередить кого-л.; обмануть кого-л., бдительность» [5, с. 487]. Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даёт нам следующую дефиницию: «воровать – преступно присваивать, похищать чужое» [6, с. 97].

В толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля приводится определение слова «тать», которое синонимично слову *вор* и использовалось раньше для его обозначения: «Тать – воръ, хищникъ, похититель, кто украл что-либо, кто крадёт заобычай, склонный к сему, малоупотр. крадун. Встарь, воръ значл. мошенник, своровать, смошенничать, сплутовать; а тать, прямое название тайнаго похитителя» [1, с. 393].

Таким образом, в русскоязычных словарях «Воровство» трактуется как действие, направленное на хищение чего-либо, присвоение чужого себе; оно является преступлением, но в тоже время ассоциируется с ловкостью, проворностью и умением.

В отличие от русской культуры, в которой существует небольшое количество понятий, ассоциируемых с воровством (воровство, кража, хищение), которые при этом являются синонимичными, в английском языке существует гораздо больше понятий, связанных с воровством, однако по своему коннотативному понятию они будут отличаться.

Например, существует понятие *felony* – the act of committing a serious crime such as murder or rape [12]. В тоже время существует понятие, используемое для обозначения менее серьёзного преступления – *misdemeanor* – (2) a crime that is not considered to be very serious [12].

Помимо этого, есть несколько лексем для обозначения убийства. К примеру, *murder* – the crime of killing somebody deliberately – нейтральное понятие, используемое для обозначения убийства и имеющее синоним *homicide* [12]. Для убийства, совершённого непредумышленно, существует другое понятие, выраженное словом *manslaughter* – the crime of killing somebody illegally but not deliberately [12].

Более того, существуют понятия *robbery* (the crime of stealing money or goods from a bank, shop/store, person, etc, especially using violence or threats), *burglary* (the crime of entering a building illegally and stealing things from it), *theft or larceny* (the crime of stealing something from a person or place), *kidnapping* (a noun for “to take somebody away illegally and keep them as a prisoner, especially in order to get money or something else for returning them) [12].

Англоязычные словари предлагают схожие значения данного понятия, однако, лишённые нескольких черт, которые присутствуют в русских дефинициях. Прежде всего, следует отметить большее количество синонимичных слов в английском, обозначающих данный концепт, чем в русском. Например, синонимический ряд слова «theft» может быть представлен следующими лексическими единицами: «embezzlement, fraud, larceny, pilfering, purloining, rip-off (slang), robbery, stealing, swindling, thievery, thieving» [10]. Longman Advanced American Dictionary характеризует «theft» как «the crime of stealing» or «an act of stealing something» [11]. В то же время Oxford Advanced Learner’s Dictionary даёт следующую дефиницию данного слова: «the crime of stealing sth from a person or place» [12].

Можно отметить, что данные дефиниции схожи в обоих словарях, однако они лишены оттенка проворности и ловкости, которое присутствует в русской культуре. Как утверждает О.А. Кириак, «понятийные характеристики концепта “воровство” имеют много общего в английском и русском языках и совпадают по признаку “похищение чужого”» [4, с. 307].

Таким образом, можно наблюдать большое разнообразие синонимов концепта «Воровство», которые не обладают полной взаимозаменяемостью, а, наоборот, имеют различия в коннотативном компоненте.

На основе проведённого нами анализа можно сделать выводы, что концепт «Воровство», представленный в русской лингвокультурах, имеет более широкий план выражения, чем в английской. В то время как англичане придают ему исключительно негативную оценку, в русской лингвокультуре присутствует и положительный оттенок, представляемый такими качествами, как ловкость и умение.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. СПб.: Диамант, 1996. 688 с.

2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Касаткина Е.А. Концепт «власть» в русской лингвокультуре: когнитивный и фразеосемантический аспекты: Автореф. дис...канд. филол. наук. Ростов-н/Д., 2012. 22 с.
4. Кирияк О.А. Воровство // Антология концептов. Волгоград: Перемена, 2005. С. 307-326.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. язык, 1984. 944 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
7. Павлова О.В. Воровство // Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2011, Т.8. С. 156-174.
8. Советский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1982. 1600 с.
9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Collins English Thesaurus: The Ultimate Wordfinder. Glasgow: Collins, 2001. 1070 p.
11. Longman Advanced American Dictionary – Harlow: Person Education Limited, 2007. 1863 p.
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary 8th edition – Oxford: Oxford University Press, 2010. 1796 p.

ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В ПРАВОСЛАВНОЙ ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЁВА «НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША»

Гречаная А.И.

магистрант кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Россия, г. Ялта

Царегородцева С.С.

научный руководитель, доцент кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания, канд. филол. наук, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Россия, г. Ялта

В статье делается попытка систематизировать основные тематические группы церковно-религиозной лексики в православной повести И.С. Шмелева «Неупиваемая Чаша».

Ключевые слова: православная повесть, церковно-религиозный стиль, тематические группы, церковная лексика, религиозная лексика, старославянизмы, церковнославянизмы.

Шмелев Иван Сергеевич (1873 – 1950) – один из наиболее талантливых православных писателей в литературе XX века, представитель консервативно-христианского направления русской словесности. Большинство его литературных произведений, написанных в церковно-религиозном стиле, представляют большой интерес для современного лингвостилистического анализа.

В современной лингвистике понятия «**церковная лексика**» и «**религиозная лексика**» трактуются неоднозначно, поскольку до конца не решена проблема их соотношения.

Например, Булавина С.В. к религиозной лексике относит единицы, называющие «основные христианские понятия, большая их часть представлена в Библии – основном источнике христианского вероучения. Религиозная лексика не соотносится с материальной стороной жизни церкви, в этом её главное отличие от церковной лексики» [1, с. 9]. Однако с таким подходом нельзя согласиться, поскольку, как отмечает А.М. Четырина, всё, что связано с церковью, входит в понятие религии. «Церковная лексика является частью религиозной лексики как более широкого семантического объединения» [4, с. 107]. Более того, ошибочно относить к религиозной лексике только «основные христианские понятия» (С.В. Булавина), поскольку христианство – это одна из мировых религий (наряду с исламом и буддизмом). Следовательно, христианская религиозная лексика является лишь частью всей религиозной лексики.

Жизнь Русской православной церкви в течение практически всего XX века проходила в тени. Церковная лексика использовалась только священнослужителями, незначительным кругом воцерковленных и очень узким кругом научных исследователей: историков, филологов, искусствоведов. Церковная лексика, как и вся жизнь Церкви, была *terra incognita* для советских исследователей. Однако литература русского зарубежья в лице таких писателей как И.Бунин, Г.Гребенщиков, М. Осоргин, Б. Зайцев, Д. Мережковский, И. Шмелев оставалась глубоко религиозной.

В последние десятилетия, в эпоху религиозного Ренессанса, творческие установки, философские взгляды, язык и стиль православного писателя Ивана Сергеевича Шмелёва оказались в центре внимания ученых различных школ и направлений гуманитарного знания.

Крымские исследователи особое внимание уделяют алуштинскому периоду жизни писателя. Впервые Иван Сергеевич Шмелёв побывал в Алуште в 1907 году. Крымская природа, жизненный уклад полуострова, история христианских храмов, жизнь крымских святых и великомучеников – всё это произвело на писателя сильное впечатление. В 1918 году исполнилась мечта Шмелёва, он поселился в Алуште. В этом же году он приступил к созданию повести «Неупиваемая чаша». Иван Шмелев как глубоко религиозный человек обратился к иконописному образу Божией Матери – «Неупиваемая чаша», написав одноименную повесть. Сам Шмелев об истории создания повести рассказал в одном частном письме: «А вот несколько слов о времени создания "Чаша": "писалась "Чаша" – написалась – случайно. Без огня – фитили из тряпок на постном масле, – в комнате было холодно +5-6 градусов. Руки немели. Ни одной книги под рукой, только Евангелие. Как-то неожиданно написалось. Тяжелое было время. Должно быть, надо было как-то покрыть эту тяжесть. Бог помог» [3, с. 237].

Сюжет повести строится вокруг судьбы крепостного мальчика-художника Ильи Шаронова из Ляпуновки. «Матери он не знал: померла она до году его жизни. Приняла его на уход тетка. Божий глаз сохранял Илью» [5, с. 21]. «Был он красивый юноша и нежный сердцем» [5, с. 49]. И обнаружился у него удивительный талант к иконописи. Как писал Шмелёв, отмечая

особый дар Ильи, «выучился Илья зрак писать, белильцами светлую точку ставить, без циркуля, от руки, нимбик класть. Дивился мастер Арефий и говорил: Да вы, братики, поглядите! Да какой же золотой палец! Да это же другой Рублев будет!» [5, с. 32]. И вот последняя работа Ильи, после смерти молодой барыни, и будет уже не портрет, а холст. Пишет образ Пресвятой Богородицы, и говорит «пишу тебя, ту, которая умереть не может...».

Повесть И.С. Шмелёва «Неупиваемая Чаша» – православный гимн иконе «Неупиваемая чаша» (Мария изображена в молитвенной позе с воздетыми руками, Младенец Христос – стоящим в чаше и благословляющий обеими руками). Неупиваемая, или Неиспиваемая Чаша, – это неистощимая Чаша радости, утешения, исцеления, жизни, вообще неистощимый источник всяких духовных дарований, «Чаша, черплющая радость», как сказано в акафисте Пресвятой Богородице. Глубокий внутренний смысл в том, что икона «Неупиваемая Чаша» стала источником спасительных надежд и исцелений для многих страждущих. Шмелев в этом видел назначение не только иконописи в целом, но и всей русской литературы. Как «самый русский из писателей» (К. Бальмонт) он уже в самых ранних произведениях обращался к языку православия. Повесть «Неупиваемая чаша», впервые изданная в альманахе «Отчизна» (1919 г.) воспринималась современниками как этапное произведение в творчестве И.С. Шмелева, в которой он «красиво завершил всё то значительное и глубокое, что до сих пор им создано». Георгий Гребенщиков сравнил эту вещь с полотнами Нестерова, где тоже воспеваются сила и величие русского духа, готовность к самопожертвованию и прощению [2].

Действительно философско-эстетические установки, православные образы и лингвостилистические особенности повести были развиты в его лучших православных книгах «Богомолье» и «Лето Господне».

В повести «Неупиваемая чаша» упоминаются имена многих святых, названия церковных служителей, названия христианских церковных праздников, религиозной атрибутики, часто употребляются глаголы и отглагольные существительные, обозначающие различные действия религиозной направленности.

Церковно-религиозная лексика в «Неупиваемой Чаше» И.С.Шмелёва является доминантой и может быть дифференцирована на несколько тематических групп:

- название священной одежды, атрибутов власти (*одеяние, схима, власяница*). *Велел шить на него власяницу*. [5, с. 41].

- наименования духовенства, служителей церкви (*дьячок, архиерей, монахиня, юродивые, блаженные, столпники, преподобные, папа Римский*). *Приходит и столетний дьячок Каплюга* [5, с. 18].

- наименования Бога и других святых лиц (*Господь, бог Саваоф, Угодники Сергей и Савва, мученик Касьян, Ипатий, Митрополит Филипп, Дмитрий-царевич, евангелист Лука, Арефий Печерский, Иоанн Киевский, Угодник Микола, Христос, Богоматерь, великомученица Анастасия, ангел, Илья Пророк*). *А почему у Ильи Пророка одежда как у последнего нищего?* [5, с. 72].

- название церковных служб и религиозных богослужений (обедня, *Крестный ход, молебен, вечерня*). *За шумел народ и просил отслужить молебен Неупиваемой Чаше* [5, с. 105].

- название религиозных книг (*Псалтырь, Жития, псалма*). *Будил барин по ночам Илью и наказывал читать Псалтырь* [5, с. 42].

- название предметов церковной утвари (*просвирка, свечка, Животворящий крест, икона, хоругвий, иконостас*). *Дала из мешочка просвирку, покрестила и вывела из храма* [5, с. 23].

- название религиозных праздников и постов (*Рождество Богородицы, Масленица, Пасха*). *В день празднования Рождества Богородицы, 8 сентября* [5, с. 107].

- название храма и его отдельных частей (*церковь, монастырь, собор, трапезная, храм, купол, купель*). *А обедать ходили в трапезную палату* [5, с. 34].

Таким образом, через церковную лексику произведения: старославянизмы, церковнославянизмы, цитаты из религиозных текстов придается повествованию возвышенно духовное содержание. Православие у И.С.Шмелёва несёт идеалы святости, добра и красоты. Веровать сердцем и освещать лучами этой веры повседневный быт, труд, любовь и смерть – главное кредо писателя. Впервые в этой повести И.С. Шмелёв показал, христианскую сущность русского народа, которое стало главной идеей всего его последующего творчества.

Список литературы

1. Булавина С.В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику: автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
2. Гребенщиков Г.Д. Родная земля // Государственный музей искусства, литературы и культуры Алтая (ГМИЛИКА). Фонд Г.Д. Гребенщикова. Ед. хр. 15433//29.
3. Русская литература в эмиграции / Под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 237.
4. Четырина А.М. К вопросу о разграничении церковной и религиозной лексики в толковых словарях русского языка // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. М. – Ярославль: Ремдер, 2010. С. 104-108.
5. Шмелёв И.С. Богомолье: повести и рассказы. М.: Сибирская Благовонница, 2014. 462 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Лабашева Н.А.

доцент кафедры естественно научных и математических дисциплин,
канд. пед. наук, доцент, филиал ФГБОУ ВО «АГУ» в г. Белореченске,
Россия, г. Белореченск

В статье дается анализ социокультурной коммуникации в процессе преподавания иностранного языка. Рассматривается вопрос о необходимости обучения будущих специалистов коммуникативно-ориентированному владению иностранным языком в професси-

онально значимых ситуациях межкультурного делового общения. Эффект обогащения и сближения языков и культур осуществляется методом накопления и растянут во времени.

Ключевые слова: социокультурная коммуникация, процесс преподавания, иностранный язык, диалектический, коммуникант, этнические общества, билингв, интеграция, глобализация.

Составляющими глобальной культурной системы являются самобытные исторические корни, детерминирующие культурные различия между людьми. Интеграция и дифференциация определяют внутри глобальной культуры различные позиции и мнения. Рассматривая глобализацию как диалектический процесс, в котором задействованы все социальные группы, все этнические общества и культуры, необходимо отметить, что межкультурная коммуникация представляет собой, прежде всего межперсональную коммуникацию в специальном контексте.

Каждый участник культурного контакта имеет свою собственную систему правил, которая в свою очередь может быть отослана и получена им, закодирована и декодирована.

Нередко реципиент приписывает знакам и символам иное значение, чем коммуникатор, интерпретируя и понимая эту информацию иначе, чем хотелось бы адресанту. Это может привести к недопониманию между участниками коммуникации. Особо ярко это проявляется в общении разноязычных коммуникантов. Лингвокультурный барьер может стать не только помехой в процессе коммуникации, но и привести к «коммуникативным неудачам».

Главной предпосылкой успешной социокультурной коммуникации является лингвистическая общность коммуникантов, то есть наличие единого для обоих языка общения. В настоящее время для представителей различных стран английский является языком межкультурного общения. Именно поэтому объясняется повышенное внимание к иностранному языку на всех уровнях мировой образовательной системы [4, с. 51].

Помимо того, что иностранный язык – обязательный элемент профессиональной подготовки, он является неоспоримым фактором общекультурного развития личности. Однако практика общения с иностранцами показывает, что даже блестящее владение иностранным языком не исключает непонимания и конфликтов с его носителем. Успешные и эффективные контакты с представителями других культур невозможны без практических навыков социокультурного общения. Развитие культурной восприимчивости, способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах является неотъемлемой задачей педагогического процесса.

Потребность общества в специалистах различного профиля владеющих иностранным языком определяет формирование практических навыков и умений. Иноязычный код предполагает овладение профессионально значимыми концептами инофонной культуры, определяющими специфику общественного и делового поведения, детерминирующего влияние исторических традиций и обычаев, образа жизни и т.д. Поэтому необходимо научить буду-

щих специалистов коммуникативно-ориентированному владению иностранным языком в профессионально значимых ситуациях межкультурного делового общения [3, с. 231].

Исследование проблем профессиональной компетенции преимущественно посвящалось лексико-стилистическому аспекту и не было связано с анализом когнитивных аспектов организации профессиональной коммуникации. Как результат такого анализа можно рассматривать разработку и построение системы фреймов, конституирующих ситуации сотрудничества с выявлением общего, частного и периферийного, с вовлечением в круг анализа знаний и представлений инофонных коммуникантов о мире с целью прогнозирования их реакции и поведения, предвидение развития событий и выбора коммуникативных стратегий.

Наряду с языковыми умениями и навыками необходимо наличие навыков коммуникативных, подразумевающих способность будущих специалистов к принятию социокультурной специфики иносоциума и передачи информации профессионально-делового характера на иностранном языке. Обучение будущих специалистов деловому сотрудничеству на иностранном языке должно быть основано на целостной концепции, включающей интегральную совокупность языкового и когнитивного знания.

Рассматривая проблему социокультурной коммуникации нельзя не затронуть такой феномен, как адаптация к иной культуре, т.е. аккультурация, которая в век миграционного бума приобретает все большую актуальность. Процесс аккультурации подразумевает стремление сохранить собственную культурную идентичность и включиться в чужую культуру. Совершенно очевидно, что в основе аккультурации лежит коммуникативный процесс, который предусматривает приобретение коммуникативных способностей к новой культуре и новому социуму [2, с. 215].

Коммуникативные способности включают такие личные характеристики, как открытость для разных взглядов, профессиональная компетентность, общительность, высокая самооценка, склонность к сотрудничеству, интерес к окружающим людям, терпимость к новому и необычному, внутренний самоконтроль, корректность, настойчивость в достижении цели, эмпатия.

Язык – это мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива.

На язык как основной специфический признак этноса можно смотреть с двух сторон: как главный фактор этнической интеграции и как основной этнодифференцирующий признак этноса. Диалектически объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и обособления своих и чужих.

Совокупность общественных условий на определенном этапе языкового коллектива с установлением всех особенностей функционирования языка представляет собой социальный аспект контекста.

В конкретных условиях осуществления речевого акта, который состоит из совокупности высказываний, построенных по нормам языка, и совокупно-

сти всех ситуационных условий данного речевого акта преобразуется в индивидуальный аспект [5, с. 72].

Функция языкового посредничества реализуется либо непосредственно в каждом акте устного перевода, либо с некоторой отсрочкой – при письменном переводе. Такую функцию логично охарактеризовать как синхроническую. Что касается побочного эффекта обогащения и сближения языков и культур, то он осуществляется методом накопления и растянут во времени, что позволяет рассматривать его как диахронический.

В процессе перевода с психологической точки зрения характерно переключение мышления человека с одной языковой базы на базу другого языка. Из этого следует, что языковой перевод нужно считать не особым видом речевой деятельности человека, а особым мыслительным процессом, который лишь основывается на речевой деятельности, но особого вида речи не образует [1, с. 44].

Перевод, как одна из форм социокультурной коммуникации разноязычных коммуникантов, особое значение приобретает в отношении вопросов типологии двуязычия, т.е. билингвизма, и роли автоматизма при синхронном переводе, вопросов взаимодействия мышления на разных языках, а также внутренней речи и перевода.

Рассматривая язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им, как родным, так и иностранным, социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия, при этом компонент культуры не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям.

Проведенные исследования как межрасовых и межэтнических ситуаций общения показывают, что именно различия маргинальных характеристик языка являются источником непонимания и приводят к образованию расовых и этнических стереотипов. Механизм проявления выше описанных различий и есть контекстуализированный титр. К маргинальным характеристикам относятся особые аспекты языка и поведения вербальные и невербальные знаки, которые связаны с тем, что называется контекстуальным знанием – фреймами (по Э. Гоффману). На фреймах строятся пресупозиции, необходимые для правильного вывода подразумеваемого значения, включая иллокуции.

Контекстуальные пресупозиции являются разновидностью фоновых знаний, обуславливающих процесс инференции вывода двух взаимосвязанных между собой уровней значения. Один уровень обозначает коммуникативный вид деятельности: чтение лекции, беседа и т.д., а другой уровень представляет иллокутивный акт, который соотносится с намерением говорящего. При этом следует подчеркнуть, что интерпретация иллокутивного акта зависит от использования фрейма, который выводится также на основе контекстуализированного титра. Таким образом, речевое общение протекает без

проблем при условии, что оба коммуниканта владеют общим контекстуализированным титром. Поскольку контекстуализированные титры усваиваются в процессе длительного непосредственного контакта, многие члены современного речевого сообщества, характеризующиеся заметными культурными различиями и социальной неоднородностью, предпочитают избегать их в общении, что влечет за собой такие коммуникативные трудности, как непонимание.

Важную роль играют контекстуализированные титры в успешном протекании процесса инференции, вывода значения на основе умозаключений. Это объясняется тем, что они позволяют участникам социокультурной коммуникации полагаться на косвенные инференции, из которых создается фрейм фоновых знаний о контексте, в целях интеракции и межличностных отношений [6, с. 245].

При неспособности участников вербальной коммуникации привлекать и поддерживать внимание друг друга, взаимопонимание становится невозможным. Поэтому здесь уместно говорить о понятии конверсационной вовлеченности, поддержание которой чрезвычайно важно для процесса ситуативной инференции. Способность участвовать в процессе межличностного общения и понимать друг друга является частью коммуникативной компетенции.

Общая стратегия дискурса должна начинаться с определения языковых и социокультурных знаний, которые необходимы сначала для поддержания беседы, а за тем для осуществления конверсационной инференции, отражающей культурную, субкультурную и ситуативную специфику интерпретации, которая является одним из важных аспектов коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари. 1996. 416 с.
2. Лабашева Н.А. Особенности интонации русского языка в нерусской аудитории как средство формирования коммуникативной культуры // Научные труды КубГТУ, № 4, 2016. 330 с.
3. Лабашева Н.А. Обзор тенденций глобализации английского на современном этапе развития // Научные труды КубГТУ. №12, 2015. 224 с.
4. Лабашева Н.А. Актуальные проблемы речевой культуры // Научные труды КубГТУ, № 4, Краснодар, 2016. 330 с.
5. Лабашева Н.А. Проектирование профессионально ориентированного обучения иноязычному речевому общению студентов юридических вузов: дис. ... канд пед. наук : 13.00.08, В., 2003. 240 с.
6. Лабашева Н.А. Анализ дидактических предпосылок разработки системы профессионально-направленного обучения иностранному языку // Научные труды КубГТУ. №12, 2015. 245 с.

АРГУМЕНТАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ПРОШЛОГО В РОССИЙСКИХ СМИ¹

Милованова М.В.

профессор кафедры русского языка и документалистики,
д-р филол. наук, профессор, Волгоградский государственный университет,
Россия, г. Волгоград

Ребрина Л.Н.

доцент кафедры немецкой филологии, д-р. филол. наук, доцент,
Волгоградский государственный университет, Россия, г. Волгоград

Статья посвящена анализу тактик психологической аргументации, реализующих стратегию позитивной презентации прошлого в российских СМИ. Институционализированное формирование ценностного отношения к прошлому базируется на реактуализации и реинтерпретации фрагментов коллективной памяти с учетом потребностей настоящего и рассматривается в рамках теории социальной коммуникации. Воздействие на адресата носит манипулятивный характер, нацелено на снижение критичности восприятия у адресата. По результатам количественного анализа делается вывод о наиболее и наименее частотных описываемых тактиках.

Ключевые слова: образ прошлого, СМИ, воздействие, стратегии, тактики психологической аргументации, языковые средства, адресант, адресат.

Ценностное отношение к коллективному прошлому является значимым, аффективным элементом национальной и групповых идентичностей, используется институтами общественной коммуникационной системы для общественной интеграции и национальной консолидации, традирования ценностей, гармоничного соединения существующего строя с социально значимым прошлым опытом, воссоздания желаемого образа современного настоящего и легитимизации власти. Формирование образа прошлого предусматривает дискурсивную реактуализацию фрагментов коллективной памяти и их реинтерпретацию в соответствии с потребностями современного социума. В условиях сегодняшнего политически ориентированного роста публичности коллективной памяти данная проблематика отличается актуальностью и привлекает внимание разных специалистов. Коллективная память как социально конструируемый феномен существует в социальном хронотопе [1; 5]. Презентация прошлого в публикациях СМИ реализуется в форме коммуникативного действия «управление», характеризуется субъект-объектными отношениями адресанта и адресата, манипулятивным воздействием с целью изменения аффективного, когнитивного и конативного компонентов идентичности получателя сообщения, определенной стратегемно-тактической организацией [2; 3; 8]. При этом события прошлого превращаются в объект нравственной рефлексии, сопряженной с эмоциональным вовлечением в прошлое. Воздей-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-04-00068).

ствие может осуществляться в форме убеждения или внушения, базируясь, в первом случае, на логических и фактологических доводах и апеллируя к сознанию, во втором – на психологических доводах и апелляции, в большей степени, к подсознанию [7]. Объектом исследования являются тактики психологической аргументации, реализующие стратегию позитивной презентации прошлого в российских СМИ, а источником материала – русскоязычный газетный корпус текстов университета г. Лидс.

Анализ отобранного методом сплошной выборки материала показывает, что в российских СМИ презентация положительного образа прошлого реализуется такими тактиками психологической аргументации, как тактика апелляции к этническим этическим доводам, тактика апелляции к положительному индивидуальному опыту адресата, тактика апелляции к положительным образам и стереотипам, тактика апелляции к авторитету, тактика утверждения ценности прошлого, тактика идентификации с адресатом, тактика описания положительных последствий, тактика ностальгической мифологизации. Названные тактики нацелены на редукцию логического анализа связей содержания с прошлым и настоящим адресата и, тем самым, на снижение осознанности и критичности восприятия. Рассмотрим примеры выделенных тактик.

Тактика апелляции к этническим этическим доводам предполагает обращение к историческому коллективному опыту и общим нравственным принципам, разделяемым всеми представителями этноса, посредством соотнесения оцениваемых фрагментов прошлого с общими духовными ценностями и нравственными нормами. Целью тактики является инициация разделения адресатом этической позиции адресанта. Характерным для реализации данной тактики является употребление абстрактных существительных (называют объекты и явления аксиологической сферы личности) и лексических единиц с оценочной семантикой. В приводимом ниже контексте адресант апеллирует к целому ряду ценностей (свобода, независимость, справедливость, самостоятельность, традиции), однозначно задающим спектр формируемой оценки фрагмента прошлого. Описываемая тактика сочетается с тактикой описания положительных последствий (см.: *Он дал тогда нашей Родине будущее*):

Наша страна находится в преддверии юбилея Великой Победы. Она досталась нам огромной ценой. Ценой огромных, неисчислимых жертв. Солдат Великой Отечественной по праву называют солдатами Свободы. Они принесли миру избавление от человеконенавистнической идеологии и тирании. Отстояли суверенитет страны, защитили ее независимость. Мы всегда будем помнить об этом. Наш народ сражался против рабства, сражался за право жить на своей земле, за право говорить на родном языке, иметь свою государственность, культуру и традиции. Он сражался за справедливость и свободу. Он отстоял свое право на самостоятельное развитие. Он дал тогда нашей Родине будущее [LEEDS, id="62307"].

Тактика идентификации с адресатом нацелена на инициацию разделения адресатом суждения адресанта, расхожего общепринятого мнения.

Продуцент сообщения описывает свои мысли и переживания как свойственные конкретному или всем представителям этноса, причисляя, тем самым, широкий круг адресата к группе своих сторонников. Отождествлению позиций способствует употребление инклюзивных личных местоимений и притяжательных местоимений, некоторых указательных и отрицательных местоимений [6, с. 6]. При этом имеет место единение автора и определенных типов адресата, уточняемых конкретизаторами (например: *мы, ставшие свидетелями перестройки...*). Как следствие, в таких случаях адресату может приписываться статус авторитета, он приглашается в союзники, свидетели. Такой риторический прием способствует сокращению дистанции между продуцентом и получателем сообщения, поскольку в соответствии с изначальной установкой адресат составляет вместе с адресантом группу «своих». Реализации тактики также способствует употребление модальных глаголов, акцентирующих позицию автора, и глаголов психической деятельности:

Мы – наследники великой Советской державы и русской воинской славы. Мы выжили в истории через ряд великих побед. Мы возьмём с собой в наследство весь героизм великой тысячелетней эпохи, в которой около 700 лет мы были вынуждены провести в боях и походах, отстаивая свою правду и достоинство. ... Мы должны взять героизм наших отцов и дедов. Мы должны взять с собой мужество тех, кто отстаивал независимую державу [ПРВ, 22.06.2016].

В приводимом далее примере тактика идентификации с адресатом сочетается с тактикой апелляции к авторитету (президент о контрнаступательной операции под Москвой в годы Великой отечественной войны): *«Мы победили, так как были сильнее духом, за счет героизма нашего народа». «Мы победили за счет тех людей, которых сегодня зовем ветеранами. Мы будем помнить их, гордиться, это будет вдохновлять наш народ во имя нашей любимой России», – сказал президент* [LEEDS, id="48223"].

Тактика апелляции к авторитету. При реализации данной тактики продуцент сообщения для повышения достоверности и аргументированности своих доводов обращается к суждениям выступающих в качестве его союзников авторитетов. В роли последних могут выступать специалисты в определенной области или непосредственные участники событий, делящиеся индивидуальным опытом и личными переживаниями. Апелляция к авторитету совмещает в себе фактологическую и психологическую аргументацию и представляет собой действенное средство психологического воздействия, основанного на добровольном подчинении индивида компетенции другого лица. Авторитет, как третья сторона, участвующая в осуществлении коммуникативного намерения адресанта, может быть четко определен (имя, должность) или задан обобщенно (некто / многие / все, кто отвечает определенным требованиям). Актуализируя соответствующий способ предъявления доводов в пользу формируемого ценностного отношения к прошлому, описываемая тактика сочетается с другими тактиками фактологической или психологической аргументации. Реализация названной тактики предусматривает использование антропонимов, лексических единиц, называющих социальные

характеристики компетентного лица, глаголы речевой деятельности, признаковые слова с положительной семантикой (например, в приводимом ниже примере – *Дмитрий Медведев, президент, объявить, подчеркнуть, обойти тему, поднимать тему, неоспоримый, решающий вклад*):

О необходимости защитить историю страны от фальсификаций Дмитрий Медведев объявил еще 27 января на заседании оргкомитета "Победа", созданного к 65-й годовщине Победы. Он заявил, что не может обойти тему, которую поднимают ветераны, – «искажение правды о войне, правды о неоспоримом и решающем вкладе, который внесли Красная армия и Советский Союз в разгром фашизма и освобождение Европы, правды о последующем влиянии Победы на развитие мировых исторических процессов». «И здесь наша задача – активно противостоять такого рода ложным трактовкам истории. Это, если хотите, наш гражданский долг», – подчеркнул президент [ГК, 20.06.2016].

В приведенном примере тактика апелляции к авторитету сочетается с тактикой утверждения ценности события прошлого. Ценность фрагмента прошлого, по мнению цитируемого авторитета, обуславливается *«последующим влиянием Победы на развитие мировых исторических процессов»*, подкрепляется призывом к сохранению неискаженной правды о войне. При предъявлении тезиса о важности сохранения памяти о значимом фрагменте прошлого используется тактика идентификации с адресатом (релевантное языковое средство – инклюзивное местоимение *наш*).

Тактика утверждения ценности прошлого. Адресант указывает на необходимость бережного отношения к прошлому, факт его увековечивания, значимость какого-то события, что инициирует положительную его оценку. Характерным для описываемой тактики является использование лексических единиц, описывающих процессы памяти, мыслительную, эмоциональную сферу, лексем с положительной семантикой и модальных глаголов: *Мы никогда ни перед кем не склоняли головы. Только за то, что мы победили в мае 1945 года, нам на любом суде истории поставят памятник [ПРВ, 21.06.2016]* или: *Наши дети многое нам припомнят. Но за три великих дня в августе 1991-го и они скажут нам душевное спасибо [LEEDS, id="4265"]* (о подавлении Пutschа ГКЧП в августе 1991 и победе перестройки) или: *Так было. Яркий и убедительный пример Советского Союза в деле единения народа. Можем ли мы предавать его забвению? [ПРВ, 19.05.2016].*

Тактика апелляции к положительному индивидуальному опыту адресата подразумевает обращение к эмоциональной памяти индивида или группы, выстраивание сообщения в форме повествования свидетеля / участника событий от первого лица. Содержанием повествования при этом становятся знакомые всем и каждому в отдельности ситуации, переживания, что способствует разделению предъявляемого мнения и оценки массовым адресатом. Релевантными языковыми средствами являются лексем с положительной семантикой, лексические единицы, называющие явления, объекты, процессы психической сферы человека:

Я тугодум – меня волнуют не только мои собственные проблемы, но и то, что происходит, извините за высокопарность, с народом, страной. И за все это сердце болит. А что касается моего отношения к прошлому, то я исхожу из своего конкретного жизненного опыта. На одной чаше весов – безотцовщина, страдания близких и все, связанное с этим, а на другой – великолепное образование, социальные гарантии, общественный статус ... И, наконец, возможность писать то и так, как я все-таки считал нужным [LEEDS, id="7452"].

Тактика описания положительных последствий. Аргументации в рамках данной тактики основывается на объективных ментальных и психических механизмах, а именно на закреплённом в сознании представлении о причинно-следственных отношениях, согласно которому оценивание причины подкрепляется интерпретацией следствия. Реализацию тактики характеризует использование лексики с положительной семантикой, лексем, описывающих эмоциональную и мыслительную сферы человека (в приводимом ниже примере – *гордиться, славный, богат, яркий, достижения, выдающийся, замечательный, лидирующий*):

Мы по праву гордимся славной историей отечественной космонавтики, которая богата яркими событиями и достижениями, именами выдающихся ученых, конструкторов, исследователей. Замечательные традиции, накопленный технологический потенциал позволяют сегодня России уверенно занимать лидирующие позиции в освоении внеземного пространства [LEEDS, id="5775"].

Формируемая положительная оценка истории космонавтики аргументируется указанием на накопленный потенциал и возможности для дальнейшего развития, обеспечивающие лидерство России в данной отрасли.

Тактика апелляции к положительным образам и стереотипам реализуется посредством предъявления адресату знакомых образов, обращения к стереотипным представлениям, которые могут вызвать желаемые ассоциации, способствовать созданию определенного эмоционального настроения, запустить механизм «эмоционального заражения». Релевантные языковые средства – эмоционально нагруженная лексика, лексические единицы, описывающие психическую сферу человека, хронимы и топонимы. В качестве такого образа, знакомого всем и вызывающего положительные ассоциации, в приводимом ниже контексте выступает Московский Кремль как символ России:

Здесь, в Кремле, – сосредоточие нашей национальной памяти. Здесь, в стенах Кремля, веками вершилась история нашей страны. И у нас нет права быть “ иванами, не помнящими родства ”. Мы не должны забывать ничего. Мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть. Извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен ... [LEEDS, id="5892"].

В анализируемом контексте описываемая тактика сочетается с тактикой идентификации с адресатом и тактикой утверждения ценности прошлого.

Тактика ностальгической мифологизации предполагает создание положительного, сентиментального образа прошлого, в котором ретушируются все недостатки. Прошлое идеализируется и превращается в источник утраченной в настоящем стабильности [4], создаваемая картина гармоничного прошлого выполняет компенсаторно-адаптационную функцию, выступает как своего рода защитный механизм. Релевантные языковые средства – лексемы, описывающие эмоциональную сферу, лексические единицы семантического поля «память» с компонентами значения «жаждать вернуть», «оживить», «тосковать», «жить прошлым», лексика с положительной семантикой:

Между тем отнюдь не туманна, но вполне реальна тоска по честному и добросовестному жизнеустройству, по спокойному, налаженному и раздольному быту, по таким естественным, но сегодня недостижимым установлениям, когда милиционер является защитой, а не наихудшей угрозой, а чиновник, вместо того чтобы быть несатытым хищником, верно служит престолу – отечеству [LEEDS, id="30292"].

Выполненный анализ показывает, что в российских СМИ регулярно используются тактики психологической аргументации формируемого положительного образа прошлого. Они способствуют снижению осознанности и критичности восприятия у получателя сообщения. Воздействие на адресата носит манипулятивный характер. Наиболее релевантными из описываемых аргументативных тактик формирования положительного образа прошлого являются тактика апелляции к этническим этическим доводам (26,8 %) и тактика утверждения ценности прошлого (14,9 %). Действенность данных тактик определяется формируемым общественной коммуникационной системой уважительным отношением к своей истории, богатыми национальными традициями, нравственными правилами и системой общечеловеческих и национальных духовных ценностей, укорененных в национальном менталитете. Регулярно используются адресатом тактика идентификации с адресатом (13,4 %), апелляции к авторитету (11,9 %) и тактика описания положительных последствий (11,9 %) как сочетающие потенциал логических и психологических доводов. Наименее частотной тактикой является тактика ностальгической мифологизации (6 %), что объясняется деструктивным эффектом эстетизации и идеализации прошлого, не позволяющим извлечь полезные уроки из истории страны.

Источники и принятые сокращения

ГК – Газета Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru> (дата обращения: 21.06.2016).
ПРВ – Газета «Правда» URL: <http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/> (дата обращения: 20.06.2016).
LEEDS – Русскоязычный газетный корпус университета г. Лидс. URL: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html> (дата обращения: 22.06.2016).

Список литературы

1. Кемеров В. Память коллективная. URL: <http://terme.ru/dictionary/183/word/pamjat-kolektivnaja> (дата обращения: 10.04.2015).

2. Ребрина Л.Н. Тактическая организация внушения при формировании позитивного ценностного отношения к прошлому в германских СМИ // Современное исследование социальных проблем». 2016. №2. С. 140-155.
3. Ребрина Л.Н., Шамне Н.Л. Закономерности диспозиции при формировании положительного образа прошлого в СМИ Германии // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 105-116.
4. Самутина Н.В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 48 с.
5. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002.
6. Тенева Е.В. Приемы идентификации и самопрезентации в политико-публицистическом дискурсе (на материале британских газетных статей): диссертация ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2011.
7. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика: Часть 1. Аппарат риторики // Библиотека: Теория языка. 2005. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_115.shtml (дата обращения: 10.06.2015).
8. Rebrina L., Shamne N., Petrova A., Milovanova M., Eltanskaya E. Space of memory: interactional and semantic aspects // Journal of Language and Literature. 2014. Т. 5. № 4. С. 147-154.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ В МИСТЕРИИ Д.Г. БАЙРОНА «НЕБО И ЗЕМЛЯ»

Михайленко Е.Н.

доцент кафедры зарубежной литературы и художественной культуры,
канд. филол. наук, доцент, Башкирский государственный университет,
Россия, г. Уфа

В статье рассматривается байроновская версия легенды о причинах всемирного потопа, отраженной в Ветхом Завете и в апокрифической Книге Еноха. Автором отмечены расхождения между первоисточниками и романтической драмой Байрона и указаны их причины, а также исследованы особенности жанровой формы мистерии, позволившей Байрону выстроить авторский романтический миф об отношениях мира и человека.

Ключевые слова: Байрон, Библия, апокриф, мистерия, романтическое мифотворчество.

К Библии как источнику художественного материала Д.Г. Байрон возвращался на протяжении всей своей творческой жизни. В 1821 году им были написаны две мистерии, «Каин» и «Небо и Земля», которые можно рассматривать как своеобразную дилогию, обладающую идейным и тематическим единством: если проблематику «Каина» можно в самом общем виде свести к теме разума и познания, то ведущей темой «Неба и Земли» стала любовь. По словам автора, «в этой драме меньше философии, чем в «Каине», к тому же она по преимуществу лирическая» [1, с. 297]. Преобладание лирического начала сказывается здесь как в структуре самого произведения (аморфность композиции, наличие большого количества лирических партий), так и на содержательном уровне (отсутствие четко очерченного конфликта).

Создавая мистерию, Байрон основывался на двух первоисточниках. Это, во-первых, ветхозаветный эпизод, посвященный любви сынов Божьих к дочерям человеческим и последовавшему за этим потопу; во-вторых, апокрифическая Книга Еноха, обнаруженная в начале XIX века в Эфиопии и переведенная на английский язык в 1821 г. По всей видимости, именно знакомство с последней и вдохновило Байрона на написание драмы, хотя его интерпретация легенды существенно отличается как от канонического, так и от апокрифического ее варианта. Свободно варьируя элементы сакральных древнееврейских текстов, поэт очень своеобразно интерпретирует предание и создает романтическую драму о любви, представляющей высшим проявлением духовной свободы человека в мире, который оставлен богом.

В Книге Еноха рассказывается о том, как ангелы, стражи земли, увидев дочерей человеческих, возжелали их и решили соединиться с ними. Во главе с Семязой двести ангелов покинули небо, сошлись с девами и научили их колдовству, обработке металлов и наблюдению над небесными телами. От браков родились исполины. Они поели все приобретения людей, так что люди не могли уже прокармливать их. Тогда исполины обратились против самих людей, чтобы пожирать их [4, с. 17]. Так в апокрифе объясняется, в чем именно заключалось разращение земли, которое в Книге Бытия только констатируется. Ангелы-стражи, таким образом, повинны в том, что отпали от Бога и осквернили свою духовную природу общением со смертными; в том, что дали людям нечистое, запрещенное знание, которое принесло лишь зло; в том, что посредством своих детей-исполинов истребляли людей; и, самое главное, в том, что по их вине Бог наслал на землю потоп.

Из всех прегрешений ангелов-стражей земли Байрон оставил лишь их любовь к земным женщинам и сделал этот мотив доминантой всей драмы. Добавочный мотив, подчеркнутый поэтом и не акцентированный в обоих первоисточниках – на гибель от потопа обречен именно род Каина. Ной называет его отверженным родом; мужчинам из рода Сифа – третьего сына Адама – (Иафет) запрещено вступать в браки с наследницами Каина (Ана) по причине родового проклятия последних. Все те же каинитки (Ана и Аголибама) стали возлюбленными ангелов, как, судя по всему, и их предшественницы, матери исполинов. Последние охарактеризованы Байроном в соответствии с Книгой Бытия, где они предстают как «сильные, издревле славные люди» [Бытие, 6; 4], властелины земли, соединившие в себе достоинства «сынов Небес и жен земной долины» (I, 3, 133. Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, текст цитируется в переводе Г. Шпета). И они тоже приговорены к смерти Иеговой, который решил очистить землю от скверны, уничтожив при этом свои лучшие творения.

В контексте мистерии решение Бога выглядит не только необоснованным, но жестоким и абсурдным, поскольку Байрон расставляет акценты иначе по сравнению с древнееврейскими текстами. Уже одно то, что в драме звучат голоса самих приговоренных к гибели, меняет многое. «Не может Бог лишить существованья» (I, 1, 119), – говорит Аголибама, выражая извечное желание человека верить в разумность бытия. Мыслящие живые существа не

могут воспринимать намерение Творца уничтожить их иначе как абсурд. Никто из людей и из ангелов не решается поставить вопрос именно так. Ангелы – и верные Богу, и отпавшие – далеки от проблем смертных; люди слишком потрясены тем, что должно случиться, или, как благонамеренный и рассудительный Ной, находят оправдание ожидаемой каре. Дать объективную оценку происходящему, как кажется, призван хор духов земли. Они предстают сознательными непримиримыми противниками Бога и, в некотором смысле, заменяют отсутствующего в этой драме Люцифера. Они не равны по статусу падшему ангелу «Каина», их природа не вполне ясна, но аргументы, с которыми эти существа выступают против Иеговы и его замысла, узнаваемы. Духи знают больше, чем люди, и предсказывают, что потоп не освободит землю от скверны. В ответ на речь Иафета, где он с помощью традиционных доводов оправдывает необходимость потопа («Он (Бог) хочет, чтобы волны зло смели с земли» (I, 3, 112)) и выражает уверенность в том, что новый мир будет иным, духи земли пророчествуют: «Новые времена, новые края, новые искусства, новые люди, но / Те же старые слезы, старые преступления / и еще более старые несчастья/ В различных формах будут жить среди вашей породы» («New times, new climes, new arts, new men; but still, / The same old tears, old crimes, and older ill / Shall be amongst your race in different forms») (I, 3, 212-214. Перевод подстрочный).

В одной из бесед с методистским священником доктором Кеннеди в Греции Байрон поинтересовался, думает ли доктор, что в мире стало меньше скорби и страданий с тех пор, как возникло христианство [8, p. 410]. В мистерии эту мысль озвучивают духи земли, олицетворяющие опыт. Точно так же в Каине носителем исторического опыта предстает Люцифер. Трудно согласиться с И.Г. Неупкоевой, обвиняющей духов земли в том, что они руководствуются лишь стремлением убить в человеке волю к борьбе и представляют в мистерии философию отказа от борьбы за лучшую долю человечества [6, с. 237]. Если так, то и Байрона можно обвинить в неоправданном пессимизме, и тогда логичнее было бы вовсе не замечать его мистерий, проповедующих слишком мрачный взгляд на мир.

Столкновение идеи благого Бога и его промысла с опытом, умозрительной доктрины с интересами живых людей – это и есть столкновение Неба с Землей, выявляющее глубинное несоответствие между ними. Вместе с тем два уровня бытия тесно взаимосвязаны и зависят друг от друга. Форма мистерии позволила Байрону продемонстрировать сложную диалектику отношений Неба и Земли максимально наглядно.

Во-первых, выбранная автором библейская история воспроизводит типичную для мистерии ситуацию: предельно тесный контакт между «поднебесным» и «занебесным» (Аверинцев) мирами, свидетельствующий о нарушении упорядоченности мироздания. Приближающаяся катастрофа является следствием этого нарушения и придает действию особый драматизм. В глазах Ноя знаком того, что в мире что-то разладилось, становится появление на земле ангелов в неподходящей для них роли.

Во-вторых, в драме мистериально само название, казалось бы, четко фиксирующее разделение Неба и Земли – пространственных ярусов мироздания, отделенных друг от друга по воле Создателя и существующих в гармонии. Но это мнимая гармония, и архангел Рафаил, открывая истинные отношения между двумя мирами, горестно восклицает: «О, почему / Эта земля не может быть сотворена или разрушена / Без того, чтоб не пробить брешь в рядах бессмертных?» («oh! why / Cannot this earth be made, or be destroy'd / Without involving ever some vast void / In the immortal ranks?» (I, 3, 561–564. Перевод подстрочный).

Действительно, существует непонятная Рафаилу теснейшая связь между двумя мирами: часть ангелов предпочла бессмертию и блаженству на небе земной мир с его прекрасными, но смертными творениями. Так возникает важнейший в этой мистерии мотив любви. В «Каине» он тоже прозвучал: смертный человек пытался объяснить Люциферу, какое счастье любить себе подобное существо. Желая оставить последнее слово за собой, дьявол высокомерно заметил: «Мне жаль тебя: ты любишь то, что гибнет» («I pity thee who lovest what must perish» (II, 2, 337. Перевод И.А. Бунина). И получил достойный ответ: «Как мне тебя: ты ничего не любишь» («And I thee who lov'st nothing») (II, 2, 338. Перевод И.А. Бунина). Херувим Люцифер по своей природе не был способен к любви, зато серафимы из «Неба и Земли» ощутили в ней потребность и спустились в ее поисках на землю. Интересно, что ни в Бытии, ни в Книге Еноха сыны Неба, пришедшие к дочерям человеческим, не называются серафимами. Байрон не погрешил против логики легенды, назвав таковыми своих грешных ангелов, которым оказалось мало любви небесной.

В мире, созданном Байроном, любовь вообще осуществляет себя только *вопреки* воле Бога: там, где Иегова и его закон, любви нет. Любовь не знает законов, она не может довольствоваться разрешенным. Потому и приходится ангелам преступать запрет Бога, рискуя своим небесным блаженством и бессмертием; потому Иафет вопреки запрету отца любит каинитку Ану. Любовь разрушает барьер между Небом и Землей, но это запретная любовь: другой в мироздании Иеговы просто нет. Рафаил, уговаривая Самьязу и Азазеля вернуться на небо, искренне недоумевает, как могут те, кто вечны, бесстрастны и чисты («passionless and pure»), променять свое положение на удел жалких смертных. Но в глазах мятежных ангелов любовь стоит и блаженства, и бессмертия, которые лишены всякой ценности, если не заполнены ею.

Обсуждая мистерию с Томасом Медвином, Байрон поделился с ним своими планами относительно второй, так и не написанной, ее части, где он собирался «отправить любовников на луну или одну из планет, но нелегко вообразить неизвестный мир, который был бы более прекрасен, чем этот» («had once thought of conveying the lovers to the moon, or one of the planets; but it is not easy for the imagination to make any unknown world more beautiful than this» [9, p. 157]. Некоторые из персонажей мистерии (Ана, безымянная женщина в финале) тоже сожалеют о прекрасной, но гибнущей земле едва ли не более, чем о собственной жизни. Земля – это любовь, человечность и красота,

иными словами, жизнь. Небу нет дела до этой жизни, оно существует в другом измерении, там, где властвуют непонятные и безжалостные законы. И то, что отдельные обитатели неба почувствовали себя обделенными теплом и спустились за ним к людям, говорит о превосходстве Земли над Небом, или, в контексте мистерии, о превосходстве жизни и интересов живых людей над любыми доктринами.

Таким образом, Байрон наполнил новым содержанием ветхозаветную историю, дополненную ее апокрифическим вариантом. Жанровая форма мистерии позволила поэту придать легенде предельно обобщенный смысл, сближающий ее с мифом. Подобное мифотворчество характерно для искусства романтической эпохи с ее атмосферой духовного перелома, заставляющей художников мыслить универсальными категориями [См. об этом: 5, с. 889-892]. Стержнем романтического мифа Байрона в мистерии «Небо и Земля» становится проблема любви как важного аспекта бытия человека, имеющего онтологическое значение. Любовь предстает силой, дающей человеку то, чего ему не в состоянии дать знание – духовную опору, позволяющую противостоять дисгармоничному миру. Звучание темы любви, трактованной в героическом духе, усиливается благодаря эсхатологическому мотиву: в ситуации кануна всемирной катастрофы именно способность к любви мобилизует духовные возможности человека, освобождает его от страха смерти и побуждает восстать против жестокого божества, утверждая превосходство «Земли» (жизни и любви) над «Небом» (враждебным по отношению к человеку божественным промыслом). Таковы очертания романтического мифа Байрона, отражающего размышления поэта о взаимоотношениях между миром и человеком.

Список литературы

1. Д.Г. Байрон. Дневники. Письма. М.: Наука, 1965. 439 с.
2. Д.Г. Байрон. Собр. соч. в 4-х томах. М.: Правда, 1981. Т. 4. 496 с.
3. Д.Г. Байрон. Мистерии. М.-Л.: Academia, 1933. 409 с.
4. Книга Эноха. Апокрифы. Спб.: Азбука-классика, 2000. 328 с.
5. Михайленко Е.Н. Особенности романтического мифотворчества в мистерии Д.Г. Байрона «Каин» // Вестник Башкирского университета. 2009. Т.14. №3. С. 889-892.
6. Неупокоева И.Г. Революционно-романтическая поэма первой половины XIX века. М.: Наука, 1971. 520 с.
7. The Works of Lord Byron Vol. 4 // Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/20158/20158-h/20158-h.htm> (дата обращения: 22.06.2016)
8. Lovell E.J. His Very Self and Voice: Collected Conversations of Lord Byron. New York: Macmillan, 1954. P. 676.
9. Medwin's conversations of Lord Byron // Byron: interviews and recollections. Ed. by N.Page. L.: Basingstoke, Hampshire, 1985. P. 326.

«ЦАРИЦА ЦВЕТОВ»: РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЙ РОЗЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЦВЕТОВ (XVII-XIX вв.)

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филологических наук,
Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

В статье рассматривается феномен языка цветов, возникшего на рубеже XVIII-XIX вв., и роза как один из его элементов. Язык цветов был разработан как особая система знаков для общения между людьми на темы любви и дружбы, как разновидность «идеального языка». Роль слов в нем исполняют растения и их части (цветок, стебель, лист, лепесток). В Европе существовало несколько традиций языка цветов – французская, английская, немецкая, повлиявших на возникновение русской традиции языка цветов. Роза является наиболее частотным «словом» языка цветов. Во французской и английской традициях языка цветов роза сама по себе и ее разновидности соответствуют однозначным словам, сочетания розы с другими растениями не зафиксированы. В немецкой и русской традициях роза сама по себе играет роль многозначного слова, сочетания розы с другими растениями существенно расширяют «словарную статью».

Ключевые слова: европейская литература XVI-XIX вв., Франция, Англия, Германия, Россия, поэзия, язык цветов, традиция, словарь, словарная статья, слово, значение, фразеологизм.

Язык цветов, особый язык для выражения чувств, чаще всего любви и дружбы, в котором роль слов, словосочетаний, предложений исполняли цветы, листья, плоды растений и их сочетания, сложился во 2-ой пол. XVIII в. Для оформления разрозненных символов эмоций в единую, довольно стройную, способную к дальнейшему развитию систему существовало несколько причин. Наиболее известной и очевидной причиной возникновения языка цветов можно считать влияние литераторов-сентименталистов, в творчестве которых большое внимание уделялось внутреннему миру человека, его чувствам и переживаниям. Менее явной, но, видимо, не менее важной причиной оказались поиски идеального языка [27, 275-276]. Как результат этих двух влияний и возник, видимо, язык цветов – язык чувств, востребованный в поэзии и прозе сентиментализма.

Свою роль также сыграло и увлечение европейцев Востоком, поэтизация его обычаев. В «Письмах из путешествий» леди Мэри Уортли Монтагю, жены британского посла в Турции (написаны между 1718 и 1724 гг, изданы в 1763 г.), описывается турецкая игра «селама» – «приветствие» и ее правила [57, 124-126]. В письме из Константинополя от 16 марта 1718 г. леди Мэри пишет своей знакомой: «Я достала для Вас, как Вы желаете, турецкое любовное письмо, которое я поместила в маленькую коробочку Буквальный перевод письма таков: “Первый предмет, который тебе следует вынуть из мешочка, будет маленькая жемчужина, которая по-турецки называется *Ingi*, ее следует понимать таким образом: *Ingi, Sensin Guzelerin singi* – Жемчужина,

Прекраснейшая из юных дев» [57, 124]. Кроме жемчужины-обращения, в мешочке находилось еще шестнадцать предметов – цветы (нарцисс, роза), плоды (груша, виноград), соломинка; пряности (корица, перец); кусочки бумаги и ткани, золотая нить и золотая проволока, мыло, уголек, спичка, волосы [57, 125]. Каждому предмету соответствует короткое стихотворение, чаще всего моностих, последнее слово которого рифмуется с названием предмета. Вынутые в определенном порядке предметы позволяют получателю письма вспомнить связанные с ними моностихи, которые складываются в послание. Леди Мэри подытоживает свой рассказ следующим образом: «Вы видите, это письмо состоит целиком из стихов, и, уверяю Вас, в их выборе видна столь же великая прихотливость, сколь и в наиболее изысканных выражениях наших писем; я уверена, для этого сочинен миллион стихов. Нет ни цвета, ни травинки, ни плода, ни цветка, ни пряности, ни даже перышка, с которым бы не было связано стихотворение; и можно ссориться, упрекать или посылать любовные, дружеские, светские письма, даже новости, ни разу не испачкав пальцы в чернилах» [57, 125]. Позже, в книгах 1-ой пол. XIX в., посвященных языку цветов, можно будет найти образцы посланий из нарисованных растений, расположенных в определенном порядке. Зная значения растений, можно расшифровать картинку и составить свои послания по ее примеру.

В основе такого сложного культурного явления, как язык цветов, лежит европейская эмблематика эпохи Возрождения и Барокко (XVI-XVIII вв.), которая выросла из средневековых аллегорий, а те, в свою очередь, соединяли в себе наследие христианства, античной и народной культур.

Хотя культура барочной эмблемы была присуща и европейским странам, и России, родиной языка цветов является Франция. Первые книги, посвященные языку цветов, появились там в начале XIX в., например, книги «Алфавит Флоры, или язык цветов» Б.Делашене, изданная в Париже в 1811 г., или «Язык цветов» автора, писавшего под псевдонимом «Шарлотта де Латур», опубликованная в 1819 г. и практически сразу же переведенная на немецкий язык (изд. 1820 г.). После Германии с ее богатой эмблематической традицией, не прерывавшейся до конца XIX в. (последняя книга эмблем была издана в 1888 г. [46]), с языком цветов познакомилась Англия. Британская эмблематическая традиция была столь же богата и развита, сколь и немецкая. Неслучайно первый словарь языка цветов, изданный Г.Филлипсом в 1825 г., назывался «Цветочные эмблемы». Г.Филлипс открыто признавался в том, что он многое заимствовал у французских авторов, назвав в предисловии к своему словарю уже упоминавшийся «Язык цветов» Шарлотты де Латур, а также книги мадам Жанлис и небольшое сочинение «Клумба Флоры, или Язык цветов» (1816). Английская традиция языка цветов была перенесена в Новый Свет и дала начало своей американской разновидности. В свою очередь немецкие словари языка цветов, в частности, «Язык цветов, или Значение цветов в восточной манере. ... Восьмое расширенное издание» [34], вышедший 8-ым изданием в 1823 г. в Берлине, но издававшийся и в литературных журналах, попали в Данию и были положены в основу датского языка цветов.

Язык цветов пришел в русскую литературу во 2-ой пол. XVIII века вместе с так называемой французской «легкой поэзией» [19, 434], и влияние французской традиции языка цветов было, скорее всего преобладающим, особенно на рубеже XVIII-XIX вв. и в 1-ой пол. XIX в. Оно выразилось не только в использовании словарей значений цветов из книги Б.Делашене и «Клумбы Флоры», анонимного лионского издания 1816 г. (значения из них, например, были переписаны в свой альбом Анной Олениной [22, 139, 142-143]), но и в том, что на русский язык была переведена книга Ипполита Жюля Демольера «Грамматика любви или Искусство любить и быть взаимно любимым» (1829), частью которой был словарь языка цветов (издана в Москве в 1831 г.). Однако и английская, и в особенности немецкая традиции были известны в России. Уже упоминавшаяся книжечка «Язык цветов, или Значение цветов в восточной манере. ... Восьмое расширенное издание» [34] была переведена, переработана с учетом русских реалий и значительно дополнена поэтом Д.П.Ознобишиным, который включил ее в свою книгу «Селам, или Язык цветов» (1830). Книга «Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений» (1849) обнаруживает знакомство с английской традицией языка цветов, образцом для нее явно послужила упоминавшаяся выше книга Г.Филлипса «Цветочные эмблемы» [59].

Наиболее часто упоминаемым цветком в языке цветов является роза – бесспорная «царица цветов» [66, 304]. На ее примере можно проследить, как язык цветов развивался в разных странах Европы, как различные традиции взаимодействовали между собой, как они были восприняты русской литературой.

Как уже говорилось выше, родиной языка цветов была Франция. Там он впервые появился XVII в. как салонная игра. В сборнике стихов «Гирлянда Жюли» (1641) встречаем несколько значений, которые приписываются розе. Некоторые значения, впервые отмеченные в «Гирлянде Жюли», сохраняются в более поздних книгах, хотя и с изменениями. Так, например, желтая роза в «Гирлянде Жюли» означала: «Я прощаю Вам Ваши измены» [44, 178], и это значение одновременно содержит в себе и негативный компонент («измена»), и позитивный («прощение»). В дальнейшем позитивный компонент был утрачен, и на протяжении двух следующих столетий желтая роза передавала идею неверности во всех европейских традициях языка цветов. Только в конце XIX в. во французской традиции у желтой розы вновь появилось положительное значение: «супружеская любовь» [58, 176], а в XX в. они окончательно закрепились в американской («дружба», «наивысшая степень отличия», «прости и забудь», но сохранились и старые значения: «ревность», «угасание любви при ближайшем знакомстве» [54, 141]), в то время как в Европе значение «неверность» [63, 130-131] осталось неизменным. С другой стороны, красная роза, имеющая в «Гирлянде Жюли» значение: «Я люблю вас до безумия» [44, 180], повсеместно сохранила до сего дня значение «[пылкая] любовь/ горячее чувство», что отразилось и в красных розах, которые традиционно дарят дамам в день св.Валентина (14 февраля), и в компью-

терных смайликах. Значение белой розы менялось с течением времени. Если в «Гирлянде Жюли» белая роза истолковывалась как: «Я люблю Вас в молчании» [44, 176], обнаруживая тем самым связь с античным наследием (*sub rosa* – «[сказано] по секрету»), но также сообщала, что «встреча [назначается] в полдень» [44, 176] (видимо, самое светлое время суток), то в дальнейшем во французской традиции белая роза сочетала в себе два значения: с одной стороны, первоначальное «молчание» [29, 317; 52, 335; 40, 148; 55, 278; 43, 56; 42, 135] и развитие этого значения «сдержанность, скромность, молчание, соблюдение тайны» [42, 135], с другой, достаточно рано, уже у Б.Делашене, появившееся новое значение «невинность» [39, 153; 41, 74; 56, 198; 32, 70; 58, 115], а также значения, связанные с этим качеством и предполагающие «чистое сердце»: «участие, сочувствие, внимание» [41, 74; 56, 198; 32, 70; 58, 115], впервые появившиеся в анонимной книге «Язык цветов, или Клумба Флоры» (1816). Розовая роза встречается лишь однажды в «Гирлянде Жюли»: «Нежность, которая приводит меня к вам, такова, [как этот цветок]» [44, 179], а затем покидает словари языка цветов на три с половиной столетия с тем, чтоб вернуться в язык цветов американской традиции со значениями «изящество» и «красота» [54, 140].

Предполагается, что розы, о которых идет речь в «Гирлянде Жюли», распустились полностью или в достаточной мере, поскольку в отдельную группу выделяются значения бутонов роз: «бутон с шипами и листьями» – «страшусь, но надеюсь» [44, 179], «бутон розы без шипов» – «можно надеяться на все» [44, 179] и «бутон розы, лишенный листьев, но с шипами» – «можно страшиться всего» [44, 179]. Отдельному лепестку также приписывается особое значение: «В Вашей жизни я стану воплощением легкости» [44, 179].

Истолковываются и букеты роз: «букет старинных роз, не смешанный с другими цветами» означал «любовь, желание» [44, 176], «букет расцветших роз» предлагал «встречу за завтраком» [44, 181], тогда как «весь букет роз, возвращенный получателем, имеет одно и печальное значение: здравый смысл противоречит нашим планам» [44, 181].

Интересно сочетание розы и травы, появляющееся в «Гирлянде Жюли»: «розовый куст в горшке, окруженный свежей травой: Ваша красота меня преображает» [44, 177]. Впоследствии во французской традиции языка цветов роза с пучком травы будет неизменно означать: «В хорошем обществе учишься всему» [29, 317; 32, 72], и это значение будет отражено в русской поэзии рубежа XVIII-XIX вв.

В «Гирлянде Жюли» упоминается и необыкновенная «золотая роза» [44, 177], появление которой, возможно, напрямую связано с геральдикой. Однако значение ее скорее отсылает нас к цвету золота – желтому, цвету неверности и угасания любовного чувства, чем к оценке этого металла по качеству («благородный металл»): «Я разлюбил(-а) Вас, ну, что я могу [поделиться]?!» [44, 178]. Золотая роза вновь входит в язык цветов только в XX в., в американской традиции, получая значение: «бесспорное достижение» [54, 141].

Как видим, уже в самом начале формирования языка цветов были заданы определенные направления развития значения цветка: по цвету, по степени раскрытости цветка, по наличию или отсутствию листьев (в случае розы и шипов), по количеству цветов, по их сочетаниям с другими растениями. Значение могло придаваться и части цветка (в «Гирлянде Жюли» это лепесток). Все эти направления в разной степени оказались использованными в развивающихся вариантах европейского языка цветов.

Как уже говорилось выше, собственно история языка цветов, каким он отразился в литературе, изобразительном искусстве и даже музыке, начинается во 2-ой пол. XVIII-XIX вв. Первые французские книги о языке цветов дают нам довольно узкий круг значений для розы, продолжающий линию «Гирлянды Жюли». Впервые выделяется собственно роза – «свежесть (лица, мысли, растений и т. п.); нежность; расположение к кому-либо» [41, 66]. Если говорить о цвете, то красная роза перестает выделяться среди роз, кроме двух случаев: когда перед нами «красная и белая розы вместе», означающие «пыл сердца» [29, 317] и когда «красная роза» значит «румянец застенчивости» [41, 75-77]. Видимо, причина в том, что понятия «красный цвет» и «роза» были тесно связаны между собой в представлениях французов рубежа XVIII-XIX вв. Белая и желтая розы, напротив, продолжают выделяться по цвету. К цветным розам прибавляется «пестрая/разноцветная роза» [39, 154] (видимо, роза, лепестки которой не одноцветные), означающая у Б.Делашене «лето, расцвет» [39, 154], а в «Клумбе Флоры» – «обманутую или обнаруженную любовь» [41, 78]. Авторы этих словарей начинают различать разновидности роз, что неудивительно. При том, что розы культивировались в Средиземноморье со времен античности, а в европейских садах начиная с эпохи Средних веков, особое внимание на этот цветок обратили на рубеже XVIII-XIX вв. Именно в это время европейским селекционерам удалось вывести сорта роз с длительным цветением, и интерес к садовым розам необычайно возрос. Страной, где были выведены новые розы, была Франция. Известно, что по приказу Наполеона и по замыслу его жены Жозефины был создан первый в мире розарий, насчитывавший 250 видов, форм и сортов роз [12, 6-7].

Тем не менее, не все известные разновидности роз вошли в язык цветов. Так, в первых словарях находим розу столistou (центифолия) с устойчивым значением «прелесть, грация, изящество; приятность» [29, 317; 52, 335; 40, 108; 55, 265; 32, 71; 42, 135] (лишь однажды встречаем «удовольствие» [58, 115]); розу мускусную, которая сначала толковалась как «каприз» [39, 154; 41, 78], но очень быстро стала символизировать «капризную красавицу» [4, 317; 6, 335; 9, 56; 10, 71], а во 2-ой пол. XIX в. приобрела значение «отсутствие естественности/простоты» [11, 115], качество, которое может характеризовать капризную и жеманную даму; розу моховую, как и две вышеупомянутые, сохраняющую свое значение с небольшими изменениями на протяжении всего XIX в.: «любовь, сладострастие; сластолюбие; наслаждение, нега, довольство» [29, 317; 52, 335; 43, 56; 32, 71] (сокращенные варианты: «чувственная любовь» [43, 56]; «чувственный восторг» [58, 115]); розу дамасскую, иначе называющуюся «годовая», «месячная», «роза четырех

времен года», со значением «всегда новая красота» [29, 317; 52, 335; 40, 109; 55, 250; 32, 71] (вариант: «неувядающая красота» [43, 56]); розу помпону/шаровидную, или прованскую – «приятность; миловидность, грациозность, любезность, приветливость» [29, 317; 52, 335; 55, 265; 43, 56; 32, 71; 42, 135], а также «наивная/естественная прелесть» [58, 115]. Связь этой розы с определенной областью Франции, с Провансом, породила значение «патриотизм» [58, 115]. В начале XIX в., кроме роз, видимо, отличавшихся махровостью цветков, в европейских садах высаживали два вида шиповника: шиповник собачий – «притязание, требование» [56, 198], позже «поэзия» [43, 56], и шиповник зловонный, значение которого оказалось довольно неустойчивым: с одной стороны, «знание» [39, 153], «любовь к изящным искусствам» [41, 78], что сближает оба шиповника, с другой стороны, значение «свежий цвет лица; сияние, блеск красоты» [29, 317; 52, 335; 32, 71; 55, 257] (сокращенный вариант: «блеск» [40, 108]), закономерно развившееся до «ложной славы» [32, 71], и лишь однажды встречается значение «каприз, фантазия, мимолётное желание, прихоть» [58, 115]. Эти виды роз составили ядро словарей европейского языка цветов вне зависимости от традиции.

Интересна судьба «розы без шипов»: во французской традиции первое упоминание о нем содержится еще в «Гирлянде Жюли» (1641): «можно надеяться на все» [44, 179]. К рубежу XVIII-XIX вв. не имеющий шипов «бутон» превращается в «розу» и в таком виде попадает в английский и русский языки цветов. Если в английском языке цветов «роза без шипов» на протяжении всего XIX в. означает «раннюю привязанность» [50, 15; 48, 78; 45, 352; 51, 33; 49, 30] и по одному разу «чистая любовь» [65, 123] и «счастливый союз» [53, 115], то французская традиция отличается разнообразием значений: здесь и «искренний друг/подруга» [39, 154; 41, 78], и «доверие; вера» [32, 71], и даже «доступное удовольствие» [42, 135], из чего следует, что отсутствие шипов в начале XIX в. понималось как отсутствие недобрых намерений у того, кого обозначал цветок, а во 2-ой его половине отсутствующие шипы становились символом препятствия к осуществлению собственных, возможно, и не совсем безгрешных, желаний. О русской традиции будет сказано отдельно.

Из Франции, как уже было сказано выше, язык цветов попал на восток, в Германию, и на запад, в Англию, причем направления, по которым развивалось значение розы в английской и немецкой, а вместе с нею и в датской традициях, заданные традицией французской, сохранились.

Значение розы вне зависимости от цвета и разновидности выделялось в обеих традициях. В английской традиции роза в 1-ой пол. XIX в. по большей части символизировала красоту [59, 74; 28, 30], хотя в книге Ф.Шоберля приводятся и такие значения, как «любовь», «радость», «молчание» [65, 118], а во 2-ой пол. XIX в. значение «любовь» вышло на первый план и окончательно закрепилось за этим цветком. Немецкая традиция языка цветов, напротив, приписывала «розе» как таковой множество значений. Впервые они были перечислены в книге Иоганна Даниэля Симански «Селам, или Язык цветов», первое издание которой вышло в 1821 г. У Симански роза выступает как поистине многозначное «слово» языка цветов. Большая группа значений объ-

единена общей темой «любовь и брак»: «любовь» [66, 318], «свидание» [66, 326], «возвращение» [66, 326], «объединение, союз» [66, 326], «бракосочетание, свадьба; вступление в брак» [66, 320]. С этой группой логически связаны значения, называющие «предмет чувств»: «(любимая) девушка; подруга» [66, 336], – и описывающие его с точки зрения возраста («молодость, юность» [66, 320]) и внешности («девичья красота» [66, 336], «изящество» [66, 309]). Как кажется, важна не только физическая красота, но и духовная. Значений, относящихся к группе «добродетель», оказывается больше: «добродетель» [66, 322], «символ женского сердца» [66, 320], «символ девической добродетели» [66, 322], «невинность и чистота» [66, 307], «стыдливость» [66, 322], «скромность» [66, 336]. Другую большую группу составляют значения, относящиеся к сфере эмоций. Это надежда: «символ надежды» [66, 336], «надеющаяся любовь» [66, 337] и противоположная им «безнадёжность [чувства]» [66, 307]; радость и связанные с ней удовольствие и счастье: «ожидание радости» [66, 336], «удовольствие, радость, развлечение, забава, увеселение» [66, 323, 336], «[чувственное] удовольствие, наслаждение, страсть» [66, 325], «счастье, удача» [66, 326], но и противоположные им «боль, страдание» [66, 325]. Согласно Симански, роза одновременно является символом мягкости, изнеженности [66, 324] и мужества [66, 324]. Сохранено значение, заимствованное из античной мифологии: «молчаливость, скрытность» [Sym, 324], а также значения, отражающие христианские понятия: «быстротечность» [66, 325], «благоговение» [66, 326], «вечность» [66, 326]. Указание на цвет розы, ее разновидность, сочетаемость с другими растениями и т.д. реализует эти значения в новых контекстах и позволяет уточнить смысл новых «слов» языка цветов.

Следует отметить, что особенностью немецкого языка цветов были развернутые дефиниции, которые могли состоять из законченных предложений – утвердительных, вопросительных, восклицательных – или поэтических текстов – от моностиха до четверостишия. Эта же особенность отличает и многочисленные сборники эмблем, весьма распространенные в Германии. Уже упоминавшаяся турецкая игра «Селам» была известна европейцам, в том числе и немцам, из описаний стран Востока, сделанных путешественниками. Один из вариантов этой игры, давшей название книге Симански, приводится им вместе с немецкими переводами и его собственной попыткой создать аналогичные тексты, возможно, для того, чтобы попробовать познакомить соотечественников с этой игрой. Так, моностих, соответствующий розе, звучит следующим образом: *Rose. Ich liebe Dich, doch liebst auch Du mich, Lose?* – «Роза. Я люблю тебя, а ты-то любишь меня, непостоянная?» [66, 420], где, по турецкому обычаю, рифмуются название цветка (*Rose* – «роза») и последнее слово стихотворения (*Lose* – «непостоянная»). Неясно, прижилась ли сама игра «селам» в немецких гостиных, но моностих Симански не был забыт. Он был повторен без малейших изменений в книге И.М.Брауна «Настольная книга языка цветов, или Немецкий Селам», изданной в Штуттгарте в 1843 г. [36, 28].

В дальнейшем значения розы как «слова» появлялись в словарях цветов редко и с различной степенью подробности. Так, в словаре «Язык цветов отечественной поэзии», вышедшем в 1823 г. в Альтоне внимание составителя было сосредоточено на выражении радости и ее быстротечности: «Роза. Символ удовольствия, радости, обозначающая также короткое время ее [продолжительности]» [33, 22]. Что касается словаря А.Брайсига, изданного в 1830 г., он в соответствии со своим названием включал в себя самые разнообразные «символические и аллегорические образы», в том числе и растительные. Словарь Брайсига учитывал, видимо, не только тексты, но и изображения, поэтому у него словарная статья «роза» включает в себя не только значения розы самой по себе, но и ее изображения в сочетании с другими растениями и предметами. Тем не менее, Брайсиг излагает значения розы по тому же плану, что и Симански, хотя вносит и некоторую новизну. У Брайсига, как и в издании «Язык цветов отечественной поэзии», акцент переносится на связь розы и радости: «праздничный цветок» [37, 695], «удовольствие/радость» [37, 695, и на выражение их быстротечности: «короткая жизнь» [37, 695], «преходящая радость/удовольствие» [37, 695]. Тут же находим и поэтический текст с пометой *Вl.* – «Язык цветов», который также сообщает о быстротечности прекрасного: «Розы вянут, как и мы, милая девушка, давайте поспешим, долгое промедление, долгое время приносят гибель тебе и мне (Я[зык] Ц[ветов])» [37, 695]. Значение «любовь» реализуется соотношением розы с любовными песнями [37, 695]. К сфере чувств относится значение «пять чувств» [37, 695]. Человек описывается при помощи значений «сангвинический темперамент» [37, 695], с одной стороны, «приветливость» [37, 695] и «чистая совесть» [37, 695], с другой.

Использование цвета является одним из способов развития значения розы. Как уже говорилось выше, у французов красный цвет неизменно ассоциировался с розой, и красные розы не отмечались французской традицией. Поскольку английская разновидность языка цветов отпочковалась от французской, поначалу и в английских словарях цветов красный цвет не упоминался. Только во 2-ой пол. XIX в. в английский язык цветов входят «махровая красная роза» со значением «красота» [58, 14; 53, 103; 45, 352; 51, 32; 60, 29] (один раз встречается значение «застенчивая любовь» [53, 103]) и «темно-красная роза», означающая «застенчивую стыдливость» [38, 51; 50, 14; 48, 78; 45, 352; 51, 32; 47, 120; 49, 29; 60, 29] (вариант: «скромность» [53, 121]). Немецкая традиция, а вслед за ней и датская, напротив, постоянно упоминают красную розу, причем значение ее весьма устойчиво на протяжении всего XIX в., хотя и формулируется по-разному: «Верная любовь наполняет мое сердце, ты меня победил(а)» [64, 4], «Ты победил(а) мое сердце» [34, 25; 61, 38; 30, 125], более короткий вариант «Победа – за тобой» [31, 24] или же просто «Любовь» [33, 20], «Символ любви» [33, 23; 36, 243].

Белую розу находим в словарях обеих традиций, а также и в датских словарях. В немецкой традиции значение белой розы устойчиво: «Ты отвергаешь мою любовь, поэтому я не хочу дольше жить» [64, 15] или «Ты отвергаешь мою любовь, – я умираю!» [34, 25; 61, 38; 30, 125] или более образное

«Смерть, раскрой мне свои объятия, если она откажет мне в своих [объятиях]» [31, 24]. С другой стороны, белая роза остается символом невинности и чистоты [33, 21; 37, 695; 36, 243], добродетели [33, 21], скорби [36, 243]. В одном случае она означает «блаженство любви» [37, 695], причем из контекста следует, что это чистая и возвышенная любовь: «Роза белая в венке: дама сердца надевала [идущему] на войну рыцарю» [37, 695]. В английской традиции значение белой розы менялось: в 1-ой пол. XIX это – «молчание» [65, 304], во 2-ой половине – «Я достоин тебя» [38, 52; 48, 78; 49, 30; 60, 30].

О желтой розе уже немного упоминалось выше, но к сказанному стоит добавить, что немецкая традиция допускала некое сомнение в вине адресата: «Твоя любовь искренняя, ты не изменяешь мне?» [34, 25; 61, 38; 30, 126], а, с другой стороны, придавала желтой розе значения зависти [66, 307] и ревности [61, 38]. Французская традиция отличалась разнообразием значений: кроме «неверности» [39, 153; 29, 317; 52, 335; 40, 108; 55, 269; 32, 71; 42, 135] находим вполне объяснимые «стыд» [41, 77] и «бесчестье, позор» [41, 77; 32, 71], но в то же время и упоминавшуюся выше «супружескую любовь» [58, 115]. Появление последнего значения трудно объяснить, но можно предположить, что в основе семейного счастья лежит способность прощать и принимать спутника (или спутницу) жизни такими, каковы они есть. Как видим, налицо возвращение к самому раннему определению желтой розы, найденному в «Гирлянде Жюли» (1641): «Я прощаю Вам Ваши измены» [44, 178]. В то же время в английском языке цветов значение желтой розы практически неизменно: «угасание любви, ревность» [38, 52; 50, 15; 48, 78; 45, 352; 51, 33; 47, 121, 124; 49, 30; 60, 30], хотя у Ф.Шоберля встречаем «зависть» [65, 289], а у Г.Гардинера Адамса «неверность» [28, 52].

Ядром французского языка цветов стали пять роз, названия которых появились в нем с 1811 по 1818 гг.: роза столлистая (центифолия), роза моховая, роза мускусная, роза помпонная и роза дамасская. В английскую традицию перешли все пять роз, в немецкую – четыре, за исключением мускусной. Значения этих роз в каждой из традиций достаточно устойчивы, хотя формулировки могут меняться:

	английская традиция	немецкая традиция
роза столлистая (центифолия)	«изящество, любовь, брак» [59, 74]; «изящество» [65, 283]; «гордость» [38, 52; 50, 14; 48, 78, 45, 352; 51, 33; 47, 125; 49, 29; 60, 29], но и «достоинство ума» [53, 121], «гордость, достойные манеры» [53, 124]	«добродетель», «любовь», «красота» [67, 123]; «счастливая любовь» [62, 22]; «Ты мой (моя), я твой (твоя)!» [30, 126]
роза моховая	«чувственная любовь» [59, 318], «чистое удовольствие/удовольствия» [28, 26; 49, 30], «высшее достоин-	«Посмотри на эту розу без шипов. О пусть это будет твой образ, любимая!» [64, 8]; «О

	ство» [50, 14; 45, 352; 51, 33; 49, 30; 60, 29]	роза без шипов, пусть это будет твой образ!» [34, 25; 61, 38]; «Будь нежнейшей из [представительниц] своего пола» [31, 24] (подразумевается отсутствие шипов в прямом и переносном смысле), а также «любовь матери» [67, 125]
роза дамасская	«всегда новая красота» [65, 269; 53, 108]; «неувядающая красота» [53, 104]; «свежесть лица, или цветущий внешний вид» [28, 30]; «прекрасная внешность или лицо» [53, 103]; «превосходный внешний вид» [38, 51; 50, 14; 48, 78; 45, 352; 51, 32; 47, 124; 49, 29; 60, 29]	«Оберегай красоту своего сердца, тогда ты останешься молодым (молодой) вечно» [34, 25; 61, 38].
роза помпонная/прованская	«Изящная, прелестная» [59, 158; 28, 28; 53, 114] или «Изящество. Прелесть» [50, 14; 45, 352; 60, 29]	«Ах, на твоей груди я мечтаю о своей Родине» [64, 10], «В твоём сердце я вижу свое Отечество» [34, 25; 61, 38].
роза мускусная	«капризная красавица» [65, 269; 38, 52; 50, 14; 48, 78; 45, 352; 51, 33; 47, 120; 49, 30; 60, 29]; «каприз» [28, 28]; «очаровательная» [68, 100].	

Если вспомнить французскую традицию, то окажется, что ее влияние чувствуется и в английском, и в немецком материале, однако оно распределяется по-разному. Во французской и английской традициях наиболее близки значения, придаваемые мускусной розе – «капризная красавица». В немецкой традиции мускусная роза отсутствует. Благодаря Г.Филлипсу в английский язык цветов было заимствовано и значение розы столистой «прелесть, грация, изящество», однако из трех вариантов был выбран лишь один – «изящество», да и он исчез, сменившись «гордостью». Можно предположить, что «гордость» понималась как чувство собственного достоинства, а не как гордыня, а «изящество», французское значение, соответствовало могло до неко-

торой степени описывать достойные, изысканные мысли и манеры. Как кажется, немецкая традиция здесь не испытала влияния французской. То же можно сказать и о значениях моховой розы. Заимствованное французское значение «чувственная любовь» в английской традиции довольно быстро сменилось более нейтральным «удовольствием», а затем еще более абстрактным «высшим достоинством». Значение моховой розы в немецком языке цветов, как кажется, сформировалось под французским влиянием, но использовано было значение не моховой розы, а «розы без шипов» – «искренний друг/подруга». Значения дамасской розы в английском и французском языках совпадают и относятся скорее ко внешней красоте, тогда как в немецкой традиции акцент переносится на внутреннюю красоту, идея вечной юности при этом сохраняется и в английской, и в немецкой традиции. В случае помпонной/прованской розы французское значение было забавным образом поделено пополам: английская традиция унаследовала идею изящества и прелести, тогда как немецкой достался «патриотизм».

Интересно и формирование значений по степени раскрытости цветка. К бутону розы отношение в английской и немецкой традиции оказалось разным. Сам по себе бутон розы встречается в словарях английской традиции всего один раз – у Ф.Шоберля – и означает «молодую девушку» [65, 283]. Значения бутонов различаются по цвету: бутон белой розы означает «сердце, не знающее любви» [59, 166; 28, 49; 50, 14; 51, 33; 60, 30] (вариант: «сердце, не знакомое с любовью» [65, 285], «слишком молода, чтобы любить» [68, 100]) или «девичество» [38, 52; 48, 79; 45, 352; 68, 100], бутону красной розы приписывались значения, выражавшие сходные мысли: «чистая и прелестная» [38, 52; 48, 79; 45, 352; 47, 125; 49, 30] и «ты молода и прекрасна» [50, 15; 53, 134; 51, 33; 60, 30]. Из всех разновидностей роз использован был только бутон моховой розы, который в английской традиции неизменно означал «признание в любви» [38, 53; 48, 79; 45, 352; 47, 125; 49, 29; 60, 30].

В немецкой традиции у собственно бутона розы без учета его цвета несколько значений, одно из них – «созревающая юность, ранняя юность» [37, 696] – совпадает с значением бутона белой розы в английской традиции. Другими значениями являются «стесненное/подавленное сердце» [66, 337], «прелесть, очарование» [37, 696], «Надейся (Я[зык] Ц[ветов])» [37, 696]. Новые значения бутона розы со значением надежды появляются, когда он встречается в сочетании с «частями растения», с листьями и/или шипами: «бутон розы а зеленых листьях; надежда влюбленного» [37, 696]; «бутон розы в шипах: надежда и опасения влюбленного» [37, 696]; «бутон розы без шипов или раскрытый: надежда без опасения» [37, 696]. Цвет бутона розы, как и в английской традиции, также обеспечивает развитие значения. Бутон белой розы выражал в разных формулировках идею постоянства в своих чувствах: «Время никогда не сможет изменить чувства моего сердца» [64, 17], «Я всегда верен своим чувствам» [34, 26; 37, 696; 61, 38], а также идею душевной чистоты: «чистота» [33, 20], «Моя забота сохраняет чистоту твоего сердца, и ты радуешься в жизни и смерти» [33, 43]. У белого бутона и есть

заимствованное значение, дословно переведенное с французского языка: «сердце, еще не знающее любви» [61, 39].

Состояние цветка тоже было использовано: в английской традиции засохшая белая роза по большей части означала «преходящие впечатления» [38, 51; 50, 14; 48, 78; 45, 352; 51, 33; 49, 30; 60, 30], но и «ускользающая красота» [65, 269], и даже «смерть предпочтительнее утраты невинности» [47, 121]. В немецкой традиции находим увядший бутон красной розы – «умирающая любовь» [61, 39].

Части розы как цветка и как растения также обогатили словарную статью «роза» в языке цветов разных традиций, однако нужно отметить, что наибольшим разнообразием здесь отличается немецкая традиция. Если в английской традиции лепесток розы не отмечен, а во французской вне зависимости от цвета на протяжении всего XIX в он означал: «Я никогда не докучаю» [29, 317; 55, 271; 32, 71], то в немецкой традиции важен был также и цвет лепестка. Лепесток розы независимо от цвета означал: «Да!» [34, 26; 61, 38; 31, 24], и это значение совпадало со значением, приписываемым лепестку красной розы [33, 43; 30, 126, 127] (видимо, и в Германии роза в первую очередь ассоциировалась с красным цветом). Лепесток белой розы означал: «Нет!» [33, 43; 30, 127]. Шипы, способные поранить, символизируют тревоги, опасения и неприятности, поэтому их наличие или отсутствие также приносит новые оттенки значений, однако в немецкой традиции они могут обозначать «целомудрие» [37, 695]. В «Клумбе Флоры», изданной в Лионе в 1816 г., «роза с шипами» [41, 78] означает брак, а отсутствие шипов у бутона розы позволяет выразить такие идеи, как искренняя дружба [39, 154; 41, 78] и доверие [32, 71].

Особенно изобретательно для образования новых значений части растения используются в немецкой традиции – и каждая часть по отдельности, и их сочетания. О лепестках розы было сказано выше. Как и лепесток белой розы, стебель розы помогает выразить отказ и нежелание – и развернуто: «Ты хочешь знать мой ответ, хорошо же, я должна сказать “нет”» [64, 19], и кратко: «Нет!» [34, 26; 37, 696; 61, 38; 31, 24]. Лишь однажды встречается иное значение: «Ты должен (должна) мне верить и не ревновать» [30, 127]. Встречаются в немецких словарях языка цветов и сочетания цветка розы и других частей этого растения. Так, например, в словаре А.Брайсига встречаем «Роза и шипы: большой контраст. Радость и горе» [37, 695]; «Роза, шип, листва: радость, горе, надежда» [37, 695].

Вообще сочетания розы с другими растениями необыкновенно расширяют растительный словарь, причем новые значения не являются механической суммой значений входящих в них элементов, то есть сходны с фразеологическим оборотом или каким-либо иным устойчивым сочетанием. Единственное сочетание розы с другим растением во французской традиции отмечено еще в «Гирлянде Жюли» – розовый куст, окруженный травой: «Ваша красота меня преображает» [44, 177], сохранившееся в XIX в. как «В хорошем обществе учишься всему» [29, 317]. В словаре А.Брайсига приводится более контрастное сочетание «розовый куст и чеснок» [37, 695] со сходным

значением «доброе соседство приятно», что позволяет предполагать некий общий источник, скорее всего, сборник эмблем. Немецкая традиция изобилует подобными «устойчивыми выражениями», причем иногда в них даже учитывается и цвет розы. Так, роза в сочетании с лилией может означать «доброжелательность» [37, 695], но если роза красная, то такое «словосочетание» толкуется как «совершенство» [33, 21]. Роза и мирт, растения, в античности посвященные богине любви Венере, имеют значения «сила любви», «удовольствие/радость», даже «любовное стихотворение» [37, 695], но в случае красной розы значение меняется: «союз, единение» [33, 21]. Если к розе и мирту прибавляются душистые травы, получаем «радость/удовольствие» [37, 695]. Красная роза и розмарин означают «жизнь» [33, 21]. Белая роза в сочетании с дубовым побегом порождает значение «власть» [33, 20], со ржаным колосом – «мудрость» [33, 22], с тюльпаном – «достоинство» [33, 22]. Наступление Нового года символизирует роза, обвитая кипарисовой ветвью, что означает грядущие радости и печали [37, 695]. Сходное значение получила роза, соединенная с терновым венцом: «Радость и горе в человеческой жизни попеременно» [37, 695]. При этом роза и терние, склоненные друг ко другу, символизируют не радость и горе, а взаимную симпатию [37, 695]. Роза и венок из листьев оливы является символом единодушия [37, 695].

Если снова обратиться к истокам, к «Гирлянде Жюли», обнаруживаем, что и букет роз может иметь определенное значение. Однако в словарях языка цветов рубежа XVIII-XIX вв. букеты не упоминаются, кроме «красных и белых роз», проявившихся в словарях всех традиций, но означавших разное. Во Франции на протяжении всего XIX вв. «красные и белые розы», видимо, составлявшие букет, означали «пыл сердца» [29, 317; 55, 261; 32, 70; 42, 135] и лишь однажды воспринимались в букете по отдельности («белая роза – невинность», «красная роза – румянец застенчивости» [41, 75-77]). Английская традиция неизменно понимала подобный букет как «союз» [65, 128; 38, 52; 50, 15; 48, 79; 45, 352; 51, 33; 49, 30; 60, 30]. В словарях немецкой традиции сочетание красной и белой роз встретилось лишь один раз: «Две розы (красная и белая). Природа» [33, 21]. Возможно, некую аналогию букету, по крайней мере, по количеству цветков, представляла собой ветка с гроздьёю цветов. Так, например, одна мускусная роза имела значение «капризная красавица» [например, 50, 14], а гроздь мускусных роз, встречающаяся только в английской традиции, значила «очаровательная» [например, 50, 14]. Однако настоящие букеты вернулись в европейский язык цветов в конце XIX в., а до тех пор их место заняли венки, причем они характерны для английской и немецкой традиций. Если в английских словарях цветов венок из роз имеет одно постоянное значение «вознаграждение добродетели» [59, 269; 28, 72; 50, 15; 48, 79; 45, 352; 51, 33; 49, 30; 60, 29], то значения немецких венков весьма разнообразны: согласно словарю А.Брайсига, это не только «добродетель» [37, 696] и «вознаграждение добродетели» [37, 696], но и «радость, веселье, свадебное веселье, семейная любовь, праздник, юность, похвала, покой, наслаждение, весна, мир, застольная песнь, красота тела и души» [37, 696]. Розовый венок является частью свадебного наряда невесты, означая любовь

[37, 696], но также может украшать голову новопостриженной монахини, также означая любовь, но ко Христу [37, 696]. Розовый веночек, обвивающий два горящих факела, символизирует обручение и бракосочетание [37, 696]. Мотылек, сидящий на розовом венке, означает, освобожденную душу [37, 696]. Иногда имеет значение и цвет роз. Так, веночек из ярко-красных роз с одной звездой означает «заря», «начало дня», «утро» [37, 696].

Как видно из вышеизложенного, основные значения трех традиций языка цветов – немецкой, английской и французской – до некоторой степени совпадают, но система значений розы в немецкой традиции гораздо более развита, богата и отличается логичностью. Как кажется, особенностью немецкой традиции является большое количество сочетаний розы с другими растениями, не обязательно цветами, и эти сочетания обогащают свод значений цветка.

Прежде чем переходить к анализу значений розы в русском языке цветов, следует отметить две важных вещи. Во-первых, Россия восприняла равно все традиции языка цветов, пусть и знакомство с ними могло быть неодинаково полным (об усвоении английской и, тем более, американской традиций можно, как кажется, говорить со 2-ой пол. XIX в.). Во-вторых, при том, что в результате усвоения и переработки европейского языка цветов в его разных традициях сложился русский язык цветов, словаря языка цветов, в основе которого не лежало бы какое-то иностранное издание, в России не было (основу двух книг составляло много раз упоминавшееся берлинское издание 1823 г. [34]; в основе еще одной соединились французское содержание, которое можно проследить до распространенных в то время книг Делахене, Шарлотты Де Латур и И.Ж. Демольера, и английская форма, указывающая на знакомство с «Цветочными эмблемами» Г.Филлипса). Видимо причина заключается в том, что язык цветов как явление был характерен для дворянской культуры, распространен в кругу образованных людей, для которых иностранные языки были столь же, а то и более привычны, чем русский. Таким образом, русский язык цветов, а точнее значение в нем розы, приходится реконструировать из контекстов, как поэтических, так и прозаических.

Основным значением розы, первым в гипотетической словарной статье, является «любовь». Роза посвящена Венере, богине любви: «розы юные, Киприде посвященны» (К.Н. Батюшков, «К Тассу», 1808) [8, 169], И «свежих роз веночек, Киприды милый дар» (П.А. Вяземский, «Кудрявый трубадур...», 1857?) [13., 349]. Не только Венера, но и Амур связан с розами: «Бог любви почивал на ложе из роз благовонных,/ сладко сквозь сон улыбаясь» (Д.В. Дашков, «Спящий Эрот (Платон философ)») [24, 75]; «Спящую пчелой из розы/ Был Эрот укушен вдруг/ В палец...» (А.С. Норов, «Спящую пчелой...») [24, 235]. Розу дарят в знак любви: «О милый мой цветок, прекрасный!/ Ты для моих прельщенных глаз/ Алей явился во сто раз, <>,/ ... ей мне в знак любви врученный» (К.Д. Горчаков, «К розе», 1796) [5, 138, 139]. Роза оказывается символом настоящей любви, которую человек встречает раз в жизни: «Как может в жизни человек/ Два раза быть влюблен, не знаю./ Не станет сердца, милый друг,/ И сила в чувствах ослабеет./ Однажды роза в год алеет,/ Однажды

красится ей луг./ Однажды любим всей душою –/ Чтоб счастье райское вку-
сить./ Или глаза навек закрыть/ Со вздохом горести, с тоскою!» ([анон], «К
ней», 1796) [5, 41-42]. Роза является и свидетелем любовных переживаний:
«Свидетели любви и горести моей,/ О розы юные, слезами омоченны!»
(К.Н.Батюшков, «Из греческой антологии», 1817-1818) [8, 202].

Пейзаж, на фоне которого проходит любовное свидание, непременно
включает в себя розы: «Взгляни! с высот небес луна/ Так ясно светит, дышат
розы...» (Д.П.Ознобишин, «Прости», 1830) [25, 81] [обстановка свидания];
«Нева, свод лип, беседка, розы,/ Луна, поющий соловей» (Д.П.Ознобишин,
«Воспоминание») [25, 86] (в стихотворении речь идет о свидании, которому
посвящено более раннее стихотворение «Прости»). Не важно, изображается
ли в стихотворении Петербург, сцена, принадлежащая к европейской пасто-
ральной традиции или некий восточный пейзаж, розы в нем присутствуют:
«Без красавицы молодой,/ Без кипящего стакана,/ Прелесть розы огневой./
Блеск серебристого фонтана –/ Не отрадны для души!/ Без напева соловья/
Скучны роз душистых ветки...<...> Купы розовых кустов/ <...>/ Вдалеке от
сердца милой – / Не отрадны для души!» (Д.П. Ознобишин, «Ода Гафица»,
1826) [21, 71-72], «Скалы чувствительны к свирели;/ Верблюды прислушивать
умеет песнь любви,/ Стеня под бременем; румянее крови –/ Ты видишь – ро-
зы покраснели/ В долине Йемена от песней соловья...» (К.Н.Батюшков,
«Подражания древним», 1821) [8, 228], «А вечером, когда зефиров резвых
рой/ На листьях алых роз, осыпанных росой, / Утихнет и заснет, <...>/ Тогда
ты, вышедши из хижины смиренной,/ <...>/ С своею милою приблизишься к
реке» (П.А.Вяземский, «Послание к [Жуковскому] в деревню», 1808) [13, 53-
54]. То же самое видим и в прозе, например в повести В.К.Кюхельбекера
«Последний Колонна» свидание героини с ее возлюбленным происходит у
куста роз: «После завтрака я сошла в сад: мне стало что-то грустно; невольно
проронила я несколько слезинок и, когда слышала позади себя шаги,
наклонилась к кусту роз, чтоб стереть их» (В.К.Кюхельбекер, «Последний
Колонна») [14, 452].

Иногда, но не часто, встречаем и значение «[чувственная]любовь,
наслаждение»: «Без чувств, без силы, без движенья,/ В восторге пылком
наслажденья,/ Я забываю мир земной,/ Я нектар пью, срываю розы,/ И не
страшат меня угрозы/ Судьбы и парки роковой» (Д.П. Ознобишин, «Миг вос-
торга», 1822) [25, 71]; «О! пой, любимец счастья,/ Пока веселы дни/ И розы
сладострастья/ Кипридою даны» (К.Н.Батюшков, «К Жуковскому», 1812)
[8, 90].

Роза может означать не только любовь, но и предмет любви, поэтому
на первый план выходит сравнение цветка с молодой красавицей. У Батюш-
кова: «Ах! чем красавицу мне должно,/ Как не цветочком, подарить?/ Ее, без
всякой лести, можно/ С приятной розою сравнить» (К.Н.Батюшков, «К Маль-
вине», 1815) [8, 159]. Или его же: «Девушка юная подобна розе нежной,/ Взле-
лянной весной под сению надежной» (К.Н.Батюшков, «Подражание
Ариосту», 1821) [8, 229]. Тот же образ находим и у Дельвига: «...Дафна,/ Эта
шалунья, насмешница, вдруг подрастет и, как роза, / Вешним утром расцвет-

шая, нас ослепит красотой...» (А.А. Дельвиг, «Идиллии. Цефиз», между 1814 и 1817) [14, 154]. П.А.Вяземский: «И розу мне приносишь –/Подобие себя!» (П.А.Вяземский, «К подруге», 1815) [13, 86]. Сравнение юной девушки с розой характерно и для более позднего периода творчества Вяземского. В стихотворении «Самовар» он описывает одну из героинь так: «*Другая – радостно в грядущее вступая/ И знающая жизнь по первым утрам мая, /На празднике весны в сиянье молодом/ Свежеет розою и вьется мотыльком*» (П.А.Вяземский, «Самовар», 29 декабря 1838, Франкфурт) [13, 265]. В это же время Н.В.Кукольник пишет: «В саду, в окне, в театре и карете/ Ты чудно хороша, ты чудных чар полна;/Как роза пышная в своем роскошном цвете, /Ты будто прелестью своей утомлена...» (Н.В.Кукольник, «К П...», 1837) [25, 509]; «Юная дева,/ Алая роза!» (Н.С.Теплова, «На смерть девы», 1831) [25, 582].

В отличие от европейского языка цветов в русском его варианте красивый юноша, видимо, очень молодой, почти мальчик, тоже может быть подобен розе. Таков певец Арминий, возлюбленный Минваны: «Младой и прекрасный,/ Как свежая роза, – утеха долин,/ Певец сладкогласный,/ Но родом незнатный, не Княжеский сын» (В. А.Жуковский, «Эолова арфа», 1815) [3, 65]; «Когда ты, Лидия, Телефа/ Очи умильные, волосы черные, – / Когда ты млечные Телефа/ Хвалишь ланиты мне, розой напитанны» (А.Мерзляков, «К Лидии», 1815) [4, 4].

Физическая красота, отдельные черты облика красавицы или красавца, также передается при помощи упоминания розы: «Когда, твои морщины вопрошая/ О розах мне сиявшей красоты,/ Захочет знать белянка молодая,/ Чью так любовь оплакиваешь ты, –/ Минувших дней блесни тогда весною,/ Жар наших душ на лютне передай» (В.Г.Тепляков, «Моя старушка», 1833) [24, 683]. Часто к розе прибавляется и лилия, символизирующая белизну кожи: «Лилей, розы, все, что взор весной прельщает,/ Всяк видит средь зимы, кто смотрит...на тебя!» (П.П., «Ответ Лизе», 1797) [6, 165], «Уже свой роза блеск сливает/ С твоею бледностью лилейною ланит» (Д.П.Ознобишин, «Елеоноре. (Из Парни)», 1821) [21, 29]. При этом внимание обращается на щеки, которые имеют розовый цвет: «Цветет улыбка на устах,/ И розы дышат на щеках» (Анон., «Вечер», 1797) [6, 60]; «ланиты – розы» (Д.П.Ознобишин, «Нама», 1826) [21, 35]; «Роза в щеках загорится,/ Будешь вдвое хороша» (Д.П.Ознобишин, «Поцелуй», Апрель 1829) [21, 72]; «И пылающи ланиты/ Розы ярким багрецом (К.Н.Батюшков, «Вакханка», 1815) [8, 103]; «У нимфы моей на личике нежном /Розы поблекли и вянут все прелести» (К.Н.Батюшков, «Рыдайте, Амуры...», 1810) [8, 196]; «Розы свежего лица» (М.Д.Деларю, «Ворожба», 1830) [24, 503]; «цвет ланитных роз» (А.А.Дельвиг, «На смерть***. (Сельская элегия)», 1821 или 1822) [14, 113]; «Дай полелеяться взорам моим/ Отцветом роз на ланитах живых» (С.Е.Раич, «К Лиде», 1826) [25, 17]; «Младые розы девственных ланит» (В.С.Печерин, «Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь. (Для февральского праздника 1834). Песня о графине Турн», 1834) [25, 477]. Иногда о цвете лица красавицы говорится обобщенно: «Румяна и свежа, как роза полевая»

(К.Н.Батюшков, «Таврида», 1815) [8, 52], «Розы румяней» (С.Е.Раич, «К Лиде», 1826) [25, 16]. Однако встречается ситуация, когда щеки красавицы бледнеют: из-за людской злобы «роз слетает цвет с ланит» (В.Н. Олин, «Стансы», 1822) [24, 127].

Еще одним ярким пятном на лице являются губы: «Пчелка золотая!/ Что ты жужжишь?/ Все вокруг летая/ Прочь не летишь?/ Или ты любишь/ Лизу мою? <...> Розы ль огнисты/ В алых устах?» (Д-н, «Пчелка», 1797) [6, 150]; «Губки, – роза так огнилась,/ Сквозь шипок едва дыша» (Д.П.Ознобишин, «Поцелуй», Апрель 1829) [21, 71]; «Блеск розы – наслажденье взгляда,/ На губках милой не горит» (Д.П.Ознобишин, «Поселянка», Сентябрь 1828) [21, 59]; «Дева любви!– я к тебе прикасался,/ С медом пил розы на влажных устах!» (К.Н.Батюшков, «Источник», 1810) [8, 59]; «Из розы нежных уст любовью дохни!» (А.И. Подолинский, «Смерть Пери. (поэма)», 1837) [25, 315]. Розы «ланит» и «уст» могут соединяться в портрете реальной красавицы: «Сотку из роз твои ланиты,/ Из роз уста твои сотку» (В.И. Туманский, «Гречанке», 1827) [24, 290].

Но и о красивом юноше можно сказать: «Что ж за уста у него? душистые, алые розы,/ Полные звуков и слов, сладчайших всех песен воздушных» (А.А.Дельвиг, «Купальницы», 1824) [14, 161]. Лица пирующих также румяны: «Соку гроздий нам напень – / Розы с наших лиц проглянут» (С.Е.Раич, «Песнь на пирушке друзей», 1828) [25, 22]. Как уже говорилось выше, соотношение розы и юноши характерно только для русского языка цветов.

Также розы встречаются в описании Амура: «розы по лицу блистали,/ Как утрення заря» (Д-н, «Мечта», 1797) [6, 148]; «Тут он поднял пальчик, алый пальчик,/ Схожий цветом с юной, свежей розой» (В.К.Кюхельбекер, «Амур живописец», к. 1810-ых или нач. 1820-ых гг.) [14, 311].

Кроме более обычных и частотных щек и губ роза (иногда вместе с лилией) упоминается для обозначения запаха волос красавицы («От каштановых волос/ Тонкий запах свежих роз» (К.Н.Батюшков, «Привидение. Из Парни», 1810) [8, 38]), ее дыхания («Я Лилы пью дыханье/ На пламенных устах,/ Как роз благоуханье,/ Как нектар на пирах!» (К.Н.Батюшков, «Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому», 1811-1812) [8, 80]), «Ты на земле была любви подруга:/ Твои уста дышали слаще роз» (В.И. Туманский, «На кончину Ризнич», 1825) [24, 280], красоты ее тела («Когда же ты,/ Сном закрыв прелестны очи,/ Обнажишь во мраке ночи/ Роз и лилий красоты,/ Я вздохну» (К.Н.Батюшков, «Привидение. Из Парни», 1810) [8, 38]).

Понятие «юность» характеризует «предмет любви». Соотнесение роз и юности находим у Вяземского «розами твоя увенчанная младость/ Есть дня холодного блестящая заря» (П.А.Вяземский, «К мнимой счастливнице», Лето 1825) [13, 168]), Плетнева (жизнь человека «От поры цветущих роз/ До серебряных волос» (П.А.Плетнев, «Анакреон», до 1831) [23, 315]). Даже пожилой человек, украшая себя розами, ощущает себя молодым: «С этой седой головой,/ Розами вечно увитой,/ Молод я, старец седой!» (А.С. Норов, «Из Анакреона») [24, 234]. Соответственно и возраст может исчисляться «роза-

ми»: «Уж семьдесят раз он первыми розами лиру/ И длинные кудри свои украшал» (А.А.Дельвиг, «Дамон», 1821) [14, 155].

Часты контексты, в которых реализуется значение «быстротечность», «преходящая красота», в том числе и женская. Век розы краток: «роза миг один алеет» (Д.П.Ознобишин, «Кавказская ночь», Август 1839. Кисловодск) [21, 159]. Обычно роза расцветает утром и увядает вечером: «Розы грустны, – минет день,/ И красавицы увянут» (С.Е.Раич, «Песнь на пирушке друзей», 1828) [24, 21]; «розы красоты,/ Вседневно свежестью беднея,/ Погибнут» (Е.А.Баратынский, «Делии», 1822) [7, 35]. Часто роза, которой предстоит вскоре увянуть, используется в качестве примера для красавицы, поэтому обе они упоминаются в одном контексте: «Как розы юные прелестны!/ И как прелестна красота!/ Но что же есть она? мечта;/ Темнеет цвет ее небесный:/ Минута – и прекрасной нет!» (Анон., «Опытная Соломонова мудрость, или мысли выбранные из Экклезиаста», 1797) [6, 184]; «Что ни день, то розой новой/ Розан мой меня дарит:/ Ранним утром пурпуровый/ Уж шипок на нем горит, -/ </>/ Но с вечерними тенями/ Нет в ней прежней красоты – / Полубледными цветами/ Чуть блестят ее листы./ Наклонясь главой усталой/ Под вечернею росой,/ В землю цвет роняет алый,/ Аромат утратив свой./ Розы день – краса девицы –/ В утро жизни взор манит,/ Краткий миг лови денницы – / Быстро вечер прилетит» (Д.П. Ознобишин, «Столистая роза», 31 мая 1828) [21, 57]; «Ах, мне ль твердить, что вянут розы,/ Что мигом их краса пройдет, / Что, лишь появятся морозы,/ Листок душистый опадет./ Но что же, милая, и вечно/ В печальном мире сем цветет?/ Не только розы скоротечно,/ И жизнь, – увь! – и жизнь пройдет» (К.Н.Батюшков, «К Мальвине», 1815) [8, 159]. В единственном контексте, где идея быстротечности передается при помощи образа росы, высыхающей на полуденном солнце, все равно присутствуют розы: «Минет утро, день настанет –/ Ярче солнце к нам проглянет,/ И жемчуги светлых рос/ Улетят с прелестных роз» (С.Е.Раич, «Песнь соловья», 1827) [25, 20].

Значение розы развивается и в направлении «праздник», связанные с ним эмоции и ощущения, обычаи. Как и в немецкой традиции, в России роза – «праздничный цветок». В русской поэзии 1-ой пол. XIX в. часто воссоздается атмосфера праздника времен античности, греческого или римского: «Но где минутный шум веселья и пиров?/ В вине потопленные чаши?/ Где мудрость светская сияющих умов?/ Где твой Фалерн и розы наши?» (К.Н.Батюшков, «К другу», 1815) [8, 68]; «Как сладко, пыльный Рим покинув за собой,/ На ложах опочить застольных,/ Средь бочек, чаш, амфор, кимвалов и гобой,/ На кипах роз в тенях привольных» (А.С. Норов, «Сирийка с греческой повязкой в волосах...») [24, 237]; «Сад не блещет уж огнями,/ Розами усеян зал;/ Кубки брошены с венками,/ Голос пира замолчал» (В.Г.Тепляков, «Менада», 1836) [24, 684]. Одним из обычаев пирующих, известных из античной поэзии, было украшение кубков цветами. Об этом упоминают и русские поэты: «Не забудь края золотые/ Плющем, розами увить!» (А.А.Дельвиг, «К мальчику», между 1814 и 1819) [14, 88]; «Зовите жриц Пафосских рой;/ Мой кубок розами венчайте!» (В.Г.Тепляков, «Оправдание») [24, 675]. Дру-

гим обычаем были венки из роз, украшавшие головы пирующих: «Из разноцветных роз сплетенные венки» (А.С. Норов, «Сирийка с греческой повязкой в волосах...») [24, 237]; «С гетерой юною склоняясь под этот куст,/ Прими из рук ее венок из роз готовый» (А.С. Норов, «Сирийка с греческой повязкой в волосах...») [24, 237]. Венок из роз, связанный с атмосферой праздника, становится символом беспечальной, радостной жизни: «Когда, душа, просилась ты/ Погибнуть иль любить,/ Когда желанья и мечты/ К тебе теснились жить,/ Когда еще я не пил слез/ Из чаши бытия, – / Зачем тогда в венке из роз/ К теням не отбыл я!» (А.А. Дельвиг, «Элегия», 1821 или 1822) [14, 113], «Здесь не посмеет Кир суровый/ Из юных роз венки с кудрей твоих сорвать,/ И прелестей твоих покровы/ С свирепым гневом растерзать (В.Н. Олин, «К Тиндариде», 1817) [24, 123]. Венком украшена голова Амура: «Что розы может быть милее?/ Амур из роз венки имел» (К.Н.Батюшков, «К Мальвине», 1815) [8, 159].

У венка есть и другие значения. Венок связывается не только с праздником, но и с наградой победителю. Так, венок из белых роз может рассматриваться как награда за добродетель. Поэт, разлученный с возлюбленной, видит ее в видении: «Раскинуты власы красавицы волною/ В небесной синеве,/ Венок из белых роз блистает на главе,/ И перси дышат под покровом» (К.Н.Батюшков, «Воспоминание», 1807-1809) [8, 180]. Становится он и наградой поэту, которую ему вручают Грации: «Гордися, нежных чувств певец,/ Венком, из нежных роз сплетенным,/ Тобой от Граций полученным!» (Анон., «К бедному поэту», 1797) [6, 37], «почто мне Грациям скучать,/ Когда твой нежный глас их будет услаждать?/ Пускай они твое Послание читают,/ И розовый венок любимцу соплетают» (***, «К другу», 1797) [6, 86]. В видении больному, находящемуся на грани жизни и смерти, предстал черный ангел, однако герой выздоровел, и символом его выздоровления, возвращения к жизни, становится венок: «Он мне поднес священный крест: с креста/ Какой-то огонь потек в мои уста,/ Пронзительный, но чудно-благотворный, –/ И засветлел внезапно гений черный:/ Венок из роз, как звезды вокруг чела./ Лицо горит румяною красою!» (Е.Ф.Розен, «Черный ангел», 1829) [24, 560].

Один раз в русской поэзии встречаем «ветвь роз», которая входит только в английский язык цветов со значением «очаровательная». Примечательно, что автором стихотворения, в котором упоминается «ветвь роз», является П.А.Вяземский, наполовину ирландец (по матери): «Скажи мне, сколько слез укору/ И ревности упало слез/ В тебя, когда я веткой роз/ Украсил грудь Элеоноры?» (П.А.Вяземский, «К подушке Филлиды (с французского)», 1815) [13, 78]. Как кажется, здесь можно говорить об английском влиянии, хотя стихотворение подается как перевод «с французского».

Роза, как «праздничный цветок», означает и радость, и счастье. Так, у Батюшкова дважды встречаем счастья розы» (К.Н.Батюшков, «Ответ Тургеневу», 1812) [8, 93]; (К.Н.Батюшков, «Разлука», 1812-1813) [8, 106]. У счастья может быть несколько причин, например, счастье в любви, счастье в дружбе: «И грусть не смеет омрачать/ Невинных наслаждений:/ Ее от сердца отогнать/ Нам послан дружбы Гений./ Его священная рука/ Мой отерла сле-

зы:/ И спит в моей груди тоска,/ И вновь цветут мне розы» (В.К.Кюхельбекер, «Песня дорожная», нач.1820-ых гг.) [18, 40-41]; счастье в покое и довольстве: «Безмолвьем райским окруженный,/ На нежных розовых цветах/ Покоем крепким осененный,/ Он дремлет в сладостных мечтах» (М.Магницкий, «Нищий», 1797) [6, 71-72]. Идет по розам или срывает розы тот, кто не знает в жизни никаких печалей, счастлив: «тот беспечный бог,/ Спокойный, радостный, ступающий на розы,/ С которым жизни путь столь ровен и отлог»:/ Ты отнял все, отнявши слезы! (М.А.Дмитриев, «Равнодушие», 1823) [25, 39]; «Тебе ль, благих богов любимице счастливой,/ Рожденной розы рвать на жизненном пути» (П.А.Вяземский, «К ***», 1816) [13, 91], «Иной поет любовь: «любимец Афродиты,/ С свирелью тихою, с увенчанной главой,/ Вкушает лишь покой,/ Лишь радости одни встречает/ И розами стезю сей жизни устилает» (К.Н.Батюшков) [8, 162]. Не всегда лирический герой рад своему счастью: «Никак я не могу *одним* доволен быть,/ И лучше розы мне на терны пременить,/ Чем розами всегда одними восхищаться» (К.Н.Батюшков) [8, 162-163]. Находим у русских поэтов и «розы радости»: «Любите в юности забавы/ И сейте розы на пути» (К.Н.Батюшков, «Совет друзьям», 1806) [8,165]; «Иль, может быть, мудрец угрюмый,/ На светлое свое чело/ Ты, розам радостей назло,/ Навел бразды спесивой думы» (П.А.Вяземский, «Д.В.Давыдову», 1816) [13, 100]; «Очам не льстят земные розы:/Они для сердца не цвели» (Д.П. Ознобишин, «Пловец», 1830) [25, 87].

Роза связана с понятием времени (молодость, мимолетность, жизнь («жизнь, как роза, расцвела» (Норов, «К Дафне», 1821) [10, 180]), а также с временами года. Так, весна воспринимается как время, когда зацветают или цветут розы: «В весенни роза времена/ Хранит красы свои бесценны» (Н.А., «Ода. Музыка или Семитония», 1796) [5, 34]; «Весна меня пленяет./ Как я люблю смотреть на вешние цветы!/ Лилея, роза там, как дух мой восхищает!» (П.П., «Ответ Лизе», 1797) [6, 164]; «Зазеленеют гибки лозы,/ Поля оденутся в цветы./ Там первые увидишь розы/ И с ними вдруг увянешь ты» (К.Н.Батюшков, «Последняя весна», 1815) [8, 55]; «Я, восхищен природой красной,/ Сказал Эмилии: “Ты видишь, как она,/ Расторгнув зимний мрак, с весною оживает, / С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;/ Что б было без весны?”» (К.Н.Батюшков, «Воспоминание», 1807-1809) [8, 179]; «Спешите ж, весна! Пой в роще, соловей!/ Цветите, пламенные розы!» (Д.П. Ознобишин, «Весенняя грусть», 1835) [21, 101]; «Чредой придут, чредой пройдут морозы;/ Опять тепло, и соловьи и розы – / Все будет, чем роскошествует твой Лель, – / Тогда вставай и ладь свою свирель» (П.А.Катенин, «Княжна Милуша. Песнь Третья», 1833) [17, 29]. Пока стоят зимние холода, о розах не слышно: «Но роза нежная расцвествить еще не смеет/ Среди обтаявших снегов,/ И утренний мороз на мураве белеет,/ И в роще слышен шум ветров» (А.А.Крылов, «Весна», 1821) [24, 245]. Осень же, напротив, является временем, когда розы увядают: «Ни роза, ни ямин не будут колебаться/ На нежных стебельках; поблек наряд садов» (Н.И.П., «Свидание в саду осенью», 1810) [1, 69]; «Доколе роз в садах не тронет/ Мертвящей осени рука» (П.А.Вяземский, «К Батюшкову», 1817) [13, 106].

Значение розы «заря» восходит к европейской эмблематической традиции. В «Иконологическом словаре» заря, или Аврора, «представляется в образе молодой Нимфы, венчанной цветами... В левой руке держит она факел, а правую сыплет розы для показания, что цветы, коими украшена земля, возобновляются росой, которая, по мнению стихотворцев, рождаясь от Авроры, на подобие окатистого жемчуга из глаз ее падает» [16, 2-3]. Поэтому на протяжении 1-ой пол. XIX в. находим в русской поэзии «розы» зари: «Рано утренние розы/ Запылали в небесах» (К.Н. Батюшков, «Ложный страх», 1810) [8, 107]; «Небо розами цвело» (А.И. Подолинский, «Отчужденный», 1836) [25, 302].

Роза появляется в русской романтической поэзии еще в одном контексте, приобретая, соответственно, значение, не встречавшееся напрямую в «алфавитах цветов», но, как кажется, связанное с восточной традицией, усвоенной через призму французской: «розы воображения, поэзии». В книге Шарлотты Ла Тур роза появляется в одном контексте с именем персидского поэта Саади, автора поэмы «Гюлистан, или Сад роз». В русской поэзии 1-ой пол. XIX в. находим немало примеров, где роза связана с поэзией и фантазией: «Замки чугуны на дверях/ Украшены мечтой... Какое утешенье/ Украсить заключение,/ Оковы променять на цепь веселых роз!» » (К.Н. Батюшков, «Мечта (Первая редакция)», 1802-1803) [8, 146]; «Правда, что воображение/ Убирает все рукой своей,/ Сыплет розаны на терние,/ И поэт с душой спокойною/ Веселее Креза с золотом» (К.Н. Батюшков, «К Филисе. Подражание Грессету», 1804-1805) [8, 156]; «светлых вымыслов ... розы» (П.А. Вяземский, «К графу В.А. Соллогубу», 1834) [13, 249], «Наперсница мечты прекрасной, ... Води ж теперь моим смычком/ По золотым струнам цевницы/ И розы милой небылицы/ Рассыпь в творении моем» (М.П. Загорский, «Илья Муромец. Богатырская поэма», до 1824 г., опубл. в 1830 г.) [24, 458]; «Поэты не дают с фантазией расстаться,/ Мы с ними посреди Армидиных садов,/ В прохладе рощ тенистых, внимаем пению/ Орфеев голосистых,/ При шуме ветерков на розах нежных спим» (К.Н. Батюшков, «Послание к Н.И. Гнедичу», 1805) [8, 161]; «Поэт есть хитрый чародей:/ Его живая мысль как Фея/ Творит красавиц из цветка;/ На сосне розы производит,/ В крапиве нежный мирт находит/ И строит замки из песка» (Анон., «К бедному поэту», 1797) [6, 38]. Роза оказывается цветком поэтов: «Что розы может быть славнее?/ Ее Анакреон воспел» (К.Н. Батюшков, «К Мальвине», 1815) [6, 159]; «Вкруг жертвенника славы/ Бессмертные певцы,/ Наставники забавы,/ Кипридины жрецы:/ Божественный Лукреций,/ Старик Анакреон,/ Катулл, Тибулл, Проперций,/ Затейливый Бион,/ Овидий знаменитый: – / Все розами увиты,/ Все в миртовом венке» (В.Олин, «Свидание», 1815) [4, 61]; «лавр Марона, розы Тасса» (Д.П. Ознобишин, «Раичу», 1829) [21, 1992, 80]; «Ни вьюги, ни морозы/ Цветов твоих не истребят./ Бог лиры, бог любви и музы мне твердят:/ В саду Горация не увядают розы» (К.Н. Батюшков, «К цветам нашего Горация», 1816) [8, 118]. Именно поэзия может скрасить жизнь, какой бы унылой та ни была: «Лишь муза с берега глядит/ На изнуренье Жизни хилой/ И розами ей путь кропит/ Окрест кормы унылой» (В.М. Григорьев, «Река жизни», 1822)

[24, 374]. Роза является не только приношением музы поэту, но и поэта – музам: «На ваш алтарь, красу цветов,/ Положит первые он [поэт] розы/ При пеньях радостных стихов» (А.А.Дельвиг, «Музам», 1821) [14, 111]. Сами стихи талантливого поэта напоминают цветы: «Твои песнопенья прелестны, как розы» (А.А.Крылов, «Могила персидского поэта») [24, 246]. Роза – атрибут любовной песни: «В дыханьи роз, восторгом неги полный,/ Я пел и радость и любовь» (Д.П. Ознобишин, «Гангес», 1827, Москва) [25, 46].

В русской поэзии у розы два спутника, один из которых напоминает о Востоке, другой о Европе. Это соловей и мотылек. Большинство стихотворений, где соловей появляется в одном контексте с розой, описывает восточный или южный пейзаж: «... в темные часы ночные/ При шуме серебряных ключей/ Льет песни страстные, живые/ Любовник розы – соловей» (Е.П. Зайцевский, «Вечер в Тавриде», 1827) [24, 521]. Часто соловей так и называется – «любимец розы»: «У волн нагорного потока/ Пел звонко песню соловей;/ Но грустно пел любимец розы,/ Немую оглашая даль» (Д.П.Ознобишин, «Кавказская ночь», Август 1839. Кисловодск) [21, 159]. Его песня предназначена для возлюбленной, что следует из многих контекстов: «Ароматным утром мая,/ О подруге вздыхая,/ О любимице своей,/ Пел над розой соловей» (С.Е.Раич, «Песнь соловья», 1827) [25, 20]; «Там над розой, страстный, тает,/ Соловей среди кустов,/ Роза слышит и пылает/ Ярким пурпуром листов» (Д.П.Ознобишин, «Поцелуй», Апрель 1829) [21, 71]; «Близ нее [розы] в восторгах стонет/ Сладкозвучный соловей» (Д.П. Ознобишин, «Столистая роза», 31 мая 1828) [21, 57]. Если соловей воспевае розу, как верный поклонник, то мотылек, наоборот, поклонник легкомысленный и неверный, так как еще в сборниках эмблем «бабочка, значит Глупость, Легкомыслие и Непостоянство» [16, 18]: «Как старинные обманщики,/ Мотылечки легкокрылые,/ Забывая свою ветреность,/ Целым роем к ней [розе] слетаются» (А-а А-а, «К незабудке», 1820) [9, 274-275]. Мотылек и роза появляются в контекстах, где речь идет о неверном поклоннике и красавице: «Зачем, как мотылек/ С цветочка на цветок,/ Анакреон беспечно/ Весь век свой пролетал?/ «Такой, как ты, конечно,/ Он розы не сыскал» (В.В.Капнист, «Красавице») [26, 254].

Роза входит в описания стран, традиционно связанных с поэзией. «Розы Тасса» (Д.П.Ознобишин, «Раичу», 1829) [21, 1992, 80] предполагают, что эти цветы являются отличительной чертой Италии. Итальянский пейзаж описан Баратынским так: «И в сей Италии, где все – каскады, розы,/ Мелезы, тополи и даже эти лозы» (Е.А.Баратынский, «Дядьке-итальянцу», 1844) [7, 125]. «Роз душистые короны» (Е.Бернет, «Сицилиец», из цикла «По следам Анакреона») [25, 668]. Вяземский видит Италию как страну, ««Где негой роз и блеском их румянца/ Ковры лугов пестреют и цветут/ И где срослись и злато померанца,/ И зелени душистый изумруд» (П.А.Вяземский, «Kennst du das Land?», 1836) [13, 254], причем название его стихотворения отсылает читателя к стихотворению Гете также об Италии. Розы цветут в Тавриде: «Земли улыбка, радость неба,/ Рай Черноморских берегов,/ Где луч благотворящий Феба/ Льет изобилие плодов,/ Где вместе с розою весенней/ Румянец осени горит,/ Тебе – край светлых впечатлений,/ Таврида, – песнь моя гре-

мит!» (А.Н.Муравьев, «Таврида», 1825/26) [25, 112-113], а также на Кавказе: «Я видел Кур; он катит воды/ Под тенью виноградных лоз;/ Я был в стране, отчизне роз,/ Обильной прелестями природы» (А.А.Шишков, «Н.Т.Аксакову», 1821) [24, 401]. Роза ассоциируется с Востоком: «Упьемся воздухом твоим,/ Земля роскошного Востока!/</>/ В твоём, о юная невольница, лобзаныи,/ Цветов родной твоей страны,/ Живых восточных роз отведаем дыханье/ И жар, и свежесть их весны!» (В.Г.Тепляков, «Фракийские элегии. Третья фракийская элегия. Берега Мизии», 1829) [24, 621]. Северные розы быстро отцветают, но и о них вспоминают с любовью: «В садах, где Юг роскошно веет,/ Он дальний Север вспоминал,/ Где роза миг один алеет,/ Где он любил, где он страдал» (Д.П.Ознобишин, «Кавказская ночь») [21., 159].

Но и иная реальность украшена розами. Они цветут в раю, где «гнезда ангелов над морем бытия/ В шипках небесных роз, в рубинах звезд сияют» (В.Г.Тепляков, «Любовь и ненависть ва») [24, 676]; «где без игл растут кусты прелестных роз?/ За сферами лишь вечна жизни сладость!» (В.Н. Олин, «Упование», 1822) [24, 126]. Розы цветут и в сказках: «Душистый вешний ветерок,/ Как дух бесплотный, повеваает:/ То тронет спящий ручеек/ И зарядит хрустальный ток,/ То шепчет в зелени дубравы/ Или, слетевши на лужок,/ Лобзает розы величавы/ Или смиренный силек» (М.П. Загорский, «Илья Муромец. Богатырская поэма», 1820-1824) [24, 475]. Когда речь заходит об Элизии, то и там встречаем те же цветы: «До гроба я носил твои оковы нежны,/ И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,/ В Элизий приведешь таинственной стезей,/ Туда, где вечный май меж рощей и полей,/ Где расцветает нарда и киннамона лозы,/ И воздух напоен благоуханьем розы» (К.Н.Батюшков, «Элегия из Тибулла. Вольный перевод», 1811?) [8, 30].

При том, что большинство контекстов, в которых встречается роза, можно назвать положительными, этот же цветок использовался и для выражения печали, отчаяния («Тоска в лугах, тоска среди леса;/ Нигде спокойных нет минут;/ Уже и Флора и Палеса/ От мест отчаянья бегут./ В садах плоды уже не зреют;/ На пашнях нива не взошла;/ В долинах розы не алеют, – / Польша с крапивою поросла» (***, «Романс», 1797) [6, 51]), в ситуациях, когда говорится о смерти («тихий смерти гений/ Розу обрывает» (К.Н.Батюшков, «На смерть супруги Ф.Ф.Кокошкина», 1811), [8, 61]), жизни на чужбине («Блажен, блажен, кто дым родимой хаты/ Дороже роз чужбины оценил!» (В.Г.Тепляков, «Фракийские элегии. Странники», 1829) [24, 663]), несправедливости («Там бедный проливает слезы,/ В суде невинный осужден,/ Глупец уважен и почтен;/ Злодей находит в жизни розы,/ Для добрых терние растёт;/ Для них уныл, печален свет» (Анон., «Опытная Соломонова мудрость, или мысли выбранные из Экклезиаста», 1797) [6, 176]). У Вяземского встречаем «черные розы» (П.А.Вяземский, «Друзьям», 1861) [13, 366] как символ скорби и вечной разлуки. Возможно, блоковская «черная роза в бокале/ Золотого, как небо, Аи» (А.А.Блок, «В ресторане», 1910) [11, 25] развивает эту символику как знак любви, обреченной на неудачу.

Алая роза становится «общим местом» романтической поэзии. В повести А.Ф.Вельтмана импровизатор читает стихи на заданную тему, и эти сти-

хи не обходятся без упоминания розы: «На холме, миртами венчанном,/ Где льется шумный водопад,/ На ложе роз благоуханном,/ Среди приюта Ореад,/ Склонился юноша прекрасный/ С подругой нежной, пылкой, страстной» (А.Ф.Вельтман, Из повести «Приезжий из уезда, или суматоха в столице», 1841) [25, 223]. В стихотворении «Видение на берегах Леты» Батюшков дает панораму поэзии и поэтов, при этом его собеседник, как и полагается поэту, «увит венками роз»: «Кто ты, вещай?» – «Я тот поэт,/ По счастью очень плодovitый/ (Был тени маленькой ответ),/ Я тот, венками роз увитый/ Поэт-философ-педагог,/ Который задушил Вергилия,/ Окоротил Алкею крылья./ Я здесь!» (К.Н.Батюшков, «Видение на берегах Леты», 1809) [8, 185]. Вяземский упоминает розу среди расхожих штампов, заполонивших поэтические тексты 1-ой пол.ХІХ в., в стихотворении «Прелести деревни» (1821), где он иронически отзывается о поэтах, пишущих об идиллической сельской жизни: «На заказ/ И роза вечная алеет!» (П.А.Вяземский, «Прелести деревни», 1821) [13, 153].

Из всех разновидностей роз, которые входили в язык цветов, в русской поэзии встречается лишь роза столитная: «Осенит ли полдень знойный,/ И, столитная, она [роза]/ Улыбнулась в неге томной,/ Свежей прелестью полна» (Д.П. Ознобишин, «Солитная роза», 31 мая 1828) [21, 57].

Интересен случай «розы без шипов». Как следует из записей в дневнике Анны Олениной, «Роза без шипов – искренний друг» [22, 143]. Можно было бы предположить, что Оленина переписала это определение из книги Делашене, но «роза без шипов» встречается еще у Г.Р.Державина в оде «Фелица»: «...Взойти на ту высоко гору,/ Где роза без шипов растет,/ Где добродетель обитает...» [15, 55]. Еще один раз находим ее у П.А.Вяземского: «В тени от взоров сокрываю/ Для милой розу без шипов» (П.А.Вяземский, «Цветы», 1817) [13, 112].

Если в «алфавитах цветов» особо отмечены белый («белая роза» – «невинность»), «бутон белой розы» – «молодая девушка») и желтый («желтая роза» – «неверность»), то в поэзии упоминаются алые и розовые розы: «Огнисты розы Суристана,/ Но что пред милою оне!» (Ознобишин, «Рождение перла», 1828) [21, 49], «...румянее крови -/ Ты видишь – розы покраснели...» (Батюшков, «Подражания древним», 1821) [8, 229]. Один раз встречаем «венчик из белых роз» (Батюшков, «Воспоминание», 1807-1809) [8, 180]. Желтые розы «неверности», как кажется, не привились в русской поэзии.

Как и немецкий язык цветов, русская традиция отличается богатством «цветочных фразеологизмов», то есть сочетаний розы с другими цветами, развивающих и дополняющих словарную статью «роза». Не все контексты, в которых роза появляется вместе с другими растениями, можно назвать символическими. Тем не менее, сочетание роз, лавра и кипариса – счастья, славы и печали – в цитате «Мы лавр находим там/ Иль кипарис печали,/ Где счастья роз искали,/ Цветущих не для нас» (К.Н.Батюшков, «Ответ Тургеневу», 1812) [8, 93] позволяет рассматривать упомянутые выше растения как отдельные слова. Мирт, как и роза, посвящен богине любви Венере, поэтому их сочетание в венке лишь усиливает ощущение праздника, радости, успеха в любов-

ных делах: «Любимца Кипридина/ И миртом и розою/ Венчайте, о юноши/ И девы стыдливые!» (К.Н.Батюшков, «Радость. Подражание Касты», 1810) [8, 113]. Сочетание розы и лилии, особенно если роза красная, в немецком языке цветов означает «совершенство». Оно стало одним из «общих мест» портрета красавицы, означая видимо, «совершенную красоту»: «Пусть розы нежные гордятся/ На лилиях груди твоей!» (К.Н.Батюшков, «К Мальвине», 1805) [8, 159]. Пара «розы и лилии» может означать еще «невинные удовольствия юности»: «Давно ль, в венке из роз и лилий,/ Ты песни радостные пел?» (А.П.Крюков, «Внезапная смерть», 1829) [24, 547]. Это же значение встречаем и в прозе: «...муза его [Баратынского] была вечно игривое дитя, которое, убравшись розами и лилеями, шутя связывало друзей цветочными цепями и резвилось в кругу радостей» (В.А.Эртель, «Выписка из бумаг дяди Александра») [8, 327]. Розы и маки у Вяземского могут толковаться как «блаженство ничем не нарушаемого отдыха»: «О, дайте мне, друзья, под безмятежной сенью,/ Куда укрылся я от шума и от гроз,/ На ложе сладостном из маков и из роз,/ Разостланном счастливой ленью,/ Понежиться еще в неизвестности своей!» (П.А.Вяземский, «К друзьям», 2-ая пол.1814) [13, 72]. Обычно лавр означает славу – славу поэта или воина, но соединение лавра с оливой, имеющей устойчивое значение «мир» [20, 63], позволяет предположить, что эти два растения символизируют «войну и мир», деятельность, которая подобает мужчине в военные и мирные годы: «...Ты, любовь, звала меня к себе!/ И с тайной радостью покорствуя судьбе,/ На розы я сменял и лавры и оливы!» (М.А.Дмитриев, «Предчувствия любви», 1822) [25, 37]. Отказ от «лавров и олив» ради «роз» любви может быть понят как «все ради любви». Еще одно сочетание или, скорее, противопоставление встречается довольно часто в русской поэзии 1-ой пол. XIX в. – противопоставление роз и терний, где розы, конечно, значат «счастье», а терния – «бедствия», например, «Тот путь свой розой оцветит/ Среди колючих жизни терний,/ Отраду в горестях найдет,/ С улыбкой встретит час вечерний,/ И в полночь тихим сном заснет» (Н.М.Карамзин, «Послание к А[лександр]у А[лексеевич]у П[лещееву]», 1796) [5, 27]. Наконец, находим и контекст, который прямо отсылает нас к немецкому языку цветов: «взглянем на окошко и увидим, что вместе с дорогою *мраморною* вазою, в которой цветет прекрасная *роза*, стоит и простой горшок с зеленым, песошным луком» (Провинциал, «Провинциал в Петербурге», 1810) [2, 46]. Сочетание розы и лука аналогично сочетанию розы и чеснока, указанному А.Брайсигом («доброе соседство приятно» [37, 695]), и эта на первый взгляд странная картина – подоконник, на котором рядом стоят роскошная ваза с розовым кустом и простой, глиняный горшок с луком, становится легко объяснимой, поскольку этот подоконник находится в квартире «философа», привыкшего соединять идеи и образы.

Если посмотреть на все четыре традиции языка цветов – французскую, английскую, немецкую и русскую, то можно заметить, что русская система значений розы гораздо ближе к немецкой системе, чем к французской и английской. В первую очередь это сходство выражается в развитии значений розы самой по себе. Как и немецкая «роза», «роза» русская имеет множество

значений, объединенных в группы с общей темой, причем внутри группы значения также выстраиваются в некую иерархию и первым идет основное значение. Русская «роза», как и немецкая, выступает а роли многозначного слова, тогда как французская и английская «розы» имеют одно значение, которое может меняться с течением времени. В отличие от немецкой и русской систем значений «розы» французская и английская системы включают в себя множество разновидностей и даже сортов розы как растения, и каждая разновидность имеет свое, только ей присущее значение. Темы, обобщающие и упорядочивающие весь корпус значений розы в разных традициях языка цветов, несколько различаются для французской и английской традиций языка цветов, с одной стороны, и для немецкой и русской, причем, как говорилось выше, в первых двух темы и объединенные ими значения соотносятся с розой и множеством ее разновидностей, играющих роль однозначных слов, в последних в центре «словарной статьи» оказывается роза сама по себе, и большинство тем и, соответственно, значений соотносится именно с ней («роза» как многозначное слово). Иными словами, французская и английская системы представляют собой иерархию однозначных слов, даже если их значения меняются с течением времени. Если сосредоточиться на конкретных значениях, то русский язык цветов достаточно самостоятелен. Далеко не всегда значение контекстное розы можно проследить до возможного источника. Значения не заимствуются, а как бы создаются заново в сходных контекстах, но под влиянием русского менталитета. В немецкой системе значений розы используются четыре разновидности розы как растения, причем значения этих разновидностей, устойчивые в немецком языке цветов, практически не совпадают с французскими и английскими значениями этих же разновидностей роз. В русском языке цветов находим всего одну разновидность – розу столистую. Во всех европейских традициях языка цветов значение розы развивается и в направлении «части растения», тогда как в русском языке цветов примеры такого развития не найдены. С другой стороны, в отличие от европейских традиций «венки из роз» получает несколько значений, причем особенно выделяется античное происхождение значения. Для русской традиции языка цветов, как кажется, не столь важен и цвет. Восприятие розы как красного цветка сближает русскую и французскую традиции, хотя красные розы все же неоднократно упоминаются в русской литературе к. XVIII-XIX вв. Наличие сочетаний розы с другими растениями, своего рода «фразеологических оборотов», сближает русскую и немецкую традиции языка цветов, хотя состав этой группы по сравнению с немецкими «фразеологизмами» несколько иной. Во французском и английском языке цветов находим лишь один «фразеологизм», где сочетаются розы контрастного (красного и белого) цвета. Сам механизм возникновения значений одинаков во всех традициях языка цветов. Создание новых значений похоже на труд селекционера: как сады становятся местом, где выводят все новые виды роз, беря за основу старые, испытанные сорта, так и поэтический контекст порождает все новые значения слова «роза», вызывая, тем не менее, в памяти читателя значения исходные.

Список литературы

1. Аглая 1810. Часть 9, кн. 3.
2. Аглая 1810. Ч.Х. Кн. III.
3. Амфион. Ежемесячное издание. Март. Москва, в Университетской типографии, 1815. – С. 128.
4. Амфион. Ежемесячное издание. Август. Москва, в Университетской типографии, 1815. – С. 115.
5. Аониды, или собрание разных, новых стихотворений. Книжка I. Москва, в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1796. – 266 с.
6. Аониды, или собрание разных, новых стихотворений. Книжка II. 1797. Москва, в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия. – С. 380.
7. Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987.
8. Батюшков К.Н. Избранные сочинения. М., 1986.
9. «Благонамеренный», 1820, февраль, № 4.
10. «Благонамеренный», 1821, июнь, № 11-12.
11. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 томах. т.3. М.; Л., 1960. – 714 с.
12. Васильева О.Ю. Розы. Новосибирск, 2004.
13. Вяземский П.А. Стихотворения. М., 1986.
14. Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное. М., 1987.
15. Державин Г.Д. Стихотворения. Ленинград, 1933. – 563 с.
16. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. с описанием, взятым из разных древних и новых Стихотворцев. С французского переведен Академии Наук Переводчиком Иваном Акимовым. СПб, при Императорской Академии Наук, 1786. С. 328.
17. Катенин П.А. Избранное. М., 1989.
18. Кюхельбекер В.К. Стихотворения. Л., 1939.
19. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. – 1600 столб.
20. Ненарокова М.Р. Язык цветов: олива в русской поэзии XVIII – первой половины XIX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 1. С. 63-66.
21. Ознобишин Д.П. Стихотворения. М., 1992.
22. Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. СПб, 1999.
23. Плетнев П.А. Статьи. Стихотворения. Поэмы. М., 1988.
24. Поэты 1820-1830-х годов. т.1. Л., 1972.
25. Поэты 1820-1830-х годов. т.2. Л., 1972.
26. Цветник. Русская легкая поэзия XVIII-XIX век. М., 1987. С. 254.
27. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб, 2009. – 423 с.
28. Adams, Henry Gardiner. The Language and Poetry of Flowers. NY., 1858 (1 изд L., 1844).
29. Aimé Martin (Charlotte de La Tour). Le Language des Fleurs. Bruxelles, 1830. – p.324. (1-ое изд. 1818).
30. Alfred von der Aue. Neueste und auserwaechte Blumensprache, in kleinen Denkversen und Sinngedichten. Auclam, 1842. – p. 176.
31. Allgemeine Blumensprache nach den neuesten Deutung. Speyer und Grünstadt, 1837. – p. 32.
32. L’Ancien et le Nouveau Langage des Fleurs. Paris, [1858].
33. Die Blumensprache nach vaterländischen Dichtungen. Eine Frühlingsgabe. 2-te Auflage. Altona, 1823. – p. 80.
34. Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Ein Toiletteschenck. Achte vehrmerte Auflage. Berlin, 1823. (предыдущ. изд 1819).

35. Die Blumensprache oder Blumen höhere Deutung, nebst religiösen Naturbetrachtungen. Herausgegeben von G.Eith. Augsburg und Leipzig, 1834. – p. 322.
36. Braun J.M. Taschenbuch der Blumensprache oder Deutscher Selam. Stuttgart, 1843. – p. 302.
37. Breysig A. Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. Leipzig, 1830. – p.972.
38. Burke, Mrs L. The Illustrated Language of Flowers. L.,1856. (1860, 1870, 1880, 1900)
39. B.Delachény. Abécédaire de Flore, ou Language des Fleurs. Paris, 1811. – p. 160, [4].
40. De Moliere, H. Code De l'Amour ou Corps Complet de Definitions, Lois, Regles et Maximes Applicables A l'Art d'Aimer et de Se Faire Aimer. Bruxelles, 1829.
41. Embleme des fleurs, ou parterre de Flore. Redige par..MM. Ch.Jos.Ch... et Edouard M... Lyons, 1816. – p.90.
42. Faucon, Emma. Le Language des Fleurs. Paris, s.d. [1860] . – p. 138.
43. Grandville J.J., Delord, Taxile. Les fleurs animées. Paris, 1847.
44. La Guirlande de Julie (1641). Paris, 1991. – p. 200.
45. Ingram, John. The Language of Flowers, or Flora Symbolica. L., 1887 (1 изд 1869)
46. Landwehr J. German Emblem Books. 1531-1888. Utrecht, 1972. – 184 p.
47. The Language and Poetry of Flowers; With a Complete Vocabulary. L., [1877].
48. The Language and Sentiment of Flowers, Completed and Edited by L.V. L., 1866.
49. The Language and Sentiment of Flowers. By a Flower-Lover. L.,[1884]
50. The Language of Flowers. An Alphabet of Floral Emblems. L., 1858. – p. 24.
51. The Language of Flowers. An Alphabet of Floral Emblems. L., 1875.
52. Leneveux, Mme. Les Fleurs Emblematiques ou Leur Histoire, Leur Symbole, leur Language etc. Paris, (1827) [ca.1855].
53. The Lover's Language of Flowers; expressive of the sentiments of the heart. L.,[1868] (1880, 1900).
54. Laufer G. A. Tussie-Mussies. The Victorian Art of Expressing yourself in the Language of Flowers. NY, 1993.
55. M****. Nouveau Language Des Fleurs, ou Parterre de Flore. Bruxelles, 1832.- p.298
56. Mollevaut, C.L. Les Fleurs, Poeme en Quatre Chants. Paris, 1818. – p.204.
57. Montagu, Mary Wortly. Travel Letters// From Fact to Fiction. Moscow, Raduga Publishers, 1987. – pp.47-154.
58. Nouveau Langage des Fleurs avec Leur Valeur Symbolique et Leur Emploi pour l'Expression des Pensées. Intr. Pierre Zaccone. Paris, 1871. (Первое издание 1858). – p. 176.
59. Phillips, Henry. Floral Emblems. L., 1825.
60. Pratt, Anne.The Language of Flowers. The Associations of Flowers. Popular Tales of Flowers. London, s.a. (2 пол. 19 в.; 1 изд.1840 г.)
61. Reinhold, Guido. Die neueste Blumensprache, nebst der bisherigen orientalischen. 2 Auflage. Leipzig, 1838. – p.66. (1 изд 1836)
62. Selam oder die Sprache der Blumen. Bearbeitet und herausgegeben von J.K. Stoeckler. Wien, 1839. – p. 86.
63. Sequin-Fontes M. The Language of Flowers. NY, 2001. – 152 p.
64. Sinnige Kränze und Strausse, geurinden nach der Blumensprache in Orientalischer Art. Rathenow, 1825. – p.32. (1 изд 1819, затем 1820, 1823, 1845).
65. Shoberl, Frederic. The Language of Flowers. (8th American from the 10th London edition). Philadelphia, 1848 (1-е изд. 1839)
66. Symanski, Johan Daniel. Selam, oder die Sprache der Blumen. 2 verbesserte und vermehrte Auflage. Wien, 1832. – p. 552. (1 изд. Berlin, 1821, затем 1823, 1832, 1841)

67. Voigt, Amalie (Cäcilie). Wörterbuch der Blumensprache für Verzierungsmahler und Stickerinnen. Leipzig, 1822. – p. 248.
68. Weldon's Language of Flowers, and Alphabet of Floral Emblems. L., [ca 1870ies].

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «SUNDAY» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Пучкова И.Н.

доцент кафедры лингвистики, канд. филол. наук,
Новый гуманитарный институт, Россия, г. Электросталь

В статье анализируются структурно-семантические особенности английских идиом, пословиц, поговорок с компонентом "Sunday" ("Воскресенье"), рассматриваются механизмы их образования, их стилистический аспект, прослеживается их связь с историей, культурой и бытом англоязычных стран.

Ключевые слова: фразеология, идиоматика, стилистика, лингвокультурология.

Как известно, англоговорящие страны, и прежде всего, Великобритания, известны своими воскресными традициями. Воскресенье – это день, когда принято приглашать друзей и родственников на обед (Sunday lunch) с традиционным блюдом из баранины или говядины с картофелем и овощами (Sunday roast); это и спортивные соревнования, например, матчи в крикет; это и традиция поздравлять матерей в четвертое воскресенье перед Рождественским постом (Mother's/Mothering Sunday). Можно предположить, что слово Sunday является важным компонентом фразеологического фонда английского языка, в котором отражаются знания и представления о культуре, быте и истории его носителей.

Данная статья посвящена лингвистическим особенностям фразеологизмов английского языка с компонентом "Sunday".

К фразеологическим единицам (ФЕ) с указанным компонентом относятся устойчивые словосочетания (set expressions), пословицы, поговорки, крылатые выражения. Во многих примерах слово *Sunday* употребляется атрибутивно (как правило, в препозиции, реже – в постпозиции) и приобретает переносное значение. Любопытно отметить, что, являясь частью устойчивых словосочетаний, лексема *Sunday*, нейтральная сама по себе, приобретает оценочные коннотации – как положительные, так и отрицательные.

Так, выражение Sunday clothes (праздничная одежда [3, с. 585]) напоминает о христианской традиции обязательного посещения церковной службы в воскресенье, когда прихожане надевали свои самые нарядные одежды. С течением времени религиозный компонент значения утратился и слово "Sunday" в данном выражении выступает в значении «самый лучший, предназначенный для особенных случаев».

Можно предположить, что идиома "*Sunday punch*", где слово *Sunday* выступает в значении "лучший, великолепный", как и в выражении "*Sunday clothes*", образовалась по принципу аналогии. По данным словарей, изначально, около 1929 года, это словосочетание появилось в сленге боксеров, обозначая нокаут, мастерский удар, позднее перешло в лексикон американских футболистов (*Sunday pitch* – мастерский удар по мячу и, наконец, в результате метафорического переосмысления значения устойчивое выражение *Sunday punch* вошло и в общий сленг, где оно обозначает "сильный довод" [5].

В пословице "*Every day is not Sunday*" (не все коту масленица) стержневой компонент *Sunday*, являющийся предикативом, реализует значение «праздник, день отдыха», что также несет положительную смысловую нагрузку.

В ряде примеров слово *Sunday* приобретает негативную коннотацию, например, в выражении "*Sunday saint*" (ханжа, т.е., тот, чья религиозность ограничивается лишь воскресным походом в церковь [3, с.585]). В данном случае значение лексемы *Sunday* можно определить как «временный, непостоянный, частичный». С негативной коннотацией лексема *Sunday* выступает и в выражении "*Sunday driver*" (плохой водитель, который ездит медленно и осторожно [4]). Такая манера вождения приписывается недостатку опыта из-за редкой практики (поездки на автомобиле только по воскресеньям) Сема временности актуализируется и в таких сочетаниях, как "*Sunday thinker*" (мечтатель, идеалист, романтик, "*Sunday soldier*" (резервист) "*Sunday painter*" (художник-любитель – "a non-professional painter, usually unschooled and generally painting in his spare time" [7]). Интересно отметить, что фразеологизм "*Sunday painter*" стал названием одной из лондонских галерей, выставленной полотна современных живописцев.

Употребляясь постпозитивно во множественном числе в сочетании с лексемой *month* лексема "*Sunday*" на основе гиперболизации образует идиому "*a month of Sundays*", где реализуется переносное значение "нестерпимо долго, целая вечность", а предложный фразеологизм "*not in a month of Sundays*" употребляется, когда говорящий хочет подчеркнуть маловероятность совершения какого-либо действия в будущем. В англо-русском словаре устойчивых словосочетаний предлагается перевод "после дождичка в четверг" [1].

Выражения "*six ways from Sunday*" (непрерывно), "*fourty ways from/for/to Sunday*" (в беспорядке, во все стороны, как попало) основаны на метафорическом переосмыслении буквального значения и гиперболизации. Приемы гиперболы и метафоры делают данный идиомы экспрессивными и эмоционально окрашенными.

Известно, что фразеологический фонд языка является источником фоновых знаний о культуре, истории, традициях его носителя. Рассмотрим фразеологизм "*Sunday's child*" – ребенок, рожденный в воскресенье – удачливый

человек [2]. В нем содержится аллюзия на детскую песенку, где в шуточной форме содержатся предсказания судьбы людей, рожденных в разные дни недели: *Monday's child is fair of face, / Tuesday's child is full of grace, / Wednesday's child is full of woe, / Thursday's child has far to go, Friday's child is loving and giving, / Saturday's child works hard for his living, / And the child that is born on the Sabbath day / Is blithe and bonny, good and gay* [6, с. 309-310]. Отметим, что лексема "Sabbath" в данном стихотворении выступает в качестве варианта лексемы "Sunday", поскольку в религиозной традиции это слово обозначает "священный день отдохновения (суббота-у евреев, воскресенье – у христиан, пятница – у мусульман)" [3, с. 359].

В поговорке "*When two Sundays meet together*" слово Sunday выступает в значении "дни недели вообще". Эта поговорка основана на приеме олицетворения, поскольку неодушевленным предметам приписывается действие, свойственное человеку (to meet – встречаться). Эту ФЕ можно перевести как "после дождика в четверг" или "когда рак на горе свистнет", поскольку если два одинаковых дня недели никогда не случаются подряд, следовательно, "когда встретятся два воскресенья" – значит, никогда.

Итак, фразеологические единицы с компонентом Sunday представляют собой, по большей части, устойчивые атрибутивные словосочетания, где стержневой компонент частично или полностью переосмыслил свой первоначальное значение, механизмом образования данных фразеологизмов может выступать метафоризация, метонимия, олицетворение или гиперболизация, исследуемые единицы носят в себе оценочный компонент, а также они служат источником фоновых знаний о культуре и быте англоязычных стран.

Список литературы

1. Англо-русский словарь устойчивых словосочетаний / Collins COBUILD Dictionary of idioms. – М.: ООО "Издательство Астрель", 2004. 751 с.
2. Англо-русский универсальный переводческий словарь URL: http://big_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 27.06.2016).
3. Большой англо-русский словарь: в 2-х т./ Апресян Ю.Д., Гальперин И.Р., Гинсбург Р.С. – 4е изд., испр. – М.: Рус. Яз, 1987.
4. Универсальный англо-русский словарь. URL: http://universal_ru_en.academic.ru/ (дата обращения: 27.06.2016).
5. From formal English to slang. URL: http://formal_slang.enacademic.com/ (дата обращения: 28.06.2016).
6. Opie I, Opie P The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes /Oxford: Oxford University Press, 1951, 2nd edn., 1997.
7. Useful English dictionary, 2012. URL: http://useful_english.enacademic.com/408248/SundayPainter (дата обращения: 27.06.2016).

ABOUT ONE OF DOSTOYEVSKY'S CHARACTER – FEDKA-THE-CONVICT: THE PROBLEM OF TRANSLATION

Ружицкий И.В.

доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета, д-р филол. наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Ружицкая Э.А.

ст. преподаватель кафедры иностранных языков, канд. филол. наук,
НИЯУ «МИФИ», Россия, г. Москва

The importance of the present research is determined by the significance of such a person as Dostoyevsky, by the necessity of his linguistic personality investigation. The conclusions are made on the material of Fedka-the-convict from Dostoyevsky's novel "The Demons" speech features observations.

Keywords: individual and collective linguistic personality, Dostoyevskij, character's constancy, idiostyle, communication, translation.

The success of communication depends not only on its participants common language but also on presupposition i.e. common cognitive space in which this communication is taking place. A big role in creating the cognitive space plays so called precedent texts through which and by which people of other cultures are perceived. Thus, Russia and Russians perception is going on in the background of already created through reading the works of Russian classical literature presumption and the leading role in this respect belongs to Fyodor M. Dostoyevskij. The main aim of the present report is to show a hypothetical possibility to detect those areas in Fedka-the-convict from Dostoyevskij's novel "The Demons" speech features which can become difficult for translating. We meet Fedka-the-convict in three small dialogues: the first two with Stavrogin [1, p. 205–206, 221–222] and one with Pyotr Verkhovenskiy [1, p. 428-430].

Analyzing Fedka-the-convict's discourse we pay special attention to the use of stylistically marked vocabulary, fixed expressions of different types, neologisms, among which words with subjective evaluation suffixes are the most interesting. It should be assumed that just these areas will be the most difficult for Dostoyevskij's novels adequate translation to other languages.

The most frequent in the first dialogue is addressing *сударь* and this is quite remarkable: we also find *господин* but only twice and no one addressing *барин*. Besides we can pay attention at the slovoyers which is etymologically connected with *сударь* usage: *было-с, идти-с, каторге-с, краях-с* etc. The addressing *сударь* although being respectful however is used to somebody peer, in the dialogue with Pyotr Verkhovenskiy it is absent. While styling folksy speech Dostoyevskij quite often uses the technique of modifying the standard forms of words: a speaker adapts a word that is not completely clear for him to the word he knows. In Fedka-

the-convict's discourse these are e.g. *астролом* and *аглицкий*. In different translations into German and English stylistically neutral equivalents are usually used.

Among the other words usual for folksy speech in the first dialogue are used the following: *али, запрошлое, знамиш, избидеть, наслышаны, хошь* etc. Besides, offensive vocabulary is used. We can also find the frequent words with subjective evaluation suffixes usage: *доходишки, зонтичек, чаёк*. Among the words which are not typical for folksy speech we find the following: *заполонил, планиды, подвержен* etc. Separately note is the group of words pertaining to the sphere of religious ideas: *Бога, божии* and some others. The phraseological units used in this dialogue are *вдоль по каторге* and *переменить участь*. Dostoevskij took these expressions from criminal jargon. In Fedka-the-convict's speech while his first dialogue with Stavrogin we can meet quite a lot cases of lexical and grammatical compatibility violations that is usual for folksy speech.

The frequent word forms in the second dialogue are: *вспомоществования* (5), *сударь* (3), *господь* (2) and some others. The addressing *сударь* remains but in the end of the dialogue it was changed by ironical *ваши сиятельство*. Of course we can't help but notice the high frequency of the word *вспомоществование* usage that commonly has the meaning 'материальная помощь, пособие' ('financial assistance') but in Fedka-the-convict's speech it is hidden 'награбленное' ('loot') or 'плата за убийство' ('payment for the murder'). The frequency of slovoyers usage increased almost to the possible maximum for such a small text – 18 times. In this dialogue we also find many folksy speech words and only one word with a diminutive suffix is used – *(три) рублика*, but only in the end of the dialogue, when Fedka-the-convict becomes sarcastic again. Before that he is almost serious, partially removes the mask: the conversation is important for him, it's decisive – the deal completing, getting money (*вспомоществование*). The percentage of bookish words in the second dialogue is higher than in the first one and the words pertaining to the sphere of religious ideas are also frequent. The number of phraseological units is much less than in the first dialogue: Fedka wants to be understood, he has no more the intention to hide anything from Stavrogin. We see only few cases of lexical and grammatical compatibility violations.

Among the frequent word forms in Fedka-the-convict's dialogue with Pyotr Verkhovenskiy is conjunction *и* ("and") repetition (22 times) that primarily attracts our attention, that is why this text becomes rhythmic, sounding similar to the gospel narrative. This function of *и* is connected with conscious emphasizing by Fedka his advantage over Pyotr Verkhovenskiy. In the beginning of the dialogue Fedka speaks quite politely, using familiar *ты* but at the same time both the first and father's names. Slovoyers and *сударь* addressing are completely absent in the third dialogue. The frequency of the word *Бог* ("God") usage and its derivatives and synonyms is even higher than in the first dialogue. Folksy speech words in this dialogue are not too frequent. Special mention deserves the use of slang *дерзнул* ('hit'). Besides but not too often offensive vocabulary is used. Of course Fedka wants to insult Verkhovenskiy but he does it rather politely even smartly emphasizing every word and using similes. Non typical for a man of the people words are *всенародно, воздыхаем, легкоеверие* etc. Religious vocabulary here is much more

wider than in the first and second dialogues. Fixed expressions are not too frequent and lexical and grammatical compatibility violations are very seldom. Fedka-the-convict's speech in the third dialogue is rather literate, it is close to bookish: he tries to speak like an educated person.

It should be assumed that this moving from one stylistic register to another is strictly motivated and done by Dostoyevskij absolutely deliberately that means it must be taken into account in the novel's translation. It is recognized that choosing between literal accuracy and artistry the second one is more important. Here are some examples of the vocabulary translation that is important for transmission Fedka-the-convict's linguistic personality characteristics, his idiostyle. Slovoyers usage which is frequent and meaningful for Fedka-the-convict when translated into German and English is not represented at all, vernacular and bookish words are translated be neutral equivalents, the same is with the diminutives. Thus, we can come to the conclusion that in translations the character's speech remains stylistically the same in contrast with the original text and it means that the whole idea of creating this difficult and extraordinary image is very much distorted.

There is every reason to assume that such type of a character as Fedka-the-convict has been firstly created in Russian literature by Fyodor Dostoevskij. Fedka-the-convict's ability to conscious and reasoned moving depending on the situation, topic of communication and recipient from one style to another, to irony and at the same time to flattery and game, e.g. unexpected moving to the theme of poverty, using the typical for a beggar way – selfhumiliation etc. give us the right to conclude that this personality is very complicated. And in the novel's translations this extraordinary personality becomes quite ordinary, Fedka-the-convict remains in the reader's perception as a usual killer and thus the writer's idea is strongly distorted.

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 15-04-00135 и 16-04-00291.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Бесы // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. 522 с.

ПРОБЛЕМА ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СИТУАЦИИ МНОГОЯЗЫЧИЯ

Санигурская М.Г.

преподаватель кафедры немецкой филологии,
Воронежский государственный университет, Россия, г. Воронеж

Изучение немецкого языка в качестве второго иностранного после английского становится все более и более популярным в России. В данном исследовании проанализированы результаты, полученные на занятиях по немецкому языку, с позиции фонологии. Интерференция из родного и первого иностранного языков порождает довольно сложное

и малоизученное явление, которое требует особого рассмотрения. Эта проблема (проблема интерференции) проявляется в областях вокализма и консонантизма.

Ключевые слова: английский язык, немецкий язык, фонология, интерференция, консонантизм; вокализм.

Анализ практики обучения второму иностранному языку показывает, что в процессе овладения произносительными нормами возникает ряд трудностей, которые связаны с феноменом фонетической интерференции, что проявляется в тормозящем влиянии уже имеющихся навыков на другие, подлежащие выработке [6].

В известной работе У. Вайнрайха [1] можно найти наиболее полное описание явления интерференции с представлением о возможности системного преодоления или предотвращения интерференции на основе анализа языковых систем. При изучении второго иностранного языка возникают проблемы, которые интересны как с лингвистической, так и с психолингвистической точек зрения, а также важны в методическом плане для организации процесса преподавания иностранного языка. Так, например, вопрос о психологических особенностях и типах фонетической интерференции был исследован в работе О. А. Ямщиковой, в результате которой был сделан вывод о том, что «в наибольшей степени подвержены интерференции те фонетические явления, которые не совпадают с первым иностранным языком, но совпадают с родным языком, а также те, которые не совпадают с родным и первым иностранным языками» [7].

В связи с проблемой интерференции этим особое значение приобретает контрастивная лингвистика – особая отрасль сравнительного языкознания, которая представляет собой синхронное межъязыковое сравнение двух лингвистических систем [2]. Контрастивные исследования на звуковом уровне на современном этапе развития лингвистической науки неизбежно носят фонологический характер, то есть являются контрастивно-фонологическими, если они проводятся в соответствии с принципом системности. Только на основе данных контрастивно-фонологического анализа становится возможным построение наиболее эффективной методики обучения произносительной стороне изучаемого (неродного) языка [2; 3].

Целью данного исследования явилось проведение контрастивно-фонологического анализа вокализма и консонантизма русского, английского и немецкого языков для выявления типов и особенностей фонетической интерференции, возникающей в результате контакта трех языков.

Предметом исследования явились фонологические системы вокализма и консонантизма русского, английского и немецкого языков (родного и изучаемых неродных), что обеспечивает достаточную полноту сравнения данного языкового уровня, поскольку контрастивному анализу подвергаются все компоненты фонологической системы: фонемный состав, фонологическая структура, функциональная нагруженность (или дифференциальная мощность) фонологической системы.

Материалом для исследования функциональной нагруженности фонологических единиц (оппозиций и фонем) послужил конкретный речевой материал в виде аудиозаписей, выполненных студентами экспериментальной группы. В исследовании исходили из гипотезы, согласно которой при изучении второго иностранного языка (немецкого) происходит интерференция прежде всего из первого иностранного языка (английского), а не из родного. При проведении исследования использовали сопоставительный метод [4] и метод контрастивно-фонологического анализа [2; 3; 5; 10].

После овладения первым иностранным языком или в процессе овладения обучаемый обычно психологически готов к изучению второго иностранного языка, опираясь на опыт изучения первого иностранного. Используя определенные навыки и умения родного и первого иностранного при изучении второго иностранного языка, обучаемый человек испытывает влияние интерференции.

При рассмотрении процесса овладения немецким языком как вторым иностранным на фоне английского как первого иностранного и русского как родного зафиксировано проявление интерферирующего влияния первого иностранного языка в следующих моментах:

- на уровне звучащей речи (интерференция в области интонации);
- в области синтаксического оформления фразы;
- при переносе лексических единиц.

Изучение второго иностранного языка, в нашем случае немецкого «на фоне» английского, в условиях контактирования трех языков – родного, первого иностранного (ИЯ1) и второго иностранного языков (ИЯ2) – порождает по меньшей мере следующие явления: возникают проблемы интерференции (отрицательного воздействия) не столько со стороны родного языка, как при изучении первого иностранного, а со стороны первого иностранного языка. Характеризуя ситуацию с позиции обучаемого, можно сделать вывод, что при этом включается установка «говорю на иностранном языке», что и вызывает интерференцию из первого иностранного языка. Таким образом, родной и неродной язык образуют две контрастирующие сферы [11]. Сфера «неродной язык» может состоять из двух и более языков, иерархически организованных. Эта организованность может зависеть от нескольких факторов:

– от уровня владения ИЯ1: чем лучше обучаемый владеет ИЯ1, тем меньше явлений интерференции у него возникает и тем больше появляется возможностей для положительного переноса. Последний фактор свидетельствует о развившейся способности пользоваться несколькими кодами для выражения мысли (интенции). Но это означает также, что низкий уровень владения ИЯ1 может оказать тормозящее воздействие на овладение ИЯ2;

– от величины промежутка времени, который отделяет изучение ИЯ2 от изучения ИЯ1; чем меньше промежутки, тем больше воздействие ИЯ1 на овладение ИЯ2;

– кроме того, значение имеет уровень речевого развития в родном языке.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы в качестве экспериментальной группы были выбраны студенты второго курса английского отделения ВГУ в количестве двадцати человек, которые только начинали изучать немецкий в качестве второго иностранного. После четырех недель обучения была проведена запись на диктофон, которая содержала произнесенный студентами несложный для них по содержанию текст (рассказ о себе). Анализ аудиозаписей позволил сделать вывод в отношении системных произносительных ошибок, содержащихся в речи всех участников экспериментальной группы, а именно:

- тенденция редуцирования безударных гласных до нейтральных звуков и заметное «растягивание» гласных, находящихся под ударением;
- тенденция произносить все слоги взаимосвязано, т.е. конец одного слога в слове произносится слитно с началом следующего слова;
- озвончение конечных согласных (например, реализация в слове *und* фонемы [d] в звонком варианте), из-за неправильной артикуляции большинство звуков были произнесены неправильно (интерференция из английского языка), сложности при произнесении гласных [y: у], вокализованного r, аффриката [pf], наличие значительно большего количества ударений в предложении (что также свойственно английскому языку);
- отсутствие твердого приступа при произнесении отдельных слов (это явление – твердый приступ – в английском языке происходит только при эмфатическом ударении);
- системные нарушения в области интонации.

Специфика проявления интерференции из английского языка была исследована с учетом родного (русского) языка.

Русскую фонологическую систему, ввиду преобладания согласных фонем, следует считать консонантной. Фонологические системы английского и немецкого языков следует квалифицировать как вокалические [5].

Вокалическая система русского языка насчитывает 6 монофтонгов, немецкого языка – 15 монофтонгов и 3 дифтонга. В вокалической системе английского языка имеется 12 монофтонгов и 8 дифтонгов.

Консонантная система русского языка является более сложной в сравнении с консонантными системами немецкого и английского языков ввиду наличия большего числа оппозиций. В английском и немецком языках по 24 согласных фонемы, которые противопоставляются по признаку звонкости – глухости (английский язык), *Fortis \ Lenis* (немецкий язык), по способу образования, по месту образования по артикуляционному органу и по преобладанию шума или тона. Фонемные противопоставления выводятся человеком из внутренней лингвистической структуры в процессе ее функционирования в речи, так как элементы фонологических систем двух разных языков при внешнем сходстве могут иметь в этих системах совершенно разные функции и вследствие этого занимать разные места в каждой из этих систем [10].

Английские и немецкие звуки тяготеют к кардинально переднему и кардинально заднему положению языка, а русские – к центральному положе-

нию языка. В английском языке, например, гласные сильно дифференцированы по ряду, они напряженно долгие [8].

Все немецкие гласные более передние по сравнению с английскими и русскими, что объясняется особенностью немецкой артикуляционной базы – продвинутой вперед артикуляцией и контактном положением языка при произнесении всех согласных. Смещение артикуляции вперед приводит к повышению локализации немецких гласных заднего ряда по сравнению с русскими и английскими звуками. Продвинутой вперед немецкая артикуляция плохо усваивается иностранцами. Слишком глубокое произнесение гласных заднего ряда является распространенной ошибкой при усвоении немецкого языка как второго иностранного. Более передний регистр немецких гласных заднего ряда приближает их к лабиализованным гласным переднего ряда [9].

Английские и русские монофтонги дифтонгоидны, направление дифтонгизации противоположно: в английском языке дифтонгизация восходящего типа, в русском языке – нисходящего. Русские гласные рядом с мягкими согласными реализуются дифтонгоидно. Немецким монофтонгам в силу большого мускульного напряжения скольжение не присуще [5].

Таким образом, изучение фонетической интерференции при контактировании разносистемных языков позволяет предсказать зоны появления интерференции, исходя из теоретических представлений о механизме фонетической интерференции как результата взаимодействия фонетических навыков.

Фонетические нарушения отражают языковую компетенцию, развитую в процессе овладения несколькими языками, несмотря на то, что уровень их изученности может быть неодинаков. Особенности звуковой системы изучаемого языка в данный момент могут также провоцировать появление фонетических искажений [5]. Психологи, подчеркивающие роль сознательности в ограничении интерференции, указывают на то, что важнейшим условием, позволяющим избежать явлений ассоциативного и репродуктивного торможения, является сознательная установка, которая не сводится просто к сообщению теоретических сведений и требует особого рассмотрения [7].

В результате проведенного автором исследования были выявлены различия в области фонологии изучаемых языков. Так, в немецком языке долгота и краткость, в отличие от английского языка, выполняют смыслоразличительную функцию. Для английского языка характерен мягкий приступ, для немецкого – твердый приступ. В английском языке согласные на конце слов не оглушаются, в многосложных словах иногда появляется дополнительное ударение, фразовая мелодия имеет волнообразный рисунок, в немецком – наоборот, согласные на конце слов оглушаются, второе ударение появляется только в сложных словах, для мелодии фразы характерны значительные перепады.

Выдвинутая гипотеза о том, что при изучении второго иностранного языка (немецкого) происходит интерференция из первого иностранного языка (английского), а не из родного, была подтверждена результатами экспери-

мента. В наибольшей степени подвержены интерференции те фонетические и фонологические явления, которые не совпадают с первым иностранным языком, но совпадают с родным, а также те, которые не совпадают с родным и первым иностранным языками.

С психолингвистической точки зрения, гораздо труднее осваивать те звуки, которые похожи или имеют незначительные различия. Интерференция появляется на так называемых «похожих» звуках. Звуки, которые кардинально отличаются друг от друга, гораздо легче обнаружить в речи и исправить.

Полученные результаты фонологического описания русского, английского, немецкого языков на уровне систем вокализма способствуют проведению более полного контрастивного исследования на сегментном уровне, включая консонантизм, а также ритмические параметры. Разработанная в ходе исследования методика проведения контрастивного анализа может быть использована на разном лингвистическом материале и представлена в особом разделе общего языкознания, описывающем методики и способы проведения лингвистического анализа. Кроме того, результаты исследования могут быть взяты за основу при разработке методов обучения немецкому произношению русскоязычных носителей языка со знанием английского, и наоборот, русскому произношению обучающихся с навыками английского языка для системного преодоления интерференции.

Список литературы

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике: языковые контакты / сост. ред. В. Ю. Розенцвейг. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 25-51.
2. Величкова Л.В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 198 с.
3. Величкова Л.В., Шмакова С. Н. Контрастивные основы для обучения русскому произношению в немецкой аудитории // Контрастивные описания русского и немецкого языков. Воронеж, 1994. С. 16-21.
4. Гавранек Б.К. О проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 94-111.
5. Голубев А.П., Смирнова И.Б. Сравнительная фонетика английского, немецкого и французского языков. М.: Академия, 2005. 208 с.
6. Трегубова Ю.А. Единицы измерения степени интерференции в английской речи учащихся в условиях неконтактного русско-английского двуязычия учащейся молодежи (на примере Липецкой области) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. Ч. 2. С. 214-216.
7. Ямщикова О.А. Психологические особенности и типы фонетической интерференции при обучении второму иностранному языку: дисс. ... канд. психол. н. Иркутск, 2000. 159 с.
8. Arnold R. H. Englische Phonetik. Leipzig: Langenscheidt, 1996. 244 p.
9. Barry W. Phonetik und Ausspracheunterricht. Kiel: Universität Kiel, 1975. 250 S.
10. Delattre P. Comparing the Phonetic Features of English, French, German and Spanish: An Interim Report. USA: Julius Groos, 1965. 118 p.
11. Essen O. Allgemeine und angewandte Phonetik. Berlin: Humboldt Univ., 1966. 269 s.

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ (ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЕ)

Федотова Т.В.

профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации,
д-р филол. наук, Кубанский государственный аграрный университет,
Россия, г. Краснодар

Авраменко А.А.

студентка Южного института менеджмента,
Высшая школа международного бизнеса, Россия, г. Краснодар

В статье рассмотрены предпосылки формирования и развития славянской этнолингвистики. Проанализированы процессы взаимодействия языка и культуры славян. Исследованы работы последних лет отечественных авторов.

Ключевые слова: языкознание, этнолингвистика, славянская этнолингвистика, культура, традиции, обычаи, исследование.

Взаимодействие языка и этноса – явление, не вызывающее сомнений и позволяющее проводить конкретные исследования в различных сферах языкознания. Как справедливо отмечает Н.И. Толстой, «без обращения к этнической истории носителей языка нельзя себе представить конкретных исследований в области языкознания [Толстой 1995, с. 34].

Эта взаимосвязь отражается прежде всего в языковых единицах (в словах, словосочетаниях, фразеологических оборотах), так как они аккумулируют в себе знания, опыт, приобретенные людьми на протяжении многих веков. Иначе говоря, язык приобретает статус своеобразного зеркала жизни народа, закрепляя и накапливая в своих единицах «память поколений». Соответственно, язык любого народа – это прежде всего национальное достояние, отражающее самобытность того или иного народа, его культуру.

В современном языкознании выделяется такое направление, как этнолингвистика, в задачи которой входит изучение языка как феномена культуры.

Этнолингвистика (от греч. *ethnos* – народ, племя), лингвистическая антропология – область языкознания, изучающая язык в его взаимоотношении с культурой. Этнолингвистика – дисциплина, сформировавшаяся «на пересечении этнографии и лингвистики для изучения взаимоотношений между этносом, языком и культурой, а также для выявления роли языка в этнической культуре, обществе и в отдельных этносоциальных группах» [Пономарев, с. 41].

Н.И. Толстой конкретизирует данный термин, отмечая, что этнолингвистика, «раздел языкознания или шире – направление в языкознании, ориентированное на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» (Толстой 1995, с. 27).

Кроме того, ученый отмечает, что в этнолингвистических разысканиях основным предметом исследования выступает язык независимо от того, «какая субстанция (языковая или неязыковая) и какая функция (коммуникативная, обрядовая, мифологическая и т.п.) подвергается анализу» [Толстой 1983, с. 182].

Говоря о славянской этнолингвистике, необходимо отметить, что как научное направление славянская этнолингвистика развивается, помимо России, в Югославии, Польше, Словакии, Болгарии, Словении, Украине и Белоруссии.

В качестве ярких работ в этой области стоит отметить следующие.

Значительным вкладом в развитие славянской этнолингвистики стал словарь «Славянские древности», который явился первым в славистике опытом энциклопедического словаря традиционной духовной культуры всех славянских народов. Он подводит итог более чем вековому изучению славянского фольклора, мифологии, этнографии, народного искусства.

Предшественником данного издания послужил десяти томный «Handwörterbuch des deutsch Aberglaubens» (Herausgegeben von H. Bächtold-Stäubli, E. Hofman-Krayer. Bd. 1–10. Berlin; Leipzig. 1927-1942), который высоко ценил Н. И. Толстой [Яковлева, с. 42-43]. Н.И. Толстой особо отмечал работы проф. Ежи Бартминьского, хотя специфика польских исследователей ощутима. Но в то же время работы московских исследователей и польских являются взаимно дополняемыми. Так как в общие черты русской и польской этнолингвистики входят исследования некодифицированного и диалектного языка, и культуры.

Словарь «Славянские древности» представляет конкретное понимание о славянских «древностях», то есть тех формах и элементах средневековой славянской культуры, которые дошли до настоящего времени или недавнего прошлого и стали предметом исследования ученых с конца XVIII в. Задача данного словаря – собрать в единое целое и истолковать данные реликты прошлого, возродить на их основе целую классическую «картину мира», взгляды на жизнь древних славян, их мифологические, природные взгляды и верования, определить содержательные категории средневековой славянской народной культуры, отраженные в ней умственные моральные, социальные стандарты и ценности.

Замысел словаря сформировался в рамках этнолингвистики – дисциплины, которая исследует речь сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и ритуального действия, мифологических представлений и мифопоэтического творчества. Особенный толчок этнолингвистике представляют исследования в области мифологии славянских, индоевропейских и других народов изучение древнейших форм народного религиозного сознания, во многом опирающиеся на данные языка. Язык, консервирующий в себе архаические элементы мировоззрения, психологии, культуры, оказался одним из самых богатых и надежных источников для реконструкции доисторических, лишенных документальных письменных свидетельств форм человеческой культуры. Еще одним стимулом для развития этнолингвистики ста-

ла семиотика, изучающая принципы организации и функционирования так называемых вторичных знаковых систем и текстов, обслуживающих культуру.

Выбор жанра данного словаря обусловлен тем, что алфавитное расположение статей, удобно и экономно при упорядочении и систематизации большого и разнородного материала, кроме того, представляет аналогию с языком в самом понимании объекта как «языка» культуры.

Словарь отражает отрезок в изучении славянских древностей, которые характерны осознанию «морфологии» и структуры обрядовых и других форм народной культуры, определенных сложных культурных образований на очень простые элементы, повторяемости всех отдельных элементов или целых их блоков в разных фрагментах культурной традиции.

Культура, представляет собой иерархически созданную концепцию разных кодов, то есть вторичных знаковых систем, которые могут быть использованы как формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», мировоззрению данного социума. Эти коды обнаружилось допустимым соотносить друг с другом согласно методу перевода с языка на язык через общий для них обширный проект, служащий как бы языком-посредником.

«Славянские древности» – это своего рода словарь-указатель с определенными элементами толково-функционального словаря. Каждая словарная статья раскрывает обширный анализ культурного феномена в плане содержания, и в проекте формулировки. Объект подвергается определенному исследованию в направлении от «формы» к смыслу и функции. Реалии отражаются в нем объектом толкования; их названия – компонентом внешних свойств, а семантика и функции – компонентом содержательной дефиниции. Подлинным объектом толкования в словаре оказываются реалии и соответствующие им знаки языка культуры в целом. Толстой выделяет важный фактор, который определил культурное единство славян, – это принятие христианства. Именно принятие христианства, по его мнению, явилось объединяющим близость форм и фрагментов культуры и традиций славян. Роль христианской традиции как одного из главных факторов общности славян отмечал и А.Б. Страхов. Он выделял язычество и христианство как основные элементы славянской культурной традиции.

Достаточно серьезным вкладом можно считать этнографическую концепцию Н.И. Толстого, сформировавшуюся во второй половине 20-го века, которая оформилось в определенное направление в исследовании восточнославянского язычества. Кроме того, Н.И. Толстой задался целью исследовать изопрагмы и пучки изопрагм, желая реконструировать через них праславянское состояние. Толстой ставил задачу построения «грамматики» славянских обрядов и выявления предковых форм на основании их родства [Коловрат, с. 55].

Если конкретно исследовать славянскую этнолингвистику, то необходимо обратиться к работе Н.И. Толстого «Язык и народная культура: очерк по славянской мифологии и этнолингвистике» [Толстой, с.1995], представляющий собой сборник статей из области славянской этнолингвистики. Это

своего рода языковедческая дисциплина, которая тесно связана с историей культуры, мифологией, фольклористикой, этнографией, этнической психологией теорией этногенеза.

Структуризация сборника ориентирована на отражение основных проблем этнолингвистики в зависимости от ключевой идеи исследования:

- теоретические статьи по общедисциплинарным вопросам;
- исследования по архаическим ритуалам;
- заметки по славянской демонологии;
- работы, посвященные слову в контексте культуры, славянской фразеологии, семиотике фольклора.

Этнолингвистика в конце 20 века становится одним из важных направлений отечественной филологии, и является междисциплинарной наукой, которая совмещает в себе предметы и методы языкознания, фольклора и этнографии.

Этнолингвистика как составляющая современной семиотики соприкасается с мифологией, историей культуры, теорией этногенеза и рядом других дисциплин в центре которых – человек, слово и этнос.

Н. И. Толстой сосредоточил свое внимание на культуре южных славян, украинско-белорусского Полесья, Карпат и Русского Севера. Результатом его исследований является создание школы этнолингвистики. Данная школа ставила своими задачами исследование славянских мифов, ритуалов, народного календаря, демонологии, поверий, ритуального поведения, обрядовой лексики и фразеологии, символики, и прочие формы традиционной духовной культуры славян.

Изучение языка в исследованиях Н.И. Толстого оформилось как влияние, пронизывающее все стороны культуры и служащее инструментом ментального упорядочения мира и методом закрепления этнического мировидения. В основе такого взаимодействия – связь языка и невербальных реализаций культуры, когда язык не может отражать культуру, но и оказывать влияние на оформление неязыковых культурных кодов. Изучение элементов языковой эволюции проектирует выявления факторов, лежащих за пределами языка. К изучению этнолингвистики автор применяет современные лингвистические способы и методы исследования. Историография данной книги начинается с 1971 года по 1994 год. И освящает следующую проблематику:

- направления и трактующие взаимоотношения языка и культуры в теоретическом плане;
- очерки отдельных архаических славянских ритуалов;
- исследование символики предметных элементов обрядов;
- этюды по славянской демонологии;
- статьи о культурном контексте отдельных слов и выражений;
- работы о славянской фразеологии, рассматриваемой сквозь призму этнографии;
- этнолингвистики и мифологии, статьи по фольклорных жанрах и текстах.

Пример из книги:

Фразеологический оборот устойчивого выражения «соленый болгарин».

«Согласно обрядам приазовских болгар, когда ребенок только родился и еще к груди матери не дотрагивался, бабки-повитухи стелили рядом на пол, клали на него ребенка, ложились сами кругом него, образуя круг, делали несколько надрезов бритвой на теле новорожденного, а потом его присаливали. Конечно. Ребенок плакал, но его обмывали и давали матери кормить. Отсюда и пошло – «соленый болгарин».

Обширный интерес представляют заметки Толстого о народной демонологии. Народная демонология – важная и неотъемлемое звено архаической славянской духовной культуры, в нашу пору уже быстро исчезающей, во многих зонах почти бесследно исчезнувшей, но в прошлом достаточно устойчивой и повсеместно распространенной. По происхождению она относится к давним дохристианским воззрениям, к эпохе язычества, которая в несколько видоизмененных формах, продолжала существовать в жизни народной, и уживалась с христианством, прежде всего с бытовым христианством, либо противопоставляясь ему. Народная демонология ярко отражена в фольклоре – сказках, преданиях, песнях, пословицах, народных обычаях. Она находит выражение и в народных представлениях: космогонических, метеорологических, народно-медицинских; отражена в бытовых и трудовых процессах, суевериях, оберегах и иных «охранительных» действиях. Так, правила названия духов сформировались от места обитания. Но прослеживается туманность фигур отдельных «нечистиков», их морфологическая недетализированность, многоликость и многообразие. Данное многообразие, фиксирующееся на одной и той же территории, может быть вызвано не только «диалектным» смещением, но и общими многозначительными критериями формирования древних славянских мифологических воззрений.

В одном и том же диалекте, на одной и той же территории могли сосуществовать компоненты различных эпох и различных конфигураций дохристианского мифологического сознания. Славянские обрядово-мифологические системы и их демонологические подсистемы, зафиксированные в разных местах славянского этнического и языкового мира, имеют много общего с современными славянскими диалектными системами, в которых одновременно на разных территориях уживаются архаизмы и инновации, исконные и заимствованные элементы, формы, отражающие различные этапы и периоды развития конкретного языка.

Демонологические народные представления показывают отмеченные выше особенности – они многообразны, они «диалектны» на разных территориях и не одновременны по своему происхождению. В качестве примера можно привести образ русалки: южнославянск. вила, самовила, самодива и т. п., западнославянск. vodnipanna, wodnejungfry и т. п. Восточнославянская русалка – особь почти всегда антропоморфная (известны лишь редко фиксированные случаи превращения ее в птичку – сороку, лебедку, либо лягушку, белку), обычно обнаженная (редко в белой длинной одежде), чаще всего

женского пола с длинными распущенными волосами и бледным бескровным лицом. Что касается места ее обитания, то это озеро или омут, или иное водное пространство, но возможны и более архаичные – поле («жито») и лес. Кажется привлекательность данной особи в разных диалектных зонах особо различна. На северновеликорусской диалектной территории, где они и не всегда фиксируются, русалки – женщины без краски т.е. румянца в лице, с тощими и холодными руками, с длинными косами и большими «титинами» (бывш. Владимирская губ.). С этим владимирским, не слишком обаятельным обликом согласуется облик белорусской могилевской русалки. Неказиста и белорусская, витебская русалка: она женоподобна. Однако, по свидетельству Н. Я. Никифоровского, старая, безобразная и грязная оттого, что живет в болотах. У украинцев на Полтавщине есть представления, что русалка может прийти в дом и «сделать пакость» его обитателям. В доме она появляется в виде «старой женщины», но вне дома она – «прекрасная девица с роскошными русыми волосами». Именно такими роскошными русоволосыми красавицами они представляются большинству южновеликорусских, украинских и части белорусских крестьян. Такими они представлены и в русской литературе.

На современном этапе этнолингвистика в ее содержании существенно отличается от того, чем она занималась ранее. Сегодня мы наблюдаем множество исследований, которые ставят в своем содержании следующие задачи: создание этнолингвистических атласов; историческое описание языковых семей; соотношение языка и культуры; определение пограничных сфер языкознания и мифологии. В последнее десятилетие в России были проведены исследования и защищены диссертации по данной тематике. Вот некоторые из них: «Этнолингвистика в системе профессиональной подготовки специалистов по народной художественной культуре», Булатова Н.Д., Москва – 2003г.; «Этнолингвистические проблемы формирования общего образовательного пространства ЕС», «Лексиграфирование культуры в региональных словарях», Лиханова Н.А., Улан-Удэ – 2011г. и другие. В 2013 году вышла в свет книга Н.И. и С.М.Толстых которая посвящена вопросам славянской этнолингвистики «Вопросы теории: Ко второму всероссийскому совещанию славистов. Москва 5-6 ноября 2013 года». В ней отражены вопросы соотношения этнолингвистики с этнографией, языкознанием и фольклористикой.

Каждый народ в мире самостоятельно определяет свою модель мира, создает духовные и нравственные ценности, формирует этническое самознание и систему жизненных ценностей. Но религия, язык и антропологические признаки этносов могут проявляться и у других народов, но их отличие будет состоять от духовной культуры. Так как в каждой культуре различных этносов собственные обряды, ритуалы, верования, представления, которые и находят свое выражение в языке и фольклоре. Носители различных культур самостоятельно не могут формулировать суть своей этнической принадлежности. Поэтому и приходят на помощь этнолингвисты, которые воссоздают, исследуя современное состояние народной культуры.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – С. 466-468.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М., 1997.
3. Вежбицкая А.А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
4. Воркачѳв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1.
5. Коловрат-Бутенко Ю.А. Краткая история изучения язычества восточных славян // Змиевское краеведение. – 2015. – №1. – С.46-64.
6. Пономарѳв А. Українська етнографія. – Київ: Либідь, 1994. – 317 с.
7. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (языки этнос): Сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1983. – С.182.
8. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки послаславянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
9. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? // Мир русского слова. – 2000. – № 4.
10. Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. – М., 1995.
11. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 2004.

ДИСКУРС КАК ЕДИНИЦА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Фефелова Г.Г.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. пед. наук,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Россия, г. Уфа

В данной статье рассматривается один из актуальных вопросов лингвокультурологии, касающийся понимания дискурса. Определены разграничения понятий «текст» и «дискурс». Даны описания основных определений термина «дискурс».

Ключевые слова: язык, лингвокультурология, определения дискурса, текст.

В центре лингвокультурологии конца XX века объектом изучения становится языковая / дискурсивная деятельность [3; 11]. Такое определение объекта лингвокультурологии восходит к гумбольдтовской концепции, согласно которой язык активно участвует во всех важнейших сферах культурно-дискурсивной жизни: в восприятии и понимании действительности и Выбор дискурса в качестве объекта исследования в лингвокультурологии предполагает исследование и описание культурного пространства того или иного лингвокультурного сообщества сквозь призму языка. Лингвокультурологическое исследование любого типа дискурса можно проводить в трех аспектах: структуры, семантики и прагматики текстового целого, поскольку текст, репрезентируя дискурс, представляет собой его продукт [10, с. 83; 12].

За последние десятилетия термин «дискурс» приобретает все большую популярность [13, с. 179]. На сегодняшний день не существует однозначного

мнения в установлении данного понятия и обусловлено это отсутствием четкого определения. О нечетком определении дискурса говорил еще Т. А. ван Дейк и объяснял это как условиями формирования и бытования данного термина, так и неопределенностью места дискурса в системе категорий языка [5, с. 46]. И в то же время он одним из первых в зарубежной лингвистике провел четкую границу между определениями «текст» и «дискурс»: «Дискурс – актуально произнесенный текст, а «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного. Дискурс – это понятие, касающееся *речи* <...>, тогда как «текст» – это понятие, касающееся системы *языка* или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности» [5, с. 127].

С другой стороны, З. Харрис в статье «Дискурс – анализ», которая была опубликована в середине XX века, интерпретировал это понятие следующим образом «последовательность высказываний, отрезок текста больший, чем предложение» [11, с. 35]. По мнению В.А. Звегинцева, дискурс – это «два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи...», где дискурс рассматривается сквозь структурно-синтаксическую призму [4, с. 171].

Описанные выше определения дискурса также можно отнести и к тексту, это подтверждает тот факт, что оба понятия *дискурс* и *текст* в прошлом веке понимались неоднозначно. Гипотетически текст и дискурс связаны совместными упорядоченными отношениями вкрапления друг в друга. Французские исследователи (Э. Бенвенист, П. Шародо, М. Пешё, П. Серио и др.) в начале 1960-х годов разграничивают понятия «дискурс» и «текст». Во второй половине XX века Э. Бенвенист предложил антропоцентрическую парадигму языка, в соответствии с чем стало возможным рассмотрение дискурса как «функционирования языка в живом общении». Он одним из первых придал слову *дискурс* терминологическое значение и определил его как «речь, присваиваемую говорящим» [11, с. 38].

Понимание текста и дискурса как результативной и процессуальной сторон речевой деятельности описано и у П. Шародо. По его мнению, текст – это «воплощение, наглядное изображение другой речи»; «это неповторимый, единичный результат процесса, зависящего от говорящего и от условий речепроизводства» [11, с. 40]. Исследователь считает, что текст пересекается с множеством дискурсов, каждый из которых, в свою очередь, принадлежит к какому-то жанру и соотносится с какой-то ситуацией». В общих чертах дискурс представляется П. Шародо в виде суммы таких слагаемых, как «высказывание» и «коммуникативная ситуация».

Авторы книги А. Греймас и Ж. Куртэ «Семиотика. Объяснительный словарь теории языка» в своем исследовании рассматривают одиннадцать употреблений понятия дискурса. При этом текст противопоставляется дискурсу и выступает как высказывание, актуализированное в дискурсе, как продукт, как материя, с точки зрения языка, тогда как дискурс есть процесс. Такое понимание природы текста и дискурса, то есть трактовка текста как чего-то «более материального», чем дискурс, вероятно, уходит своими корнями в латынь, где «*discursus* был именем действия, а *textus* – именем предмета, результата действия» [5, с. 49]. Ж. Куртэ понимает под дискурсом многоком-

понентное целое, которое создаётся множеством специально отбираемых и сочетающихся определённым способом языковых единиц, служащих строительным материалом для «речевых актов, являющихся актами коммуникации, <...> как частей определённой глобальной целостности» [11, с. 45].

В.И. Карасик понимает под дискурсом «текст, погруженный в ситуацию общения», допускающий «множество измерений» и взаимодополняющих подходов в изучении, в том числе прагмалингвистический, психолингвистический, структурно-лингвистический, лингвокультурный, социолингвистический [7, с. 5-6]. Автор выделяет два типа дискурса: институциональный (статусно-ориентированный) и персональный (личностно-ориентированный).

По определению Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами <...>. Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136-137].

Дискурс – это явление, которое происходит в режиме настоящего времени, то есть по мере его появления и развития, и при его анализе нужно учесть все социальные, культурологические и прагматические факторы. Поэтому термин *дискурс*, в отличие от термина *текст*, не применяется к древним и др. текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [1, с. 136-137]. Однако исследователь Е.Ф. Киров предлагает снять последнее ограничение и объясняет это фактом присутствия прошлого в настоящем и его способностью детерминировать многие события в настоящем и будущем. По мнению Е.Ф. Кирова, дискурс – это совокупность письменных и устных текстов на том или ином языке в рамках той или иной культуры за всю историю их существования [8, с. 16-24]. Очевидно, что позиция Е.Ф. Кирова близка к выводам Н.Д. Арутюновой в том смысле, что дискурс – это совокупность письменных или устных текстов и ситуации их создания и актуализации. Следовательно, дискурсивное пространство определённым образом регламентировано и находится во взаимодействии с системой языка: язык перетекает в дискурс, дискурс – обратно в язык.

Таким образом, дискурс – это языковая единица лингвокультурологии, обладающая структурной и функциональной спецификой, это «новая черта в облике Языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [7, с. 71].

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
3. Вотинцева Е.В., Фаткуллина Ф.Г. Аксиологические проблемы современной лингвистики // Вестник Башкирского университета, 2015, Т.20, №4. – С. 1352-1355.
4. Гарифуллина Р.В., Фаткуллина Ф.Г. Трудности профессиональной терминологии: словарь-справочник. – Уфа, 2004. – 218 с.
5. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста / В.А. Звегинцев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 13-21.

7. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000 (а). – С. 5-20.
8. Киров Е.Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: материалы науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ. – Волгоград, апрель 2003: сб. науч. ст. – Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2. – С. 29-41.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М.: РАН, 1996. – С. 35-73.
10. Фаткуллина Ф.Г. Лингвопрагматика рекламного дискурса // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы III международной научно-практической конференции. – Прага: Vedecko vydavatelske centrum "Sociosfera-CZ", 2013. – С. 81-84.
11. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. – Уфа, 2002. – 343 с.
12. Фаткуллина Ф.Г. Деструктивная лексика в современном русском языке: монография. – Уфа: ИПК при Администрации Президента Республики Башкортостан, 1999. – 300 с.
13. Фефелова Г.Г. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка студентам иностранцам // Современная лингвистика и проблемы преподавания русского языка в техническом вузе: материалы Международной научно-практической конференции – Уфа: Изд-во УГНТУ, 2012. – С. 178-182.

ЭПИТЕТ В АДЫГСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Хажироква Р.Х.

аспирант кафедры русской и зарубежной литератур,
Кабардино-Балкарский госуниверситет, Россия, г. Нальчик

Кудаева З.Ж.

профессор кафедры русской и зарубежной литератур, д.ф.н.,
Кабардино-Балкарский госуниверситет, Россия, г. Нальчик

В статье рассматриваются особенности употребления одного из наиболее продуктивных художественных приемов поэтической организации адыгских пословиц – эпитета. Жанровые свойства пословиц прямого смысла характеризуются преобладанием эпитета как художественного приема создания образности и переносного смысла. Выявлены наиболее продуктивные эпитеты, характерные для адыгских пословиц.

Ключевые слова: пословицы, адыгский, жанр, эпитет, поэтика, метафора.

Степень продуктивности того или иного тропа определяется стилевыми особенностями жанра, в котором он применяется. Стремление к лапидарности художественной формы свойственное жанру пословиц в сочетании с предельной ее выразительностью подтверждается превалирующей эстетической ролью эпитета в адыгских пословицах прямого смысла. В отличие от жанра примет, также принадлежащего к паремиям, пословицы обладают свойством многозначности [3, с. 7]. В отсутствие метафоры в пословицах прямого смысла эстетической доминантой становится эпитет. Например: *Ныбэр фэ цӀынэц, лы цӀынэци зэЮокI* [1, с. 137] – Живот – сырая кожа, сырое мясо (по-

этому) растягивается; *ЗылъэкI и джатэ кIыхъщ* [1, с. 63] – Меч могущественного – длинный; *Льэлуэныр дыджщ* [1, с. 66] – Просить – горько; *Нэр делэщ, Iэр бланэщ* [1, с. 48] – Глаза – глупые, руки – сильные; *ГъащIэр – гъуэрыгъуэ шэнтищ* [1, с. 86] – Жизнь – стул, берущийся займы; *Жьырытэдж – шатэшищ* [1, с. 125] – Рано встающий – поедающий сметану. В пословицах с образной мотивировкой своего значения метафорический эпитет может брать на себя основную образоорганизующую функцию, например: *Дахэ и щIагъ фо щIэлъщ* [1, с. 121] – Под красивым – мед лежит; *Дахэм блэр гъуэм къреш* [1, с. 121] – Красивая – змею из норы выводит; *Дахэм и щIагъ дыщэ щIэлъщ* [1, с. 121] – Под красивым – золото лежит; *Зи бзэ IэфIым блэр гъуэмбым къреш* [1, с. 126] – У кого сладкий язык, (тот) змею из норы выводит; *Къуий здэщыIэм мажъэ къыщрахкъым* [1, с. 132] – В присутствии лысого расческу не вынимают. Эпитет может быть выражен субстантивированным прилагательным. В пословицах может присутствовать распространенный эпитет – определение: *Дыщэ уанэ зыгъэжыр гухъум тет псэжъым еуищIыжащ* [1, с. 122] – Золотые седла льющий, стоящую на ступе беспутную спросил. *Куэнышыбыжъ удзыр мэбатэ* [1, с. 65] – Выросшая на навозе старая трава обильна. В пословицах, как и других произведениях устного народного поэтического творчества адыгов, употребителен суффикс –*жъы/жъ*, имеющий в зависимости от контекста разные значения: «старый», «добрый», «испытанный»: *Дыщэ унэ нэхърэ зы унэжъ* [1, II, с. 63] – Чем золотой дом, (лучше) старый дом; – и с негативным оттенком в значении «недобрый», «старый», «отвратительный»: *Гужъ зиIэр вакъэжъкIэ мауэ* [1, II, с. 62] – [У кого] недоброе сердце, [тот] бьет старым башмаком. Для художественной стилистики пословиц и поговорок характерны (как и для нартских пшинатлей) постоянные эпитеты «дыщэ» – «золотой», «дыдж» – «горький», например: *Акъылыр лэндъщэщ, гъэсэныр дыщэ жыгъщ* [1, с. 115] – Ум – позолота, воспитание – золотое дерево; *Сабырым и щIагъ дыщэ пщIащэ щIэлъщ* [1, с. 139] – Под спокойным золотые листья лежат. Эпитет «дыдж» употребляется в значении «горький», «жестокий», «обжигающий», например: *Къуажэщыр дыджмэ, я бгыкъур зэпч* [1, с. 65] – Если князь жесток, то лопаются поясные ремни.

В адыгских пословицах употребительны также цветные эпитеты: «хужъ» – белый, «дыфафэ» – золотистый, «фIыщIэ» – черный, «къарэ» – темный: *БэлагъыкIыр зыIыгъым хъэ къарибгъу щогугъ* [1, II, с. 20] – На того, кто держит конец балага (деревянная лопаточка для помешивания еды), надеются девять темных собак: *Уэздыгъей фIыщIэ дгъэблати, вагъуэ зэрыблэкIэ тхъуэжащ* [1, с. 141] – [Мы] жгли черную лучину и сменили ее сверкающей звездой. Определение «черный» может заменяться метафорическим эпитетом или метафорой, символизирующими для адыгов черный цвет, например: *Къуаргъэрэ пэт и шырым «хужъ цIыкIукIэ» йоджэ* [1, II, с. 27] – Ворона, и та своего птенца зовет «мой беленький».

Эпитету в составе метафорического пословичного текста свойственна черта, придающая своеобразие механизму воздействия и употребления этого тропа. Пословица обладает способностью восприниматься в прямом своем значении и иметь переносное. При понимании смысла пословицы на уровне

ее первого – прямого значения, эпитет и представляет собой определение, выраженное большей частью прилагательным, например: *Бдзэжьей цыклу псыихуэ итхьалэрэ?* [1, с. 83] – [Разве] маленькая рыбка тонет в большой реке? «Маленькая» в данном случае, при прямом понимании, представляет собой обозначение реальных параметров объекта, то есть рыбки. При переводе высказывания в иную плоскость – иносказательную, обусловленную ее употреблением в определенном ситуативном контексте, определение «маленькая» по отношению к «рыбке»-метафоре обретает художественно-эстетическую функцию и становится эпитетом. Примеры: *Гуацэрэ пэт данэ кланэ цоцилэ* [1, с. 84] – И княгине порой не хватает шелкового отреза [ткани]; *Дакъэжьми хьэцилэ кыкыуонэ* [1, с. 120] – И у старого пня остаются гости; *Къуий здэцилэм мажьэ кышрахкыым* [1, с. 132] – В присутствии лысого расческу не вынимают; *Уи япэклэ мывэ хьурей бгъажэмэ, ухуэзэжьыниц* [1, с. 104] – [Если] будешь катить впереди себя круглый камень, то встретишься с ним. Таким образом, лапидарность художественной формы пословиц, сочетающаяся с их предельной выразительностью, подтверждает преобладающую эстетическую функцию эпитета в пословицах прямого смысла.

Список литературы

1. Адыгэ псэлъэжьхэр/ Сост. З.П. Кардангушев, А. Гукемух. В 2 т. – Т. I. – Нальчик, 1965. – 200 с. – Т. II. – Нальчик, 1967. – 202 с. (на каб. яз.).
2. Кудалева З.Ж. Адыгская паремия; система, поэтика. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 88 с.
3. Кудалева З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. – 295 с.

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДУХОВНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНАТОЛЯ БОРОВСКОГО

Цыбакова С.Б.

доцент кафедры русской и мировой литературы, канд. филол. наук, доцент,
УО «ГГУ имени Франциска Скорины», Беларусь, г. Гомель

В статье рассматривается изображение белорусским писателем Анатодем Боровским взаимоотношений человека и природы в аспекте экологической духовности как актуального в настоящее время способа мышления. На основе анализа в произведениях писателя анималистических образов и связанных с ними мотивов устанавливается близость экологической позиции Анатоля Боровского с биоцентрическим мировоззрением. Обосновывается вывод о том, что экологическая духовность утверждается в творчестве белорусского автора не только в качестве общечеловеческого идеала гармоничного сосуществования человека и природы, но и является компонентом Литвинии как модели духовного бытия, представляющей собой одну из разновидностей индивидуально-авторских топосов в художественной литературе.

Ключевые слова: экологическая духовность, анималистические образы и мотивы, анималистический портрет, биоцентрическое мировоззрение, природный тотем, архетип Великой Богини, единение природы и человека, Литвиния.

В современной белорусской литературе творчество Анатоля Боровского концентрирует в себе идеи и взгляды, выражающие актуальную в культуре настоящего времени «экологическую духовность» [4, с. 202]. Исследователь феномена человеческой духовности К. Ваайман замечает, что данный тип духовности в противоположность антропоцентрическому подходу по отношению к окружающей среде, когда «обездушенная природа становится легкой добычей объективации и манипулирования» [4, с. 204], выделяет в качестве мировоззренческих основ экологического проекта будущего «личностное измерение» [4, с. 205]. «<...> природа есть личность, которую можно встречать, с которой можно подружиться, она – партнер, который просит солидарности, она – ближний», – поясняет ученый [4, с. 205]. Экологическая духовность «формируется таким способом мышления и чувствования, при котором акцентируются взаимосвязанность всех вещей, ценность всякой жизни, внутренне ей присущая, неразрывность человеческой жизни с жизнью нечеловеческой, а также Божье сочувствие ко всякой жизни» [цит. по: 4, с. 205].

Одним из самых ярких фактов воплощения экологической духовности в натурфилософской прозе второй половины 20 – начала 21 вв. являются притчеобразные повести и романы классика русской и киргизской литератур Чингиза Айтматова («Белый пароход», «Буранный полустанок» и др.). В современной белорусской литературе экологическая духовность получила наиболее последовательное концептуально-философское осмысление в творчестве Виктора Козько. Чувство природы, которое является важнейшей категорией, характеризующей созданную писателем картину мира и человека, выражено в совокупности таких своих вариантов, как «эмоционально-образный, социально-нравственный, <...>, философский» [5, с. 69].

В отличие от художественного универсума Виктора Козько, основу которого составляет авторская натурфилософская концепция, в творчестве Анатоля Боровского чувство природы, послужившее первостепенным источником в создании анималистических образов и в функционировании связанных с ними мотивов, воплощающих «личностное измерение» экологической духовности, представлено только в отдельных вариантах и проявлениях. Тем не менее, утверждение писателем в ряде своих произведений нравственного отношения человека к природе, актуализация им экологической проблематики позволяют говорить об определенном созвучии его взглядов идеям биоцентризма, в соответствии с которыми «все живые организмы являются центрами жизни и стремятся к реализации собственного добра» [10, с. 196]. Важнейшая категория, сближающая экологическое сознание Анатоля Боровского с биоцентрическим мировоззрением, – художественный анимализм, которому, по утверждению М.Н. Эпштейна, «принадлежит возрастающая роль в создании предпосылок будущей экологически сбалансированной культуры, преодолевшей пагубную односторонность антропоцентризма» [12, с. 89]. Рассматривая творчество Бориса Рябина, Ю. Тыменецка-Суханек, концентрирует внимание на этической функции художественного анимализма, которая «заключается в раскрытии самостоятельной ценности животного, а во-

вторых, в демонстрации возможности единения человека с животным и альтруизма в этой межвидовой связи» [10, с. 204]. «Здесь можно выделить такие формы отношений, как человек помогает животному, человек как покровитель и “брат” животного, животное помогает (вынужденно или ненамеренно) человеку, животное сознательно помогает человеку», – пишет Ю. Тыменецка-Суханек [10, с. 204]. Именно этическая, а также аксиологическая функции художественного анимализма, т. е. изображение «животных как разумных и чувствующих субъектов» [10, с. 204], раскрываются, прежде всего, в художественном мире произведений Анатоля Боровского в образах анималистических героев – «природных тотемов» [11, с. 15] и наставников персонажей-людей, в мотивах дружбы и взаимопомощи человека и зверя.

Комплекс вышеуказанных образов и мотивов содержится в повести «Вужык» («Ужик»), построенной на основе воспоминаний главного героя о своем деревенском детстве, когда он в голодные послевоенные годы, работая пастушком, подружился с лесным жителем – ужом. В изображении доверительных отношений между ребенком и ужом, которые кажутся взрослому герою одними из самых счастливых мгновений его жизни, раскрывается сущность дружбы. Василек проявляет заботу о своем бессловесном друге, а благодарный ужик, в свою очередь, играет с мальчиком, забавляет, дарит ему радость. Уж спасает человеку жизнь, отводя от него смертоносный укус озлобленной гадюки, а вскоре и Василек приходит на помощь своему избавителю-ползуну, едва не ставшему добычей аиста. Анималистический персонаж наделен автором повести разумом, душой, мудростью, способностью видеть и ценить красоту нерукотворного окружающего мира: «Вужык любіў, калі хлопчык клаў яго на плячо, ідучы сваімі пастушкоўскімі сцежкамі. Тады вужык выдоўжваў галаву – глядзеў наўкола, праяўляючы цікавасць да ваколля. І можна было падумаць, што вужык і не вужык зусім, а нейкая маленькая, але дужа разумная істота, – бо хіба ж можна так каму другому ўважліва сачыць за наваколлем, любавацца прыродай, сонцам, ранішнім туманам?» [2, с. 11].

Ужик является «духовным тотемом» героя-человека. Американский исследователь Т. Эндрюс, называющий себя «мистиком по убеждениям» [11, с. 8], определяет тотем как «любой природный объект, любое существо, любое животное, с сущностью и энергией которого мы ощущаем тесную связь на протяжении всей нашей жизни» [11, с. 14]. «Иными словами, животное – это символ особой силы, которая принадлежит незримому духовному миру, но может так или иначе проявляться в физической реальности. <...>. Исследовав свой тотем и научившись сливаться с ним, мы сможем в любой момент призвать на помощь связанную с ним архетипическую энергию» [11, с. 15]. Герой повести ощущает глубокую связь со своим тотемом: ужик приходит в его сны, предупреждает об опасности, тревожит, делая все, что в его силах, чтобы эта незримая внутренняя связь не оборвалась.

Средоточием экологической духовности, выраженной в произведении, является идея равного права на жизнь всех природных существ, вопреки негативным антропоцентрическим установкам и стереотипам, сформировав-

шимся как в обыденном, так и в культурном сознании в отношении к тому или иному представителю фауны. С точки зрения автора повести, уничтожение животного человеком является грехом, даже если животное, вызывая отрицательные ощущения и чувства и обостряя инстинкт самосохранения, представляется опасным. Герой повести не убивает гадюку, пожалев ее, не смотря на то, что змея едва не лишила его самого жизни: «Але вужык учэпіста трымаў яе і не адпускаў, як чакаў, калі яго сябар – чалавек – дапаможа яму і заб’е гадаўку, якая толькі што пагражала смерцю... Але сябар не зрабіў таго, – у ім не было злосці і помсты, не было жадання забіваць жывую істоту, якую стварыў Вышні Творца, забіваць – грэх, нават калі вораг і жадаў забіць цябе... Ён толькі пахітаў галавой, як адхрышчваўся ад злачынства, каб потым не несці ўсё жыццё на сабе цяжар віны забойства безабароннай істоты...» [2, с. 31].

Биоцентрическая установка духовно-экологического мышления писателя заключается в преодолении им зооцентризма, который «есть исторически изжитая, пройденная стадия культуuroобразования» [12, с. 89], в вытеснении, хотя и далеко не полном, стереотипов мифологического сознания с характерным для него культом одних природных существ и негативным отношением к другим представителям фауны. Актуализируя позитивные значения, закрепленные за образом ужа в белорусском фольклоре, к гадюке как к персонажу-«аутсайдеру» национальной мифологии и фольклора Анатолий Боровский выражает амбивалентное отношение. Мифопоэтический план образов анималистических персонажей в повести проявляется в их противопоставлении в качестве символических олицетворений добра и зла, божественного и сатанинского начал. Уж, почитание которого в белорусской мифологии «можно сравнить с отношением к аисту» [6, с. 289], выступает воплощением добра и мудрости. Переосмысляя мифотворчество предков, автор изображает войну ужа и гадюки, завершившуюся победой ужа и его избранием на царский трон в ужином царстве. Исследователь белорусской мифологии А.М. Ненадовец отмечает: «... ў беларускім фальклору гадзюка так і не атрымала “царскі” трон, бо ён, паводле народнага ўяўлення, моцна ўтрымліваўся вужом» [7, с. 350]. Гадюка в мифопоэтическом плане идейно-художественного содержания повести – антипод ужа, олицетворение зла, зависти, мстительности, коварства и самолюбия. Однако наряду с тенденцией к сакрализации ценностей национального менталитета писатель выражает особенности биоцентрического мировоззрения. Судьба гадюки, изгнанной ужиным царем, одинокой и беззащитной, вызывает в конечном итоге чувство сострадания, иллюстрируя в повести идею душевной общности всего сущего, стремления каждого живого существа к единению, к любви, без которых жизнь как высшая ценность является бессмысленной, ненужной. Автор повести наделяет гадюку чувством вины, показывая ее существом страдающим и несчастным: «Яна паслухалася, не пярэчыла, падпарадкоўвалася галоўнаму закону. <...>. Праблягаў паўз яе змеяд. Яна не зварухнулася, не паспрабавала хаця б адпаўзці, неяк выратавацца. І ніякага страху ў яе не было, наадварот, яна чакала, калі і як найхутчэй вырашыцца яе лёс... Звер ухапіў яе і з радас-

цю адзначыў, якая яна тлустая і доўгая – акурат на вячэру і хопіць...» [2, с. 56-57].

Уж и гадюка в произведении – образы амбивалентные. Гадюка заключает в себе не только древний отрицательный символизм, но и высшие проявления архетипа Великой Богини, которые «всегда отражали женскую способность и склонность к любви» [8, с. 327]. Согласно Э. Нойманну, «важным аспектом Великой Богини является ее связь с миром животных» [8, с. 314]. С этой точки зрения уж как образ символический являет собой обратную сторону патриархальной власти и мудрости, заключающуюся в приоритете справедливости и рационализма над любовью и состраданием. Экологическая духовность, таким образом, в своих глубинных проявлениях восходит к «архетипу Женского» (Э. Нойманн), тесно связана с «проблемой Женского», актуализированной Э. Нойманном, считающим, что «угрозы для современного человечества во многом появляются из-за одностороннего патриархального развития мужского интеллектуального сознания, которое больше не уравновешено матриархальным миром души» [8, с. 6].

Символическим выражением жизнеутверждающей силы архетипического женского начала является в повести «Муха» Анатоля Боровского образ волчицы-матери. Герой повести вспоминает о том, как его во младенческом возрасте, потерянного обессиленной матерью в лесу, спасла волчица. Будучи сама в это время матерью, она проявила по отношению к ребенку необходимую для сохранения его жизни заботу, перенесла в укромное и безопасное место, оберегла от укуса гадюки, покормила своим молоком. Образ лесной спасительницы навсегда остался в памяти матери человеческой: волчица не только помогла женщине, но и преподала ей урок материнской самоотверженности, по-своему, по-звериному, предостерегла, напомнила об ответственности за новорожденную жизнь: «Ваўчыха знячэўку завыла, закінуўшы галаву да льдзінкі-месяца, што слаба выдзяляўся на купале неба, – і болей не захацела глядзець на жанчыну. Больш таго, падышла да яе і, падняўшы нагу, пякучымі пырскамі ўдарыла ў твар, як абазначыла яе, як зняважыла, як папракнула, што вялікі грэх узяла на сваю душу, пакінуўшы роднае дзіця...

Маці не выціралася, прыняла абразу як плату за свой грэх, адно хіба сагравала душу – жывы, жывы яе сын, і выратавала яго ад галоднай смерці і гадзюкі яна, ваўчыха!» [2, с. 259].

Нравственное отношение к животным, уважительное отношение к ним как к друзьям и мудрым наставникам выражено Анатодем Боровским в ряде созданных им выразительных анималистических портретов (например, портреты мышонка Белоуха («Искушение»), Ужика-Тужика («Вужык»), барсука Полосатика («Княжабор») и др.). В повести «Муха», эпиграфом к которой послужили строки из Энциклопедии природы Беларуси, содержащие описание мухи, данное учеными-биологами, главным женским персонажем является муха Мухико сан. Таким именем на японский манер называет ее автопсихологический персонаж произведения. Анатодем Боровский изображает Мухико вопреки основному универсальному символизму мухи, которая в целом «является олицетворением нечистоты и зла (в связи со своей ролью в

распространении эпидемий)» [9, с. 196], представляя также «образ малого, ничтожного, несущего вред большому и значительному» [9, с. 196]. Герой повести не только не изгоняет залетевшую в его квартиру муху, которая спаслась от воробья, но в дальнейшем проявляет заботу о ней как об интересном и понимающем его разумном существе. Ему, художнику-мистику, верящему в бесчисленные метаморфозы своей души, воплощавшейся в облике разных зверей и птиц, растений и природных стихий, знающему язык деревьев и неба, ветра и земли, кажется, что Мухико сан – это превращенная в муху женщина: «Можа то і не муха зусім, а цікавая істота, мо гэта нават жанчына, ператвораная Вышнім па яе характары і натуры ў такую істоту» [2, с. 273]. Муха-«квартирантка» становится маленьким другом героя, будит его по утрам и старается не докучать во время отдыха или работы. Образ разумной и деликатной Мухико, созданный писателем, представляет муху в новом и необычном ракурсе, как существо по-своему интересное, имеющее особое и сокровенное предназначение в сложном и многообразном мире.

В повести «Княжабор» авторский подход к раскрытию актуальной экологической проблематики является ярким и убедительным художественным отражением высказанного М.Н. Эпштейном утверждения о том, что животные – это «больная совесть человечества, чувствительность которой заостряется по мере его растущего самоутверждения над природой» [12, с. 88-89]. Бездушное, потребительское отношение к животным показано Анатодем Боровским на примере изображения судьбы барсука Полосатика, чьи родители были безжалостно убиты браконьерами. В образе барсука-сироты писатель воплотил мысль о страдании всей природы по вине двуногих потребителей-хищников, о тесной взаимосвязи человеческой жестокости и низкого уровня развития экологической культуры в современном обществе. Чувство вины перед беззащитным зверем, мучающее совесть лесника Михолапа, бесстрашно вступившего в борьбу с браконьерами, передано в фантастической картине Великого Суда, свершаемого небесными силами, деревьями и животными, а также предками-патриотами, которые являются идеализированными автором героями, выражающими его натурфилософские и экологические взгляды: «Яны, продкі, разумелі мову звяроў – з імі паразумеліся даўно. А чаму ж мы не разумеем іх, чаму адракліся? Ці яны нас? Я свайго Паласаціка сэрцам адчуваю, а сказаць яму нічога не магу – не ўмею. Вочы ў яго разумныя, здагадацца можна толькі пра яго боль і мучэнні. Вочы – жывыя люстэркі душы. Можа, ён па вачах і мяне разумее? Вятчынка ж казаў, што і на крылах у птушак і звяроў ёсць вочы. Правільна, яны ўсё бачаць і чуюць...» [1, с. 344]. Отчужденное поведение присутствующего на Великом Суде наряду с другими зверями Полосатика Михолап, которому барсук спас жизнь, осознает как немой укор: на совести лесника кровь собратьев его друга-зверя. Полосатик – бессловесный свидетель преступлений людей-браконьеров против природы. Экологическая духовность утверждается Анатодем Боровским как один из приоритетных для современного общества идеалов, игнорирование которого оборачивается отчуждением человека от природы, разрушением их изначального единства.

Изображение гармоничных отношений человека и животного в повестях «Княжабор», «Вужык», в рассказе «Настальгія па нерушы», когда зверь и человек не боятся друг друга, представляет собой один из вариантов выражения мифологемы утраченного рая, заключая в себе элементы поэтики натурфилософской идиллии. В повести «Вужык» образ Ужика-Тужика символизирует ностальгию героя по своей детской родине, стремление вернуться в период первоначальных связей, пережить доступную только душе ребенка подлинную радость от слияния с душой другого существа. В повести «Княжабор» показано взаимопонимание между лесником Михолапом и всеми его бессловесными подопечными, каждого из которых он знает в «лицо», называя по имени. В рассказе «Настальгія па нерушы» сон героя, в котором он увидел себя в окружении лесных зверей, выражает его мечту о восстановлении первозданной гармонии. В образах лесной царевны Снегурки и косули воплощен идеал гармоничного сосуществования человека и природы: «Не паверыў сваім вачам – дзяўчына гладзіла казулю. Гладзіла і нешта шаптала ёй, расказвала. А мо і спявала на паўголасу, улагоджваючы лясную жыхарку. Казуля раз-пораз то ўздымала галаву, то апускала яе. Паміж дзяўчынай і лясной істотай адбываўся дыялог, адбывалася яднанне душаў...

Я баяўся скрануцца з месца і парушыць гэтую ідылію. Ніколі не даводзілася такое бачыць, хіба ж можа паразумецца так чалавек і лясны звер? Перасцярожлівы і безабаронны звер... <...>.

Дзяўчына прытуліла галаву да танклявай шыі казулі, як усё роўна выказвала сваю любоў і цеплыню, просячы даравання, што не можа агарадзіць і абараніць яе ад жорсткасці людзей, ад стрэлаў паляўнічых, ад злога ваўка...» [2, с. 667]. В сознании Анатоля Боровского чудесно-идиллическое видение в огромном лесу тесно связано с Литвинией, созданной писателем моделью духовного бытия нации, представляющей собой индивидуально-авторский топос, восходящий к Великому княжеству Литовскому. Лесная красавица Снегурка, названная в рассказе «Литвинкой», приобретает черты знакового в идейно-художественной системе произведений Анатоля Боровского образа: «Калі ж падышоў да каліны, убачыў, што на галіне з сакавітымі гронкамі ляжала рукавічка. І была яна бел-чырвона-белай, як і сама каліна. Не асмельваўся ўзяць рукавічку ў руку – магла мяне Снягурка паклікаць у новую чароўную і незвычайную казку. Я верыў у тое. <...>.

Ліцвінія ўмее чакаць, умее змагацца, спадзяецца і верыць у перамогу...» [2, с. 671-672].

В повести-притче «Ахутавана» выразителем экологической духовности является автопсихологический персонаж, литвин-мистик, посвященный в Космическую Раду Литвинии, Антон Климович: «Чалавек забіў жывёліну і зрабіў з яе біфштэкс. А тое, што з крыві, улівае ў сасуды насілле і смерць. Чалавек забівае сябе самога. Жывёлінай авалодвае страх перад смерцю, у сасуды выкідваецца вялікая колькасць адрэналіну. Калі ж ён спажывае такое мяса, то ён праглынае дынаміт. Ён разбурае свой асабісты будынак, сябе самога – Чалавека Разумнага» [3, с.183].

Подводя итоги всего вышеизложенного, отметим, прежде всего, что экологическая духовность как актуальный в настоящее время способ мышления получила выражение в совокупности анималистических образов и связанных с ними мотивов дружбы человека и животного, их взаимопонимания и гармоничного сосуществования. Экологическая позиция писателя заключает в себе черты биоцентрического мировоззрения. В творчестве Анатоля Боровского экологическая духовность может быть интерпретирована и как качество преображенного сознания, связанного в понимании писателя с духовным измерением Космоса, частью которого является Литвиния, представляющая собой одну из разновидностей индивидуально-авторских топосов в художественной литературе.

Список литературы

1. Бароўскі А. Азірніся ў каханні: Аповесці. Мінск: Маст. літ., 1994. 349 с.
2. Бароўскі А.М. Аповесці. Апавяданні. Нарысы. Гомель: ОАО «Полеспечать», 2012. 736 с.
3. Бароўскі, А.М. Пякельны рай: Аповесці. Мінск: Маст. літ., 2002. 326 с.
4. Ваайман К. Духовность. Формы, принципы, подходы. / Пер. с нидерл. М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009. Т. 1. 590 с.
5. Гринфельд Т.Я. Л. Леонов и М. Пришвин: развитие чувства природы в русской прозе // Леонид Леонов и русская литература XX века: материалы юбилейной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.М. Леонова. Санкт-Петербург: Наука, 2000. С. 69-75.
6. Мифы Беларуси /Авт.-сост. В.В. Адамчик. Минск: Харвест, 2014. 320 с.
7. Ненадавец А.М. Нарысы беларускай міфалогіі. Мінск: Беларус. навука, 2013. 535 с.
8. Нойманн Э. Великая Мать. Глубинная психология и психоанализ. М.: «Добро-свет», Издательство «"КДУ"», 2014. 410 с.
9. Символы всего мира /Авт.-сост. М.В. Адамчик. Минск: Харвест, 2014. 320 с.
10. Тыменецка-Суханек Ю. «...Одержима духом анимализма»: биоцентризм в русской литературе (Борис Рябинин) // Природные стихии в русской словесности / Отв. ред. А.И. Смирнова. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 195-205.
11. Эндриус Т. Язык животных. Пер. с англ. О. Блейз. М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. 607 с.
12. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии: Науч.-попул. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ТРОПОВ В СТИХОТВОРЕНИИ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО «ВЕРСАЛЬ» НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК

Шарафутдинова Л.Р.

аспирант кафедры контрастивной лингвистики и лингводидактики,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
Казанский федеральный университет, Россия, г. Казань

Данная статья посвящена анализу перевода поэтических тропов в стихотворении В.В. Маяковского «Версаль». В стихотворении присутствует множество стилистических

фигур, перевод которых может вызвать некоторые сложности. Автор анализирует соответствие тропов, использованных в переводах, оригиналу.

Ключевые слова: Маяковский, Версаль, тропы, сравнительный анализ, стилистические фигуры.

В данной статье мы проведем сравнительный анализ поэтических тропов и стилистических фигур в стихотворении В.В. Маяковского «Версаль». Данное стихотворение входит в цикл «Париж». Этот цикл создавался им с 1924 по 1925 год, во время его пребывания в Париже. В столице Франции поэт находился с первых чисел ноября по 20 декабря 1924 года [4, с. 335]. Работа над циклом продолжалась до весны 1925 года. Сам поэт писал: Владимир Маяковский написал: «Еду вокруг земли. Начало этой поездки – последняя поэма (из отдельных стихов) на тему „Париж“» [2, Т.1. С. 27]. Следует отметить, что «Версаль» является первым стихотворением цикла, увидевшим свет. Оно было напечатано в журнале «Красная новь» в мае 1925 года. На турецкий язык стихотворение было переведено Гюнешем Бозкая, известным турецким переводчиком.

Для удобства анализа мы разобьем стихотворение на несколько отрывков, каждый из которых мы рассмотрим отдельно, после чего сделаем общий вывод.

<p>По этой дороге, спеша во дворец, бесчисленные Людовики трясли в шелках золоченых каретц телес десятипудовики. И ляжек своих отмахав шатуны, по ней, марсельезой пропет, плюя на корону, теряя штаны, бежал из Парижа Капет. Теперь по ней веселый Париж Гоняет авто россиян,- кокотки, рантье, подсчитавший барыш, американцы и я. [3, с 285]</p>	<p>Bu yollardan koşarken saraydan saraya Binerdi her Lui ve her Ludovik Yaylı, rahat arabaya yaldız, ipek arasında Pelte gibi titreterek on batmanlık göbeğini Ve sonra... güvenerek bacakların piston kollarına Marseilles'in eşliğinde ve bir yandan lanet, Lanet taca da, saraya da, sapmıştı Versailles yollarına Külotunu toplayan Kapet. Bugün aynı yolda yarışıyor Paris otoları Paris gürültülü, çalkantılı ve şen rantiyeler, Paris kokotları dolaşiyor Amerikan turistleri bir de ben.</p>
--	--

Стоит отметить, что данное стихотворение изобилует средствами поэтической выразительности. В первом же предложении мы встречаемся с гиперболой – «бесчисленные Людовики». Используя оценочную лексику, автор выражает свое отношение к французским монархам, подчеркивая, что для него они – всего лишь ничего не значащие исторические персоналии. В турецком варианте стихотворения переводчик изменил гиперболу автора на выражение «her Lui ve her Ludovik» – то есть, каждый Луи и каждый Людовик, что, по сути, уже не является стилистической фигурой, а, скорее, отображает реальную историческую действительность, за счет чего выражение утратило свою эмоциональную окраску и стало более нейтральным.

В конце вышеуказанного предложения мы видим сочетание двух тропов – гротеска и гиперболы – «трясли... телес десятипудовики». Следует от-

метить, что использование данных тропов особенно характерно для творчества Маяковского. Как правило, поэт использовал гротеск для создания уродливого, отталкивающего образа, способного вызвать отвращение у читателя. В турецком варианте гротеск и гипербола также сохранены посредством дословного перевода, кроме того, появляется и отсутствующая в оригинале стилистическая фигура – сравнение: «Pelte gibi titreterek» – «трясаясь как желе», с помощью которой предложение обретает еще большую эмоциональную окраску.

Как уже было отмечено ранее, гротеск является довольно распространенным приемом в творчестве поэта, что мы видим и в следующем предложении. «И ляжек отмахав шатуны, <...> марсельезой пропет, плюя на корону, теряя штаны, бежал <...> Капет.» С помощью данной фигуры автор вновь рисует комически-уродливый образ легендарного французского короля Гуго Капета. В переводе гротескный образ короля был сохранен, хотя в данном случае турецкий вариант перевода довольно сильно изменен с целью сохранения рифмы.

Последней фигурой в данном отрывке является олицетворение – «веселый Париж гоняет авто». В турецком варианте стихотворения данный троп отсутствует, и здесь используется прилагательное «парижский». Интересно, что переводчик отнес данное прилагательное к машинам, которые в оригинале принадлежали «рассиянам». Следует также отметить, что ошибка в слове «рассиянам» является намеренной, и мы можем считать, что это – попытка автора с помощью звукоподражания передать небрежность, с которой произносится это слово в Париже.

<p>Версаль. Возглас первый: "Хорошо жили стервы!" Дворцы на тыши спален и зал – и в каждой и стол и кровать. Таких вторых и построить нельзя – хоть целую жизнь воровать! А за дворцом, и сюды и туды, чтоб жизнь им была свежа, пруды, фонтаны, и снова пруды с фонтаном из медных жаб. Вокруг, в поощренье жантильных манер, Дорожки полны статуями – езде Аполлоны, а этих Венер безруких,- так целые уймы. А дальше – жилья для их Помпадурш – Большой Трианон и Маленький. Вот тут Помпадуршу водили под душ, вот тут помпадуршины спаленки. [3, с 285]</p>	<p>İşte Versailles. İlk hayret ünlemi: Vay anasını! Soyarak el âlemi amma da yaşamışlar bu eski krallar ne gaile, ne tasa! Binden fazla salon yüz yatak odası ve her odada hem bir yatak hem bir masa. Böyle bir sarayın ikincisi yapılamaz çalsan çırpsan hazineden ömür boyunca Sarayın arkasında uzunca havuzlar Hayatları taze, serin olsun diye fişkiriyor sular akşam olunca her yer havuz... kameriye, şadırvan ve fiskiye. "Gentille", yani zevkli hayat için dümdüz koru yollarında sıralanmış Tanrı heykelleri hem Apollonlar, hem de Venüs ama kiminin kolu kopuk kiminin burnu ve elleri Pompadur'un apartmanı az ötede Büyük ve Küçük Triyanon Şurası duşlar ve Pompadur hamamları burası bu dokuz on oda, bir arada Pompadur'un yatak odaları.</p>
--	--

Данный отрывок, так же, как и предыдущий, начинается с гиперболы – «Дворцы на тыши спален...», что мы видим и в турецком варианте: «Binden fazla salon yüz yatak odası», однако следует отметить, что в переводе присут-

ствуется гипербола, которой нет в оригинале – «свыше тысячи залов, сто спален».

Хотелось бы отдельно отметить использование просторечной лексики, которая позволяла автору подчеркнуть величие и пышность Версаля для простого обывателя. С помощью этого создается контраст между образом скромного советского гражданина и образами тех, кто жил в этих великолепных дворцах.

Следующим тропом является очередная гипербола – «везде Аполлоны, Венеры...уимы», сохраненная в турецком варианте «hem Apollonlar, hem de Venüs». В этом же выражении мы видим интересный пример сарказма. Маяковский говорит «а этих Венер безруких,- так целые уимы.» Таким образом, он подчеркивает, что не считает искусством статую Венеры Милосской и не видит в ней никакой культурной ценности. В целом в переводе сохранено мнение автора. «...Hem Apollonlar, hem de Venüs

ama kiminin kolu kopuk kiminin burnu ve elleri» – «...И Аполлоны, и Венеры, но у кого-то оторвана ладонь, у кого-то нет носа и рук».

Здесь мы также видим и пример оценочной лексики – автор презрительно говорит «Помпадурша». Кроме того, здесь можно выделить и синекдоху – под Помпадуршей Маяковский подразумевает не только саму маркизу де Помпадур, но и других, подобных ей, придворных дам. В переводе же сохранена только синекдоха, так как сохранить оценочную лексику автора не представляется возможным ввиду отсутствия в турецком языке суффикса, подобному русскому –ш-.

Смотрю на жизнь – ах, как не нова! Красивость – аж дух выматывает! Как будто влип в акварель Бенуа, к каким-то стишкам Ахматовой. Я все осмотрел, пощупал вещи. Из всей красоты этой Мне больше всего понравилась трещина на столике Антуанетты. В него штыка революции клин вогнали, пляша под распевку, когда санкюлоты поволокли на эшафот королевку. Смотрю, а все же – завидные видики! Сады завидные – в розах! Скорей бы культуру такой же выделки, но в новый, машинный розмах! В музеи вот эти лачуги б вымести! Сюда бы – стальной и стекольный рабочий дворец миллионной вместимости,- такой, чтоб и глазу больно. [3, с 285]	Bu mu hayat? basit, adi, beylik, ye, iç ve yat Benois'nın suluboya tablosuna istersen kat Ahmatova'dan tatlı birkaç dörtlük. Ortalığa bakındım bütün eşya arasında bir Antuvanet'in gece masasında koca çatlağı beğendim. İşte, devrim tarihinden bir an: paldır küldür kaba botlar. Marseilles inletiyor Versailles Sarayı'nı ve derken çakıyor devrim kazığını sankülotlar: Küüüüt! Diye yaldızlı masaya bir darbe şaka niye- tine kraliçeyi giyotine saçlarından sürüklerken. Versailles bahçeleri güzel. Güller türlü türlü Bizde böyle kültür olsa, gül değil, geniş makine kültürü müzelere tıklırsa eski ve gereksiz şeyler. Emekçilere bu bahçeye hem çelikten hem de camdan bir de Kültür Sarayı kondurulsa gözü kamaştırsa yeni stilde bir ihtiyaç ve sarayın hacmi bin iki bin değil, milyona ulaşsa!
---	---

В данном случае в переводе стихотворения появился стилистическая фигура, которой нет в оригинале: риторический вопрос «Bu mi hayat?» – «Это ли жизнь?»

Следующими тропами являются сравнения «Как будто влип в акварель Бенуа, к каким-то стишкам Ахматовой...». Здесь же мы видим и оценочную лексику – презрительное «стишки» вместо «стихи». Вышеуказанные тропы были сохранены и при переводе, хотя и несколько видоизменены. Тем не менее, оценочная лексика снова присутствует только в оригинале.

Следующий троп – метонимия: «штыка революции клин вогнали...пляша под распевку», который не был сохранен при переводе: в турецком варианте стихотворения клин вбивают не штуки революции, а сами санкюлоты.

<p>Всем, еще имеющим купоны и монеты, всем царям – еще имеющимся – в назидание: с гильотины неба, головой Антуанетты, солнце покатилося умирать на зданиях. Расплылась и лип и каштанов толпа, Слегка листочки ворся. Прозрачный вечерний небесный колпак Закрыл музейный Версаль. [3, с 285]</p>	<p>... Krala, markilere ve çarlara ibret, unutmasın diye geçmişini halk sırtından çalınan varlıklarıyla öğrenmesini diye attı semaların giyotini Antuvanet'in kellesini atar gibi attı yuvarladı akşam güneşini Paris damları üstünde ağır ağır ölsün diye. Titreşiyor yapraklar ince ince dağılıyor ıhlamur, atkestenesi kalabalığı gölgeler siliniyor Aygöklerde ince bir yay Akşam oldu. Ve başına geçiriyor saydam camdan gece kalpağını bu saatte kapanan müze: Versailles.</p>
---	--

В данном отрывке мы видим сразу несколько тропов. В первую очередь, это, конечно, метафоры – «...с гильотины неба, головой Антуанетты, солнце покатилося...» В создании гиперболического значения Маяковский использует приём «развития и оживления метафоры». [1, с. 101]. Эти метафоры были сохранены и при переводе, хотя структура предложения была несколько изменена с целью сохранения рифмы. Здесь же мы можем отметить и метонимию – «солнце покатилося», которая, однако, отсутствует в турецком варианте стихотворения. Следующим тропом также является метонимия – автор говорит о расплывшейся толпе лип и каштанов, этот троп был практически дословно сохранен и в переводе. В последнем предложении мы можем выделить эпитеты – «прозрачный вечерний небесный колпак»; «музейный Версаль». В переводе данные тропы несколько видоизменены: так, колпак неба сделан из прозрачного стекла, а словосочетание «музейный Версаль» отсутствует.

В целом мы можем сделать вывод, что в данном стихотворении используется множество средств языковой выразительности, среди которых мы можем отметить поэтические тропы, стилистические фигуры, оценочную и просторечную лексику и другие. Следует отметить также и важность рифм, использованных для создания художественного образа, ведь, как писал Паперный, «...острые и меткие рифмы Маяковского действительно могут быть сравнены с отточенными пиками...» [5, с. 84] Самыми часто употребляемыми

ми тропами являются гротеск, гипербола и метонимия – что, впрочем, прослеживается и в других произведениях поэта. Что касается перевода вышеупомянутых тропов на турецкий язык, то мы можем отметить, что при переводе были сохранены не все. Первой причиной этого, является, конечно, то, что главной целью переводчика было все же сохранение рифмы в стихотворении. Также не всегда удаётся передать образ за счет разницы в структуре языка – так, невозможно сохранить оттенок презрения, который автор передал с помощью суффикса –ш-, ввиду отсутствия подобной структуры в турецком. Тем не менее, стоит отметить, что в большинстве своем тропы и стилистические фигуры были сохранены, что позволило передать тот колоритный и яркий образ, который сам Маяковский пытался донести до своего читателя.

Список литературы

1. Ковалёв В.П. Языковые выразительные средства русской художественной прозы: Автореф. дис. докт. филол. наук. Киев, 1974.
2. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955.
3. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 1 т. М.: Альфа-книга, 2011.
4. Михайлов А.А. Маяковский. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1988.
5. Паперный З.С. О мастерстве Маяковского. М.: Советский писатель, 1953.

**СОНАТЫ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ И ФОРТЕПИАНО
В РУССКОЙ МУЗЫКЕ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ**

Гудожникова О.Н.

руководитель НМО, преподаватель, концертмейстер,
Магнитогорская государственная консерватория им. М.И. Глинки,
Россия, г. Магнитогорск

В статье рассматриваются сонаты для виолончели и фортепиано русских композиторов рубежа XIX – XX веков. Соната С. Рахманинова, созданная в самом начале XX столетия, явилась подлинным шедевром мировой камерно-ансамблевой музыки и открыла богатые перспективы развития жанра. Обращение выдающихся композиторов С. Рахманинова и Н. Мясковского к виолончельной сонате несомненно привлекло внимание отечественных композиторов к этому роду камерной музыки. Сонаты А. Барьянского, Л. Кашперовой, Н. Терещенко, И. Крыжановского, Ф. Акименко, Н. Потоловского, М. Гнесина, В. Виллуана, А. Юрасовского, демонстрирующие наиболее характерные художественные тенденции рубежного периода, сыграли важную роль в развитии русской камерно-ансамблевой культуры.

Ключевые слова и фразы: соната для виолончели и фортепиано, художественные тенденции рубежного периода, сотворчество композиторов и исполнителей, виолончель, романтическая стилистика, концертность, симфоничность, С. В. Рахманинов.

На рубеже XIX-XX веков соната для виолончели и фортепиано оказывается в числе приоритетных жанров камерной музыки и получает широкое распространение в творчестве русских композиторов. «О том, что их интерес к этому жанру не был случайным и преходящим, – пишет Л. Гинзбург, – говорит яркий расцвет его в творчестве советских композиторов» [3, с. 522]. В России интерес композиторов к жанру виолончельной ансамблевой сонаты возникает с 70-ых годов XIX века, на волне общего повышенного внимания к камерной музыке. «Мы присутствуем на том странном и небывалом явлении, – отмечает Г. Ларош, – «что камерная музыка, хотя и в малых размерах, празднует триумф, сходный с теми, которые в Петербурге неоднократно доставались на долю итальянского пения... Любовь к камерной музыке – самое новое, самое неожиданное и самое загадочное из явлений музыкальной жизни Петербурга» [8, с. 102].

Небывалый интерес к жанрам камерной музыки проявляют ведущие композиторы России. В письме от 19.01.1877 года А. Бородин пишет: «... ветер повеял неожиданно поверием на камерную музыку. Корсаков написал, кроме прежнего квартета, квинтет для фортепиано с духовыми и струнный секстет; Кюи затеял было квартет, но, кажется, бросил; я почти окончил струнный секстет» [цит. по: 4, с. 13-14]. Исторически существенную роль в развитии русской камерно-инструментальной музыки второй половины XIX века сыграли ансамбли А. Рубинштейна. Композитором созданы произведения практически во всех жанрах инструментального ансамбля: сонаты для

различных инструментов (в т.ч. две для виолончели и фортепиано), фортепианные трио, струнные квартеты, фортепианные и струнные квинтеты и др. Активная творческая деятельность А. Рубинштейна и скромные опыты целого ряда композиторов «второго плана» создали почву для появления замечательных ансамблей П. Чайковского, А. Бородина, Н. Римского-Корсакова, М. Балакирева и др.

Камерная музыка, благодаря своей специфике, «открывает новые возможности для отображения внутреннего мира человека, открывает пути для углубления в область личного, субъективного, интимного» [4, с. 16]. Лирическая направленность камерного искусства, неразрывно связанная с русской культурой, а так же образная атмосфера рубежного периода естественным образом нашли воплощение в камерно-инструментальных жанрах.

В этот период у русских композиторов отмечается повышенный интерес к жанру инструментальной сонаты. По мнению Ю. Москалец, «соната как жанр и в особенности сонатный принцип мышления, выражающий "идею действия" на семантическом уровне, вполне адекватно соответствовал ключевой психологической установке эпохи» [9, с. 13]. Первые десятилетия XX века становятся временем расцвета русской фортепианной сонаты. Продолжая линию больших фортепианных сонат П. Чайковского (1878) и М. Балакирева (1859), на рубеже веков появляются сонаты А. Глазунова, С. Рахманинова, Н. Метнера, А. Скрябина, Н. Мясковского, А. Ляпунова, первые сонаты С. Прокофьева и др. Значительное место в камерной музыке рубежного периода занимает и соната для мелодического инструмента и фортепиано.

В начале XX века возникает интерес отечественных композиторов к виолончели как инструменту больших художественных и технических возможностей. Тембровая привлекательность предстает одним из важнейших свойств данного ансамбля. Г. Мерсман, подчеркивая преобладание в русской музыке именно виолончельных сонат, объясняет, что виолончель «в наибольшей степени отвечает выразительным потребностям русских композиторов» [цит. по: 3, с. 467]. Инструмент оказался созвучен русской ментальности как носитель идеи передачи человеческого голоса. Особые тембровые характеристики, такие как «задушевность», надолго закрепили за виолончелью воплощение определенного круга образов и состояний. Она как никакой другой подходит для воплощения эмоциональной лирики и драматической образности столь близкой русскому человеку.

Интерес композиторов к музыке для виолончели и фортепиано исторически совпал со временем расцвета отечественного исполнительского искусства. Активная ансамблевая деятельность К. Давыдова, А. Вержбиловича, А. Рубинштейна, А. Есиповой, С. Танеева, В. Сафонова, С. Метнера, Г. Венявского, Г. Бюлова приводит к регулярности исполнения дуэтных сонат на концертной эстраде. Камерная инструментальная музыка становится важной составной частью музыкально-общественной жизни. Несомненно, исполнительская деятельность отечественных виолончелистов вдохновляла русских композиторов к созданию произведений с участием

этого инструмента. Так, например, соната для виолончели и фортепиано № 2 А. Рубинштейна посвящена Ф. Серве, Большая соната К. Шуберта – К. Давыдову, ему же посвящена соната В. Виллуана, сонаты Л. Кашперовой, Н. Терещенко, В. Виссендорфа – А. Вержбиловичу, С. Рахманинова – А. Брандукову, сонаты Ф. Акименко, Н. Мясковского, А. Гречанинова – Е. Белоусову, В. Косенко – В. Коломойцеву, Л. Николаева – И. Прессу, В. Барвинский – Б. Бережницкому и др. В этой связи необычайно активизируется сотворческая деятельность композиторов и исполнителей.

На рубеже XIX – XX веков сонаты для виолончели и фортепиано часто встречаются в творчестве композиторов так называемого меньшего масштаба – В. Виллуана (1888), А. Барьянского (1893), Л. Кашперовой (1898), Н. Терещенко (1900), И. Крыжановского (1903), Ф. Акименко (1905), Н. Потоловского (1905), М. Гнесина (1909), А. Юрасовского (1911) и др. Вместе с тем, они сыграли важную роль в развитии русской камерно-ансамблевой культуры. Их произведения свидетельствуют об усвоении, закреплении и кристаллизации достижений русских и западноевропейских композиторов.

Соната для фортепиано и виолончели op. 20 ми минор В. Виллуана написана для К. Давыдова около 1888 года. Соната состоит из трех частей – вступление *Allegro*, *Andante* и *Vivace*. Части трактованы традиционно. Романтические тенденции конца XIX века нашли отражение в романтически-взволнованном характере главной партии первой части. С ней контрастирует лирическая побочная, в которой прослеживаются интонации русской песни.

Две сонаты для фортепиано и виолончели Л. Кашперовой посвящены А. Вержбиловичу. Сонаты решены в традициях жанра – они четырехчастны: № 1 – *Allegro moderato*, Скерцо, *Andante* и Рондо; № 2 – *Allegro appassionato*, *Andante*, Скерцо и Финал *Allegro maestoso*. В основе тематизма сонат – опора на национальные распевно-лирические или жанрово-плясовые интонации (финал сонаты Соль мажор и Скерцо сонаты ми минор). В плотной фактуре фортепианной партии сонат Кашперовой слышны отзвуки произведений А. Рубинштейна.

Соната для виолончели и фортепиано op. 2 (издание 1903 г.) И. Крыжановского, была отмечена Б. Асафьевым. Критик писал, что соната в свое время «подавала некоторые надежды» [1, с. 229]. Трехчастная соната (*Allegro*, *Andante*, *Allegro molto*) поэтична, взволнована и выразительна. В качестве второй части композитор выбирает Романс, но трактует его в драматическом характере. Находки в области гармонии свидетельствуют о художественных поисках композитора, приведших его в будущем к созданию музыки с модернистическим уклоном. Соната, по мнению Л. Гинзбурга, «обладает несомненными музыкальными достоинствами и продолжает реалистические традиции русской классической школы» [3, с. 545].

В трехчастной виолончельной сонате Ре мажор op. 37 Ф. Акименко в качестве второй части впервые введен вальс, а финал трактован как тема с семью вариациями. Элегичная музыка сонаты, однако, не лишена импрессионистического оттенка. Не случайно, изысканные и причудливые произведе-

ния Ф. Акименко вызывали восхищение у приверженцев символизма начала XX века. Необычное звучание достигается использованием натуральных и искусственных флажолетов, штриха *saltato*, прыгающих штрихов в высоком регистре в партии виолончели. Вместе с тем, в использовании вальса в качестве жанровой основы лирической части, а также в сказочном колорите финала, отчетливо прослеживается приверженность Ф. Акименко традициям русских композиторов второй половины XIX века.

Трехчастную сонату для виолончели и фортепиано ре минор оп. 2 Н. Потоловского отличает динамичный характер и виртуозная партия виолончели. Лиризм русского романса и эпическая речитация в тематизме сонаты подчеркивают опору композитора на традиции «Могучей кучки». Виолончельной партии присущи элементы концертности – она наполнена виртуозными и каденционными пассажами, аккордами, двойными нотами и др.

Соната-баллада для виолончели и фортепиано (оп.7) М. Гнесина, посвящена А. Зилоти. Интересный факт – первым исполнителем этого произведения является Пабло Казальс. Влияние романтических традиций ощущается не только в восторженно-приподнятом настроении, но и в одночастной форме произведения. При этом в ней отчетливо просматриваются элементы сонатного цикла. После медленного вступления *Lento* следует эпизод *Allegro non troppo*, воспринимающийся как первая часть сонатного цикла. Функцию лирической части выполняет раздел *Tranquillo e poetico*, а финала – *Allegro moderato*. Фактура сонаты-баллады пронизана песенно-вокальным мелодизмом. Развитию музыкального материала присущ импровизационный характер. По мнению Л. Гинзбурга, вторая редакция произведения 1928 года отличалась «значительными сокращениями, что несомненно пошло на пользу произведению, придав ему собранности и цельности» [3, с. 551].

В 1911 году была написана, а в 1912 году издана Драматическая соната (*Sonata dramatique*) для виолончели и фортепиано оп. 3 А. Юрасовского. Романтическая стилистика рубежного периода прослеживается в программной установке произведения, образном содержании, а также в одночастной форме цикла. По утверждению Л. Гинзбурга, «в сонате ярко проявляются черты рапсодичности, жанра, рожденного эпохой романтизма» [3, с. 554]. В одночастности просматриваются крайние разделы контрастирующие со средним лирическим эпизодом.

Две сонаты для виолончели и фортепиано Н. Мясковского (№1 оп.12 Ре мажор 1911 – 1912 гг. и № 2 оп. 81 ля минор 1949 г) явились, по мнению Б. Асафьева, «связующим звеном, мостиком от русской камерно-инструментальной музыки к советской. Несомненно, обращение выдающегося композитора к этому жанру способствовало его закреплению в русской, а затем и в советской музыке» [цит. по: 10, с. 5].

Являясь одним из крупнейших композиторов камерно-инструментального жанра, композитору «выпала историческая миссия определять новые традиции жанра», которые оказали заметное воздействие на творчество более молодых композиторов – С. Прокофьева, В. Шебалина, Д. Кабалевского и др. [5, с. 187]. Первая соната для виолончели и фортепиано

ор.12 Ре мажор написана в годы учебы в консерватории в 1911 году, а впервые исполнена 23 января 1914 года пианистом П. Ламмом и Е. Белоусовым. Сонату «окружают» такие произведения, как Вторая симфония ор 11, фортепианная соната ор. 13, симфоническая поэма «Аластор» ор. 14, которые, по мнению Л. Гинзбурга, «отмечены печатью тревоги и пессимизма» [3, с. 556]. Несмотря на то, что соната относится к раннему периоду творчества композитора, произведение демонстрирует черты зрелого, самобытного автора.

В лирической трактовке главных тем сонаты, широте высказывания, некой романтической экзальтации чувствуется влияние Н. Римского-Корсакова, А. Лядова, С. Танеева и А. Глазунова. Тематизм сонаты, основанный на интонациях русской песни или романса, близок лирическим страницам музыки С. Рахманинова. Мелодия первой части напоминает ноктюрн Ф. Шопена, а главная и побочная партии второй части исходят из драматических монологов музыки П. Чайковского. Образная сфера сонаты полна проникновенной элегичности и поэтичности, столь характерной для русской музыки. Разделы взволнованной лирики чередуются с драматическими эпизодами и гимническими проведением. Стилистические новации начал XX века, проявившиеся в легких элементах экспрессионизма («скрябиновские интонации»), нашли воплощение в своеобразных гармонических оборотах.

Соната состоит из двух частей, которые следуют друг за другом attacca. Несмотря на нестандартную структуру, композиция отличается ясной и четкой формой. Первая часть трехчастна, вторая написана в форме сонатного аллегро. В драматургическом плане смысловым центром произведения является вторая часть. Сквозное развитие реализуется посредством образно-интонационного объединения частей. Это проявилось в использовании начальной речитативной темы, порученной виолончели, в эпилоге сонаты.

Самобытность молодого композитора проявилось в трактовке инструментальных партий. Мастерски показаны темброво-выразительные возможности фортепиано и виолончели, которые выгодно оттеняют друг друга. Н. Мясковский поручает виолончели проведение основных кантиленных тем сонаты, подчеркивая значимость инструмента в раскрытии лирико-элегического настроения. В 1943 году композитор внес в партитуру некоторые несущественные изменения. В настоящее время именно во второй редакции соната занимает ведущее место в концертном и учебном репертуаре камерных дуэтов.

Среди произведений, созданных в начале XX века, особо отметим Сонату для виолончели и фортепиано ор. 19 С. Рахманинова (1901), которая оказала существенное влияние на дальнейшее развитие жанра камерной сонаты в русской музыке. Созданная в самом начале XX века, она была сразу восторженно принята современниками. Премьера состоялась 2 декабря 1901 года в Москве в исполнении автора и Анатолия Андреевича Брандукова, которому посвящена. Впоследствии, композитор неоднократно исполнял это сочинение с другими виолончелистами, в частности, с П. Казальсом (14 апреля 1918 года).

Популярность сонаты среди исполнителей и слушателей за всю историю существования произведения никогда не ослабевала. Ее играли П. Казальс и А. Зилоти; А. Брандуков с автором, с А. Зилоти, с Г. Нейгаузом; С. Козолупов и А. Гольденвейзер; Л. Оборин и С. Кнушевицкий; В. Кубацкий и К. Игумнов; Д. Шафран и Я. Флиер; В. Горовиц и Е. Белоусов; Л. Николаев и И. Пресс, М. Ростропович и А. Дедюхин; И. Гаврыш и Л. Тимофеева и многие другие. В настоящее время виолончельная соната С. Рахманинова входит в репертуар ведущих концертирующих виолончелистов и пианистов и является, по словам Т. Гайдамович, «пробным камнем их ансамблевого мастерства» [2, с. 381].

Произведение Рахманинова явилось фактически первой русской концертной сонатой для данного состава с равнозначными инструментальными партиями. Композитор явился родоначальником этого жанра в России в том виде, в каком он существовал в Европе со времен Л. Бетховена. И это не удивительно, ведь камерно-инструментальный стиль композитора формировался под влиянием творчества зарубежных композиторов XIX века. Вместе с тем, камерно-инструментальное творчество Рахманинова было подготовлено музыкой «кучкистов», П. Чайковского, С. Танеева и др. Композитор глубоко усвоил многообразные традиции русской классической музыки. С Чайковским Рахманинова роднит лирическая направленность его творчества. Однако, «(...) лиризм Рахманинов как бы усилил рефлексией и психологизмом человека новой эпохи», – подчеркивает Л. Раабен [12, с. 72]. От Чайковского Рахманинов унаследовал некоторые фактурные особенности камерного стиля – поющую гармонию, а также варьированное сопровождение при втором изложении темы.

Отличительная особенность сонаты – масштабность композиции, включающая четыре части, стройность формы, широта мелодического дыхания, своеобразие гармонического языка и невероятная виртуозная насыщенность инструментальных партий.

В сонате доминирует романтическая образность, которая отразила основные сферы рахманиновской лирики – от романтической мечтательности (основная тема третьей части и побочная тема финала), настроения безудержного порыва и стремления (тема скерцо и финала) до сдержанных, эмоционально приглушенных тем (вступление, побочная партия первой части и среднего раздела второй части). По мнению Л. Раабена: «В романтизме Рахманинова нашли отражение (.....) чувства глубокой неудовлетворенности и духовного смятения людей его эпохи (.....) "эпоха безвременья" наложила неизгладимую печать на его индивидуальность» [11, с. 410].

Драматургия сонаты основана на конфликтном столкновении двух разных сфер – лирической и драматической. Образно-эмоциональное содержание всего произведения во многом определяет порядок следования частей. Так, расположение медленной части (III) после скерцо (II часть) усиливает образный контраст к финалу произведения.

Вслед за Бетховенным и Чайковским Рахманинов осуществляет симфонизацию камерного жанра. Это проявляется в том, что содержательная наполненность и функциональное назначение каждой из четырех частей сонаты соответствуют частям классической и романтической симфоний. Тематическое единство, присущее крупным симфоническим жанрам, достигается созданием лейттематического комплекса, который становится интонационной основой ведущих тем произведения. Большая роль принадлежит теме вступления. Его мелодические интонации и ритмические обороты становятся господствующими и встречаются в экспозиции, в разработке, на подходе к репризе. Тема вступления проводится и в коде, обрамляя всю композицию как образно-смысловая арка. Интонационная общность наблюдается между темами I части и финала, скерцо и финала. Единство целого обеспечивает и фактурное единообразие, а именно, выдерживание одного типа фактуры в течение целых разделов формы.

Несмотря на то, что соната относится к раннему периоду творчества композитора, в ней обнаруживаются черты зрелого стиля мастера. Во-первых, мелодизированная природа тематизма сонаты. Сам композитор придавал мелодии первостепенное значение в музыке: «Мелодия – это музыка, главная основа всей музыки, поскольку совершенная мелодия подразумевает и вызывает к жизни свое гармоническое оформление» [цит. по: 7, с. 53]. Во-вторых, мелодически обусловленный характер гармонии. Все исследователи рахманиновского творчества отмечают поющую, певучую рахманиновскую гармонию. В-третьих, полифоническая фактура сонаты основана на попевочно-подголосочном методе развития. По мнению Б. Асафьева: «Она не является ни гармоническим контрапунктом в западно-европейском смысле, ни баховско-линейной» [цит. по: 6, с. 249]. В-четвертых, использование ритмической формулы. Специфическая энергетика музыки Рахманинова в большей мере связана с экспрессией метроритма. Ритм выступает у него как носитель мужественного, волевого начала, динамизирующего музыкальную ткань. В-пятых, специфические кульминации. Развитие музыкального материала основано на чередовании длительных подъемов, томительных нарастаний и спадах, которые либо не приводят к апогею, либо приводят к «тихим» кульминациям. В-шестых, в сонате нашла отражение самая известная стилевая черта Рахманинова – это «упорное и длительное пребывание в тисках одного властного настроения, от чего рождается ощущение безысходности и безвыходности» [цит. по: 11, с. 410].

Гармоническое оформление сонаты не выходит за рамки стилевых норм русской и западноевропейской музыки конца XIX – начала XX века. Характерной особенностью гармонического языка композитора является сохранение диатонической основы. При этом гармония обогащена альтерациями и хроматизмами. Отмечается тенденция и к задержке на отдельных ступенях лада. Оригинальность композиторского почерка Рахманинова определяется не столько новизной отдельных элементов его музыкального языка, сколько особой манерой использования уже известных апробированных средств.

В сонате разнообразно представлены возможности инструментов. Виолончель воплощает богатую гамму настроений: от лирических, созерцательно-задумчивых до драматических, страстно-взволнованных. Фактура в партии фортепиано насыщена, по-сольному разнообразна. Яркое преподнесение музыкального материала и виртуозный характер инструментальных партий указывают на концертный стиль изложения, который придает сонате далеко не камерное звучание. При этом по мнению Л. Гинзбурга: «Соната Рахманинова в значительно большей мере, чем многие другие камерные сонаты, позволяет забыть о неоднородности „партнеров" – фортепиано и виолончели; оба инструмента органично сливаются в едином художественном ансамбле» [3, с. 545]. Композитору удалось достичь текстологического баланса звучности инструментов. Тембры виолончели и фортепиано не контрастируют друг с другом, соответствуя стилистическим канонам камерного жанра.

В исполнительском отношении виолончельная соната Рахманинова – настоящее «испытание» на профессиональную зрелость виолончелиста и пианиста. Композитор пользуется всей многоцветной палитрой художественных возможностей двух инструментов, используя виртуозные приемы, стремительные, блестящие пассажи, трели, скачки, переброски смычка через струны и др. Основная исполнительская проблема сонаты заключается в нахождении динамического баланса между фортепиано и виолончелью. Плотная фактура фортепианной партии провоцирует на перегруженность звучностью. Пианисту, особенно в кульминациях, необходимо соизмерять свой звук со средствами виолончели, партия которой выдержана в большей степени в среднем и низком регистрах.

Соната С. Рахманинова оказала огромное влияние на многих композиторов. По мнению Л. Гинзбурга: «Речь идет не только о стимулировании интереса к жанру, но и о прямом воздействии яркой, творческой индивидуальности автора» [3, с. 530]. Влияние рахманиновского произведения ощущается в виолончельных сонатах Н. Мясковского, Н. Рославца, Д. Шостаковича, Н. Терещенко, Н. Потоловского, А. Юрасовского, В. Косенко, В. Барвинского, Л. Николаева и многих других.

Таким образом, виолончельные сонаты рубежного периода демонстрируют наиболее характерные стилистические тенденции эпохи. Сложное сплетение романтических традиций конца XIX века с противоречивостью чувств художника начала XX столетия наиболее ярко проявляется в образно-эмоциональном содержании произведений. Главенствующей образной сферой сонат является лирика различных оттенков – от мягкой песенной романсовости до экспрессивной драматичности. Романтическая взволнованность преобладает в сонатах С. Рахманинова, Н. Мясковского, В. Барьянского, В. Виллуана, И. Крыжановского, А. Юрасовского и др.

Приверженность традициям русской композиторской школы являются основополагающими в творчестве отечественных композиторов этого периода. Опора на традиции русской музыкальной культуры XIX века прослеживаются в народно-песенных интонациях, в использовании вальса и сказочной

образности в сонате Ф. Акименко, в восточном колорите «кучкистов» лирического раздела сонаты А. Юрасовского, в гимничности сонаты Н. Мясковского и др. В сонатах рубежного периода партия виолончели трактована соответственно природе этого инструмента. В произведениях раскрываются выразительные возможности виолончели, ее певучесть. Virtuозную партию виолончели и фортепиано с элементами концертности мы встречаем в сонатах С. Рахманинова, Н. Мясковского, Н. Потоловского, А. Юрасовского и др.

Доминирующая романтическая эстетика рубежа веков приводит к созданию развернутых одночастных произведений поэмого типа с признаками сонатности (произведения М. Гнесина, А. Юрасовского, Н. Мясковского). Появление такого рода произведений, а также включение стилистических черт симфонического и концертного жанров в камерную сонату, свидетельствуют о тенденции к взаимопроникновению и смешению жанров.

Большинство сонат для виолончели и фортепиано рубежного периода имеют классическую трех или четырех частную форму. Еще С. Танеев отмечал, что «новаторство в музыке пошло (...) преимущественно в сторону гармонии. (...) Богатейшая область полифонии и формообразования фактически "обходится стороной" самыми радикальными новаторами. Формообразование остается в своей основе традиционным, причем эта "классичность" форм является своего рода принципом даже для большинства новаторов» [цит. по: 13, с. 157-158]. Западноевропейские импрессионистические и экспрессионистические тенденции рубежа веков отразились в особенностях гармонии сонат Ф. Акименко, Н. Мясковского, И. Крыжановского.

Творческое усвоение и переосмысление традиций западноевропейской и отечественной музыки, соединение этих достижений с национальными и индивидуальными особенностями, позволили С. Рахманинову создать первый отечественный образец камерно-инструментальной сонаты для виолончели и фортепиано с равнозначными инструментальными партиями. Сонаты С. Рахманинова и Н. Мясковского, созданные в самом начале XX века, явились подлинными шедеврами мировой камерно-ансамблевой музыки и открыли богатые перспективы развития жанра. Обращение выдающихся композиторов к виолончельной сонате несомненно привлекло внимание отечественных композиторов к этому роду камерной музыки. По мнению Л. Гинзбурга эти произведения, «сохранившие художественное значение и силу эмоционального воздействия на современного слушателя, венчают развитие русской виолончельной сонаты дооктябрьского периода и до сих пор украшают концертные программы виднейших исполнителей» [3, с. 560].

Список литературы

1. Асафьев Б. В. Русская музыка. XIX и начало XX века / Б. Асафьев. – 2-е изд. – Л.: Музыка, 1979. 344 с.
2. Гайдамович Т. А. Заметки о виолончельной сонате Рахманинова и ее исполнителях // Вопросы музыкально-исполнительского искусства: Сб. статей. Вып. 4. М.: Музыка, 1967. С. 99-123.

3. Гинзбург Л. С. История виолончельного искусства. В 4-х кн. Кн. 3. М.: Музыка, 1965. 616 с.
4. Головинский Г. Л. Камерные ансамбли А. Бородина. М.: Музыка, 1972. 312 с.
5. Долинская Е. Б. Яркая область искания (о виолончельном творчестве Мясковского) // Музыка России. Вып. 6. Сборник статей. М., 1986. С. 187-208.
6. История русской музыки: В 10-ти т. Т.10А: 1890-1917 / Ю.В. Келдыш, М.П. Рахманова, Л.З. Корабельникова, Т.В. Корженьянц, Е.М. Левашова, М.Д. Сабина. М.: Музыка, 1997. 479 с.
7. Келдыш Ю. В. Рахманинов / Музыка XX века / Очерки. Часть I Кн. 2 М.: Музыка, 1977. 574 с.
8. Ларош Г. А. Избранные статьи. В.5 выпусках. Вып. 4. Симфоническая и камерная музыка. Л. 1977. 102 с.
9. Москалец Ю. В. Русская фортепианная соната рубежа XIX-XX столетий в атмосфере художественных исканий эпохи: автореф. дис. ... к. искусствоведения. М., 2004. 27 с.
10. Осипенко Г. А. Камерно-инструментальное творчество Н. Я. Мясковского. Лекция по курсу истории советской музыки для теоретико-композиторских факультетов музыкальных вузов / Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки. Новосибирск. 1990. 37 с.
11. Раабен Л. Н. Инструментальный ансамбль в русской музыке. М.: Музгиз, 1961. 475 с.
12. Раабен Л. Н. Камерно-инструментальная музыка первой половины XX века. Страны Европы и Америки. Л.: Сов. Композитор, 1986. 198 с.
13. Юсфин А. Г. Особенности формообразования в некоторых видах народной музыки // Теоретические проблемы музыкальных форм и жанров. М.: Музыка, 1971. С. 134-161.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Рябова Е.В.

преподаватель специальных дисциплин,
Колледж управления и экономики, Россия, г. Тольятти

В статье дается историко-культурная характеристика политики Советского государства и большевистской партии в области религии; описывается деятельность правительства по отделению церкви от государства; исследуются результаты деструктивных действий в отношении культовых сооружений г. Симбирска (Ульяновска); анализируется роль антирелигиозной политики Советской власти в изменении архитектурного облика городов Среднего Поволжья.

Ключевые слова: Советская власть, церковь, антирелигиозная политика, культовая архитектура, Симбирск (Ульяновск), Среднее Поволжье.

Отношения между Советской властью и Церковью с самого начала складывались драматично. РСДРП(б) была партией, декларирующей атеизм. Она рассматривала религию как один из инструментов угнетения трудящихся. Эта позиция обосновывалась в статье лидера партии В.И. Ленина "Социализм и религия" (1905). В ней были обоснованы Программные требования: "Полное отделение церкви от государства – вот требование, которое предъ-

являет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви". Вместе с тем большая часть партийных активистов стояли на позиции воинствующего атеизма и были настроены не на сосуществование с Церковью, а на ее подавление [3, с. 113]. В 1930-е годы почти все храмы и церкви в регионе были разрушены. Например, Симбирск (с 1924 года Ульяновск) претерпел три волны разрушений сооружений религиозного назначения. Первая из них пришлась на 1920-30-е годы, когда была полностью уничтожена культовая архитектура Симбирска [8]. Она попала в зону особого внимания атеистов не случайно – в границах «Старого города» к 1917 году имелось православных: 2 монастыря, 3 собора, 21 приходская церковь, 25 домовых церквей, включая 5 полковых церквей, около 10 часовен, лютеранская церковь, католический костёл, 2 мечети, в частном доме собиралась еврейская община» [6, с.8]. Причиной этому стала не только жесткая антирелигиозная политика, осуществляемая Советским правительством, но и то, что этот город был тесно связан с именем вождя пролетариата В.И. Ленина.

Дореволюционный Симбирск представлял собой один из красивейших губернских городов Среднего Поволжья. Прекрасный выбор места, живописный ландшафт, красоту и своеобразие которого выявил первый регулярный план города, оказавший решающее влияние на градостроительную историю города, творчество талантливых архитекторов первой половины XIX столетия, создавших замечательный ансамбль классицистического центра города, культовая архитектура, деятельность мастеров периода историзма и модерна, обогативших город оригинальными произведениями, представляются явлениями, достойными пристального внимания исследователей [8].

Естественно, что эти утраты нанесли непоправимый ущерб материальной культуре города. Так, в 1936 году был уничтожен Троицкий собор (г. Ульяновск), построенный в память войны 1812 года на средства дворянства и частью других сословий по плану архитектора Коринфского [10, с. 24]. Собор не только являлся главным архитектурным объектом площади, но и объединял всю застройку тогда ещё небольшого города, а также создавал вместе с вертикалями двух других соборов и ряда церквей выразительный высотный силуэт Симбирска-Ульяновска. Он представлял собой центрическую структуру храма-ротонды со сводчатыми покрытиями и в этом качестве развивал тему таких известных сооружений древнего и нового времени, как Пантеон в Риме или Казанский и Исаакиевский соборы в Санкт-Петербурге [2, с. 99]. М. Суперанский в своем очерке «Симбирск и его прошлое» называет его одним из лучших храмов в Поволжье [10, с. 24].

Спасо-Вознесенский собор, закрытый еще в 1923 году, в 1935-м также был уничтожен. Здание Спасо-Вознесенского собора представляло собой уникальный историко-мемориальный и архитектурно-градостроительный памятник. Вместе с Троицкой церковью, собор создавал оригинальный архитектурный ансамбль с южной стороны Большой Саратовской улицы. Собор хорошо просматривался со всех точек города, а на колокольне в 1869 году были установлены городские часы – подарок городу графа В. П. Орлова-Давыдова [10, с. 102-104].

С конца 1929 по осень 1930 года были сняты колокола почти со всех ульяновских церквей [11, с. 194]. Массовое снятие колоколов с церквей имело место и по всей епархии. Разрушению подвергся и Николаевский собор, который своей историей был связан с основанием Симбирска, долгое время служил его главным храмом, а впоследствии являлся важнейшим историко-мемориальным и архитектурно-градостроительным памятником, взятым под охрану государства в советское время. Вплоть до 30-х годов XX века Николаевский собор имел статус памятника культуры и находился под охраной государства [10, с. 101]. После волны разрушений 1920-30-х годов в Ульяновске уцелели лишь Неопалимовская и Воскресенская церкви и протестантская кирха – Лютеранская церковь Святой Марии.

Утрата памятников культуры такого масштаба стала следствием бесцеремонного и пренебрежительного отношения к историко-культурному наследию, провозглашенного в культурной политике Советской власти, особенно сильно ее последствия проявились в 30-е годы XX века.

Все формы антирелигиозной деятельности государства и партии на местах в 1920-е годы сводились к антирелигиозной работе, направленной непосредственно на борьбу с религией и организации досуга советского человека, отвлекающего его от участия в религиозных обрядах и праздниках [7, с. 36].

В рамках антирелигиозной пропаганды читались лекции на самые разные темы, которые условно можно подразделить на несколько групп. Это были темы естественнонаучной направленности; по происхождению и истории религии; о реакционной сущности религии, ее классовой роли; по содержанию политики большевиков в отношении религии; по разъяснению декретов об отделении церкви от государства и церкви от школы.

Однако антирелигиозная политика первых лет Советской власти не увенчалась успехом. Так, например, в отчете о работе АПО губкома РКП(б) (1921 г.) говорилось, что антирелигиозная пропаганда так и не приобрела массовый характер и в условиях голода дальше вопроса об изъятии церковных ценностей не пошла. Не смогла она приобрести массовый характер и в последующие годы [7, с. 40]. В 1921 – 1922 годах даже началось частичное религиозное возрождение, особенно в городах, но, как показывает историческая практика, оно было временным.

Конец 1920-х годов связан с принципиальными изменениями в конфессиональной политике СССР. В это время отмечается резкое ухудшение положения религиозных общин в СССР. Не вдаваясь в подробности, следует заметить, что это было следствием насильственного изменения структуры общества, необходимого для осуществления государственных программ индустриализации и коллективизации [4, с. 147]. Вытеснение религии из общественной жизни было возведено в ранг важнейшей партийно-государственной задачи [5, с. 83], государство в буквальном смысле проводило насильственную атеизацию населения [1, с. 108]. На первый план были выдвинуты административно-командные и репрессивно-принудительные методы религиозной политики [9, с. 84]. Вынужденный характер силовых мето-

дов подавления религии, по сути, был связан с провалом антирелигиозной работы и пропаганды в 1920-е годы на местах [7, с. 43].

Антирелигиозная политика Советского правительства не обошла стороной и Среднее Поволжье. В закрытых храмах размещали производственные цеха, склады, квартиры, клубы, архивы [12, с. 161], а монастыри отводились под тюрьмы и колонии. Например, в женском Спасском монастыре после того, как монахини были выселены из своих келий, был организован концентрационный лагерь [13, с. 5]. В результате в 20-30-е годы XX века была уничтожена вся культовая архитектура, а это более 40 храмов. Оказался полностью утрачен высотный силуэт Симбирска, исторический облик города, его неповторимое архитектурное очарование. Был практически стерт с лица земли целый город Симбирск, который до революции за красоту называли «дворянином на Волге».

Таким образом, политика СССР в отношении религии, верующих и религиозных объединений была конфессиональной по объекту управления, атеистической по конечным целям и задачам и антирелигиозной по методам, средствам и формам подавления религии в стране [7, с. 35]. В 1920-1930-е годы была объявлена война архитектурному наследию «проклятого царизма» – дворцам, храмам и др., что значительно изменило архитектурный облик Среднего Поволжья.

Список литературы

1. Андреева Л.А. «Православный строй» и коммунистический режим // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 6. – С. 105-114.
2. *Архитектурно-историческая среда* / сост. Б. Е. Сотников. – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 208 с.
3. Барсенков А. С., Вдовин А. И. *История России. 1917-2009* / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин. – 3-е изд., расш. и перераб. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 846 с.
4. Бобровников В. О. Шариатские суды и правовой плюрализм в Советском Дагестане // *Этнографическое обозрение*. – 2001. – № 3. – С. 77-91.
5. Далгатова А.Г., Сулаев И.Х. Борьба против влияния мусульманского духовенства в Дагестане в 1920-1930 гг. // *Вопросы истории*. – 2010. – № 6. – С. 77-85.
6. Ильин В. Н. Симбирск – Ульяновск. Краеведческий справочник – путеводитель. Выпуск 1. Храмы и кладбища / Ильин В. Н. – Ульяновск: Симбирская книга, 2001.
7. Кобзев А.В. Как большевики проиграли антирелигиозную борьбу: конфессиональная политика советского государства и мусульмане Симбирской/ Ульяновской губернии. // *Ислам в современном мире*. – 2015. – № 11(2). – С. 35-44.
8. Котова И.Г. Градостроительство и архитектура Симбирска второй половины XVIII – начала XX веков: Автореф. дис. канд. иск. наук. – Москва, 2006. – 284 с.
9. Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань. – 2002. – 244 с.
10. Симбирск и его прошлое. – Хрестоматия крае ведческих текстов. – Ульяновск: «Лаборатория куль турологии», 1993. – 120 с.
11. Скала А.В. Церковь в узах; история Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917–1991) / – ОАО "ИПК «Ульяновский Дом печати», 2007. – 968 с.
12. Цыпин В. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М.: Изд-во Сретенского монастыря. – 2010. – 839 с.
13. Чуканов И. Симбирские концентрационные лагеря / Симбирский курьер. – 08.07.1997. – № 79.

УРОВНИ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Звонкина О.П.

аспирант кафедры социальных технологий Института управления,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье рассматривается социальное доверие на мезо- и микроуровнях местного сообщества – социальной системы, функционирующей за счет собственных интегральных качеств и во многом основанной на социальном доверии.

Ключевые слова: социальное доверие, социальный капитал, институциональное, межличностное доверие, системный подход.

Социальное доверие как качествообразующий элемент социального капитала широко исследуется в социологическом поле и имеет давнюю историю. Мысль о главенствующей роли доверия в устройстве эффективного государства и продуктивной экономики, высказывали в свое время и Аристотель и Платон, акцентируя внимание на важности социализации и добродетели в создании основ эффективного общества. Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах философов и социологов.

Логика развития теоретического исследования социального доверия берет начало с изучения местного сообщества, через соотношение ключевых понятий Ф. Тённиса «общество» и «общность» [6] и социального капитала М. Вебера [1], показавшего типы доверительных отношений, в основе которых – ценностно-рациональное отношение, основанное на вере в безусловную ценность и традиционное, основанное на длительной привычке, поведение. Такое понимание доверительных отношений с точки зрения рациональности было развито в концепциях экономического человека и экономического поведения. Дж. Коулман [4] развил концепцию влияния доверия на развитие структур гражданского общества.

Проблема социального доверия как элемента социального капитала может быть интерпретирована в рамках системного подхода, но и его использование нуждается в обосновании. Данный вид системного подхода реализован в теории солидарности Э.Дюркгейма. Общие ценности и нормы, принимаемые отличными друг от друга индивидуумами, солидаризируют общество, стимулируют сотрудничество и доверие, что, в свою очередь, спасает общество от рисков саморазрушения [3].

Т. Парсонс разработал методологию изучения доверия по направлениям социальной системы: воспроизводство «образцов системы», интеграция системы, адаптация к условиям окружающей среды, самоорганизация. Он рассматривал социальное доверие как защиту общественных отношений от негативных процессов в сфере экономики и политики, что делает возможным укрепление существующего социального порядка. При этом личность и общество социолог рассматривал как взаимодополняющие системы [5].

Классическая системная теория дает понимание построения общества как социетальной системы, но не дает возможности понять весь механизм взаимовлияния ее подсистем и доверия как фактора социального капитала. Э. Гидденс в рамках интегральной социологии выделил персонифицированное доверие и доверие к абстрактным системам («анонимным другим»). Доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества в рамках формальных и неформальных институтов гражданского общества, становится основой для создания не только общенациональной сети его институтов, но и содействует усилению доверия к действующим политическим институтам. Именно доверие, по мнению Гидденса, к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе «позднего модерна» – обеспечение ощущения надёжности повседневных взаимодействий. Персонифицированное же доверие выступает как «источник чувства честности и аутентичности себя самого» [2, с.145-155].

Социальное доверие – результат практик членов местного сообщества, то есть, следуя методологии Гидденса, на социальном доверии конструируются социетальные структуры, что подразумевает макроуровень (условно – государство), мезоуровень (условно – регион, муниципальные образования, локальные сообщества). В данном случае мы говорим о трансформации повседневных практик, основанных на личностном доверии, в институциональные формы социального доверия. Институциональное доверие – основа тех обществ, где государство генерирует и поддерживает правила игры. В связи с этим, главным аспектом институционального доверия следует считать доверие к государственным структурам, поддерживающим порядок и «правила игры», – на уровне государства – к Президенту, правительству, законодательным структурам, на уровне региона – к органам региональной и местной власти.

По сути, уровень социального доверия демонстрирует значимость социального капитала в национальной и региональной экономике, с приумножением которого социологи и экономисты связывают успех модернизации стран догоняющего развития (включая Российскую Федерацию). Один из авторов концепции социального капитала Дж. Коулман пояснял в отношении социального капитала, что он создается не отдельным индивидом, а в целом, обществом [4, с.121-139]. Эту идею развил Ф. Фукуяма, считавший развитие социального капитала общества результатом доверия между его членами [7, с. 52].

Мезоуровень, на котором формируется и развивается социальное доверие, а именно – местные сообщества, понимается как социальная общность людей, объединенная нормативно (территориально и статусно) и самообобщенная единым интересом и солидарной ответственностью в решении вопросов жизнеобеспечения, безопасности, иных вопросов местного значения. По существу, местное сообщество – структурированная социальная система, функционирующая за счет собственных интегральных качеств, во многом основанная на социальном доверии.

Социальное доверие на мезоуровне предполагает доверие к тем структурам, которые регулируют жизнедеятельность местного сообщества. развитию социального капитала и далее – инновационному социально-экономическому развитию местного сообщества. Пока стоит говорить о явном преобладании социального доверия на микроуровне в конституировании социального пространства местного сообщества посредством социальных практик. Чем больше обязательств накоплено в обществе, тем более высоким является уровень взаимности и, соответственно, уровень социального капитала. Именно через социальный капитал поддерживается порядок в обществе на основе доверия, взаимоуважения, учет индивидами не только частных, но и общественных интересов. От запасов социального капитала зависит эффективность функционирования формальных институтов и качество управления. Формальные институты и социальный капитал взаимодополняют друг друга, поскольку призваны решать общие задачи, а при достаточном запасе социального капитала потребность в государственной регуляции значительно сокращается. Самой важной функцией социального капитала является защита «общественного блага» и действенный контроль над властью.

Список литературы

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма : Избр. произв. / М.Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 61-272.
2. Гидденс, Э. Последствия современности. М.: Издательская консалтинговая группа «Праксис», 2012. 478 с.
3. Дюркгейм, Э. Социология. М.: Канон, 1995. 349 с.
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. №3. С. 121-139.
5. Парсонс, Т. О социальных системах. М.: Академический проспект, 2002. 832 с.
6. Тённис, Ф. Община и общество / Под ред. Чесноковой В.Ф. М.: Изд-во «ОГИ», 2010. 856 с.
7. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст]. М.: Издательство АСТ. 2004. 489 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ТУРИЗМЕ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ

Леухин А.Н.

доцент кафедры мировой экономики и финансов, канд. социол. наук, доцент,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

В статье рассматривается уровень развития индустрии туризма в СССР и в современной России, проводится сравнение показателей роста внутреннего и въездного туризма. Отмечается устойчивость смешанных экономик в условиях кризиса мир-систем, показано значение социокультурного пространства в формировании высокоэффективных предприятий туризма с высоким уровнем государственного участия.

Ключевые слова: индустрия туризма, институционализация, стабильность, смешанная экономика, государственное участие, социокультурное пространство.

До момента установления рыночных отношений в России, туризм ассоциировался преимущественно со сферой рекреации, а не с отраслью экономики, которая должна приносить доход.

Вместе с тем туристские услуги относились к комплексу отраслей социально-бытовой инфраструктуры в составе непроеизводственной сферы единого народнохозяйственного комплекса страны, выступающей в качестве одного из действенных и эффективных источников решения проблем отдыха населения. Индустрия туризма представляла собой в 1989 г. «автономную, социально-ориентированную и высокоразвитую сферу услуг», располагающую астрономической для того времени «суммой за предоставленные услуги – 5,5 млрд руб.», то есть приблизительно 550 млрд руб. в пересчёте на современный курс [1, с. 11]. На выездной туризм в этот период приходилось всего около 0,4% турпотока, что не могло существенно повлиять на общую сумму вырученных денежных средств, полученных от внутреннего и въездного туризма.

К сожалению, эйфория первоначального накопления капитала привели не к умножению достигнутого уровня туристского производства, а к распаду некогда единого туристского пространства страны. Показатели внутреннего и въездного туризма в России превзошли советские только через 20 с лишним лет. Так, в 2013 г. оборот от туризма по внутренним направлениям составил 20 млрд долл. или около 650 млрд руб., тогда как в 2010 г. – более 260 млрд руб. [2].

Институционализация внутреннего туризма в условиях трансформации протекала достаточно напряженно. Инфраструктура туризма устарела, часть её была распродана и использовалась не по назначению, часть – пришла в запустение и забыта. Долгие годы внутренний туризм в России был на «вторых ролях». Всё внимание, главным образом, уделялось выездному туризму.

Отрыв от корней, разрыв с традицией, приверженность к слепому копированию привели к преобладанию в духовной сфере общества инаковых идей, образов и смыслов. С потерей контроля над смыслами в идеологическом пространстве образовался вакуум, который довольно быстро был наполнен образами потребления, в которых заграничным поездкам уделялось едва ли не основное внимание [3, с. 121]. Отдыхать за рубежом стало модно, престижно. Отток капитала из страны составил порядка 50 млрд долл. в год, что просто невозможно было себе представить в советское время [4].

Государство осознавало всю пагубность сложившейся ситуации, но было ограничено в своих действиях, навязанной извне экономической моделью развития. И только введение странами Запада экономических санкций заставило руководство нашей страны вернуться к проблеме развития внутреннего туризма. На волне патриотического подъёма у населения России «появился большой интерес узнать свою страну», сложилось «понимание как мало мы ее знаем» [4]. Сейчас мы можем наблюдать постепенное возвращение к традиционной модели развития, к сложившейся системе норм (соборность, коллективизм, патриотизм), слом которых мы наблюдали в 1990-х годах.

И это совершенно справедливо, ведь по большому счету фундамент хозяйственно-бытового уклада жизни людей составляет идеологически обусловленный взгляд на мир, где «дух хозяйства есть опять-таки не фикция..., но историческая реальность» [5, с. 68]. Международный опыт показывает высокую стабильность смешанных экономик, даже в турбулентном режиме внешних зависимостей национальных производств. Свидетельствует о целесообразности учёта цивилизационного контекста, указывает на сильные стороны социально-экономических моделей с высоким уровнем государственного участия в условиях динамично развивающихся мир-систем.

Органичный сплав идеологии и экономики, социальных установок и ценностных ориентиров общества приводит «к значительному расширению социокультурного пространства, способствует экономическому, политическому, социальному, духовно-нравственному развитию нации» [6, с. 227]. Примером тому могут служить государственные предприятия туристической Республики Беларусь («Минсктранс», «Центркурорт», «Белинтурист», «Беларустурист»), которые показали свою эффективность и продолжают сегодня успешно функционировать.

Можно задаться вопросом: а что было бы, если бы статус-кво российских турпредприятий с государственным участием был сохранён? Думается, что эффективность смешанных форм хозяйствования и разумный протекционизм пошли бы на пользу отечественной экономике, способствовали бы её росту в условиях кризиса. Индустрия туризма не является здесь исключением.

Список литературы

1. Гуляев В.Г. Туризм: экономика и социальное развитие. М.: Финансы и статистика, 2003. 304 с.
2. Туристические услуги (рынок России) // Портал выбора технологий и поставщиков «Tadviser». 2014. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php...> (дата обращения: 24.06.2016).
3. Леухин А.Н. Феномен туристско-институционального пространства: опыт социологического анализа в регионе. Астрахань: Астраханский университет, 2008. 232 с.
4. Сафонов О. Наши туристы вывозили за рубеж порядка \$50 млрд в год // Официальный сайт журнала «Forbes». 2016. URL: <http://www.forbes.ru/kompani...> (дата обращения: 25.06.2016).
5. Булгаков С. Очерки по истории экономических учений. М., 1913. 240 с.
6. Бабосов Е.М. Общая социология. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 640 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АКТИВНЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА В РОССИИ

Леухин А.Н.

доцент кафедры мировой экономики и финансов, канд. социол. наук, доцент,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

В статье рассматриваются проблемы развития в России активных видов туризма, которые обладают в современных условиях огромным компенсаторно-оптимизирующим потенциалом. Развитие активного туризма позволяет стимулировать высвобождение твор-

ческих энергий народа, проявлять активную гражданскую позицию, способствовать исправлению кризисных искривлений институциональной системы.

Ключевые слова: активный туризм, социальная солидарность, импортозамещение, компенсаторно-оптимизирующая функция, институциональный потенциал.

В советский период «экономико-рекреационный» комплекс России представлял собой автономную, социально-ориентированную и высокоразвитую сферу услуг. Спортивный и познавательный туризм развивался в пять раз быстрее лечебных и оздоровительных видов рекреации: 70% граждан предпочитали активный отдых – пешие, конные, байдарочные и горные туры.

Спортивный или самодеятельный туризм – это уникальное явление, порожденное русским духом, менталитетом [1]. По разным оценкам в 1980-е гг. примерно 8-10 млн. человек было вовлечено на постоянной основе в массовый спортивный туризм. Этот вид туризма способствовал не только оздоровлению его участников, но и расширению диапазона их знаний, как спортивных, научных, краеведческих, так и житейских, созерцательных, что раскрывало душу, закаляло характер, вырабатывало стойкость и «не давало молодому поколению зачерстветь душой» [2, с. 4]. Следует также отметить, что спортивные туристские секции были одними из самых демократичных организаций в то время: в них плечом к плечу занимались и ходили вместе в походы инженеры и рабочие, представители партноменклатуры и интеллигенции, медработники и учителя, спортсмены и любители.

И сегодня активные формы туризма могут играть большую роль в укреплении социальной солидарности между людьми [3, с. 241]. В активном туризме основными условиями похода являются: духовное единение членов туристской группы, соединение человека и природы, стремление испытать себя, познакомиться с новыми людьми, узнать много нового и интересного о родной земле и населяющих ее людях, представителях животного мира.

По мнению «туриста со стажем», сотрудника одной некогда известной компании В. Пучкина: «на определенном этапе тура клиент понимает, что «трудовой», лично достигнутый некатегорийный перевал ближе к сердцу и даёт намного больше ощущений ранее непознанной остроты и силы, нежели высокогорная панорамная точка, «покорённая» при помощи автотранспорта в качестве пассажира. Турист ощущает, что после затраченных усилий походная каша становится вкуснее ресторанных яств. Чувствует, что брызги в лицо и накрывающая в пороге волна производят совсем другое впечатление на организм», нежели экстремальные аттракционы в парках отдыха. «Свежий воздух горных вершин или речных перекатов – совсем другая субстанция, другая атмосфера, нежели дачный «свежий воздух». Приходит также осознание того, что человек, с которым пережил недельный поход, отчего-то намного ближе, чем многие друзья и даже родственники. Поход, путешествие, активный тур – это выход из обыденности в другое измерение» [4, с. 61].

Как считает сотрудник туристической компании «Русский Экспресс» Е. Ермакова – разнообразные виды активного и спортивного туризма «вырабатывают стремление к победе, к победе честным путём и своими силами. Здесь необходима особая психологическая настройка... – ведь иной раз других вариантов – просто нет. Активный туризм – это хорошая школа для выработки командного духа, выносливости, большая работа над собой: собранность, ответственность... за тех, кто вместе с тобой, кто тебя поддерживает, кто за тебя болеет» [5, с. 102]. Как бы ни было тяжело – надо сжать зубы и идти вперёд.

Более категоричен директор компании «Братья Говор» В. Говор. По его убеждению, активный туризм – включает всё: от «шахматных» тактических решений до «запредельной гонки» в просчитанный миг безопасного времени прохождения. Поэтому те (немногие) турфирмы, которые работают в узком сегменте активного туризма, не вписываются сейчас в «туристский бизнес по-чиновничьи». У них нет многомиллионных оборотов, так как они являются продолжателем российского социального туризма, связанного, прежде всего, с природной средой, а не со средствами размещения. Нельзя не согласиться с мнением В. Говора, который утверждает, что «Россия, имея такие огромные незаселённые территории, просто обречена на развитие... активных видов туризма (например, спортивного туризма) в любых его видах и формах, поскольку это национальный, и отличающийся от западного вид спорта, физической культуры и активного отдыха. У него есть славное историческое прошлое и огромное будущее», особенно теперь – в условиях экономических санкций и импортозамещения [5, с. 103].

Интересно, но по данным ЮНВТО, именно активные виды туризма развиваются сейчас в мире наиболее высокими темпами. В финансовом плане активный туризм может быть ориентирован на различные сегменты рынка. И кроме того, – заточен на реализацию компенсаторно-оптимизирующей функции социального института туризма, основной целью которой является исправление кризисных искривлений институциональной системы, формирование активной гражданской позиции россиян по жизненно важным для страны вопросам.

Список литературы

1. Алексеев А.А. Из истории самодеятельного туризма в России // Официальный сайт «Поход в лес». 2012. URL: <http://www.pohodvles.ru/other/iz-istorii-samodeyatelnogo-turizma-v-rossii> (дата обращения: 23.06.2016).
2. Шилова Т. Где вы отдыхаете этим летом? // Астраханский турист. 2007. № 31. С. 4.
3. Леухин А.Н. Организация самодеятельного туризма как важнейшая составляющая развития индустрии туризма в Астраханской области // Наука: поиск, 2004. Вып. 2. Т. 1. С. 240-244.
4. Пучкин В. Активный туризм: другое измерение // Турбизнес. 2007. № 7. С. 61.
5. Мы хотим все рекорды // Турбизнес. 2007. № 7. С. 100-103.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

Песоцкая Е.Н.

доцент кафедры философии Историко-социологического института,
канд. философ. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Национальный исследова-
тельский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва»,
Россия, г. Саранск

Белова Л.А.

доцент кафедры нормальной и патологической физиологии
с курсом гигиены Медицинского института, канд. мед. наук, доцент,
ГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государ-
ственный университет имени Н.П. Огарёва», Россия, г. Саранск

Макарова Ю.А.

доцент кафедры нормальной и патологической физиологии с курсом гигиены
Медицинского института, канд. мед. наук, ФГБОУ ВО «Национальный иссле-
довательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва»,
Россия, г. Саранск

Шамрова Е.А.

доцент кафедры нормальной и патологической физиологии
с курсом гигиены Медицинского института, канд. мед. наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государ-
ственный университет имени Н.П. Огарёва», Россия, г. Саранск

Представлена актуальность парадигмы целостности вещественной и информационной реальности, её методологическое значение для целостного изучения социоприродных свойств человека. Показано, что на современном этапе развития науки моделирование и методологическая интеграция современных представлений о социальных феноменах в контексте данной парадигмы содержит перспективу, связанную с применением категорий и подходов естествознания, с их параметрическим анализом и общефилософской интерпретацией. Рассматривается социокультурная телесность человека как основного объекта такого познания, соединяющего разные методологические установки, когнитивные возможности и использующего общенаучные категории «информация», «система» и «вероятность» как общесвязующие.

Ключевые слова: естественнонаучное и гуманитарное знание, информация, язык описания, физикализм, система, теория управления, личность, синергетическая модель, принцип взаимодополнительности знания, вероятность, парадигма.

Современный этап интеграции научного знания содержит тенденцию к преодолению границ между классическими разделами знаний. Формируются объекты познания, включающие физико-химические, биосоциальные, психологические, технические составляющие. Подобные объекты представляют собой производные трансдисциплинарной интеграции знания,

что предполагает постановку новых задачи для методологии науки. Они касаются разработки концептуальных средств интеграции и объединения в единую теорию описания физических, биологических, психических, социальных, технических свойств объекта, а также таких языков описания как физикалистский, для которого оперативными являются понятия массы, энергии, пространственно-временных отношений, и социогуманитарный, где оперативными становятся понятия смысла, цели, желания, интереса, воли и др. Между описательными системами понятий и категорий не содержатся прямые логические связи, что создаёт сложности языкового единства в комплексном описании и исследовании объектов, в частности, живой, органической субстратной сложности. Таким объектом является человек.

Как объект антропологического познания и практики человек обладает не просто физическим телом, но и социокультурной телесностью, которая рассматривается в качестве субстрата его социальных и личностно-духовных свойств. По этой причине антропологическое познание содержит естественнонаучные и гуманитарные элементы. Между естественнонаучными и гуманитарными знаниями существуют глубинные теоретико-методологические различия, впервые исследованные неокантианцами и представителями школы «философии жизни». Различия этих двух областей знания таковы, что их соединение в человекознании пока носит лишь комплексный характер, что не позволяет оперировать завершённой, целостной картиной человека, практически востребованной, например, в естественнонаучном и медицинском познании.

Целью исследования в настоящей работе стал анализ методологических подходов в области человекознания, объединяющих достижения естествознания и социогуманитарных дисциплин [6; 8] таким образом, что на современном этапе его развития формируется интегративная антропология как «синтетическая» наука, сфокусированная на изучении соматопсихической, организменно-средовой и личностно-социокультурной целостности, существующей в пределах иерархических уровней [1, с.1297]. Это обеспечит методологический синтез философского и научного знания о человеке в единую и универсальную познавательную картину.

Материалы и методы: методом контент-анализа, общенаучными методами, комплексным системным методом применительно к описательному (в социогуманитарном познании) и объяснительному (в естественнонаучном познании) подходам осуществляется методологический синтез и интеграция когниции. Термин «интегральный» употребляется как единый общенаучный взгляд на человека и как подход, соединяющий разные методологические установки, когнитивные возможности. Благодаря этому общенаучные категории используются как общесвязующие.

Результаты и обсуждение. В процессе изучения когнитивных аспектов интеграции естествознания и социогуманитарных дисциплин в развитии человекознания, а также взаимодополнительности их средств, авторы исходили из того, что методологическим центром теории управления в настоящем служит представление о ситуационности конструктивной деятельности чело-

века, что означает её функциональное понимание из особенностей субъекта управления как живого организма, включенного в определённую ситуацию, с присущими ему нелинейными обратными связями. Синергия последних относится и к социальной организации [5, с. 194-195], что конкретизирует и дополняет антропоморфные основания этих связей.

Процессуально личность, занимая определённое положение в социальном пространстве как системе координат, может определяться в терминах динамики развития социальной группы, характеризуясь при этом интенсивностью и эффективностью социального взаимодействия в различных его формах. Эффективность и интенсивность характеризуют особенности сферы мировоззрения личности, посредством которой образуется все социальные связи. Вписываясь одновременно в совокупность социальных групп как в систему взаимодействия, личность, как социально целеориентированная система вступает в большее количество социальных отношений. Это означает осуществление большей работы против равновесия в рамках целенаправленной деятельности. Кроме того, в состоянии подвижного равновесия социальных агрегатов и их ориентированной перегруппировки сложная природа личности тяготеет к постоянному изменению. Исходя из информационно-вещественной парадигмы система общественных связей является иерархическим соподчинением диссипативных структур биосубстрата (либо социального комплекса, существующего в состоянии устойчивого неравновесия), обеспечивающем целостность поведения на фоне информационного изменения. Человек сложнее социальной группы, поскольку его нелинейность выше и воплощается в его свободе.

Отметим, что принадлежность социального индивида к коллективным единствам (к семье, к государству, к церкви, к профессии, союзу, etc.) полно исследована П. А. Сорокиным [7, с. 381]. Показана его включенность во множество систем взаимодействия и коллективных единств [Там же. С. 594]. В итоге понятие сложного социального агрегата, которым является всякое население, используется как систематизирующее. Среда также содержит множество потенциальных состояний, актуализирующихся не без влияния и действия социальных субъектов.

Описание системы посредством параметров порядка и принципа подчинения отразило сущность модели функциональной системы в XX столетии. Позднее составляющей функциональной модели становится принцип циклической причинности, т. е. появляется синергетическая модель, включающая представление о параметрах порядка, принцип причинности, и, наконец, принцип циклической причинности. Антропоморфность процесса заключается в том, что параметры порядка представляют собой нахождение определённого консенсуса между отдельными элементами системы [5, с. 182]. В действительности же, только некоторые параметры порядка и некоторые связанные с ними возможности для осуществления определённых состояний отражают ситуацию наличия в сложных открытых системах только некоторых структур, согласованных с поведением элементов. С позиций функционального подхода параметры порядка в совокупности с циклически-

ми процессами становятся способом построения самоорганизующейся системы и типом включения отдельного элемента в целое (в процесс поведения, мышления и т. д.).

Но всякое предпринимаемое действие определяется условиями окружающей природной среды и может оказаться, что оно отклоняется от того направления, которое было первоначально задано. В сложных сетях природного и социального взаимодействия установлена взаимная детерминация любого нелинейного действия с его результатом. [5, с. 197]. Человек интерактивен в социальной среде, где возможности его связаны с индивидуальными особенностями его самоорганизации.

Как показано П. К. Анохиным в его физиологических построениях, качество приспособительного эффекта определяет динамику объединения и направление деятельности функциональной системы [2, с. 77] и непосредственно связано с информацией в ЦНС. Философский анализ особенностей и разнообразия информации как основы самоуправляемости и любых систем, как и социоприродных явлений, предложен в 2011 г. российскими учёными [3; 4]. Информация в ЦНС индивида была представлена: во-первых, как «необходимая и достаточная для формирования необходимого единства информации (абстракция тождества и различия) и формирования экономии средних кодов информации; во-вторых, как основание для синтезов в интеллекте...» [4, с. 350-352]. Реальность всегда содержит огромный объём естественной и искусственной информации, что и обеспечивает информационность и устойчивость этой первой. Информация определяется как вероятностная характеристика возможности появления событий как событий случайных при определённых условиях [Там же. С. 350], становится системообразующим фактором самоорганизации и управляемости системы. Как когнитивный диссонанс в форме персональных концептов (выявляющих расхождение опыта и синтезов в интеллекте, опыта и восприятия) она требует переосмысления необходимой информации, её переоценки и переинтерпретации, что и есть процесс непрерывного изменения.

Ведущее значение для настоящего исследования имеет и то, что информация рассматривается и как вероятностный конструкт, создающий когнитивный диссонанс и порождающий эмоциональные аффекты познания личности. Несоответствие опыта и восприятия продуцирует генез информации вообще в интенции к истине, экспрессии и мотивации познания истины [Там же. С. 351]. Принадлежность социальных субъектов (личности, коллективов и др. как специфически эмпирических объектов) к открытому классу систем означает применимость к ним частотной интерпретации вероятности с начала XX в., субъективной и персоналистской со второй половины XX в. Научно-практическая интерпретация вероятности происходит по принципу взаимодополнительности и связана с прагматической оценкой деятельности (интерпретации опираются на формально-аксиоматическое построение теории вероятности).

Оригинальная философская интерпретация вероятности Б. Расселом целевая по сути, и толкуется таким образом, что «любое понятие, которое

удовлетворяет требованиям аксиом, может рассматриваться как понятие, которое само есть математическая вероятность» [9, с. 326]. Логически различаются математическая и целевая вероятности, и их связь, соответственно, с пропозициональными функциями, статистикой (параметрический аспект, переменные, степень полноты), и с высказываниями [Там же. С. 363], что имеет праксеологическое значение. По мнению автора, Расселом представлено рассмотрение отношения вероятности и истины, или некоей «действительной вероятности» [Там же. С. 364] как практическое руководство к деятельности и социальная ценность. Подобная вероятность учитывает нечто широкое, целиком лежащее вне сферы математической вероятности, неопределённое (как информационно многозначное), имеющее отношение к истине и всему, что связано с ней. Её признаком названа степень (полнота) объективного доверия, сопряжённая с человеческой рациональностью и эмпирической проверкой информации. Выделение в ряду вероятностей сомнительности, представление о вероятности как «рациональной вере» (производного от знания), а также вопроса об основаниях вероятности (принцип недостаточного или индифферентного основания) [Там же. С. 398] имеет отношение к рациональной и иррациональной сферам личности одновременно.

Заключение. Анализ авторских и литературных данных показывает, что в современной гуманитарной и естественнонаучной парадигмах широко исследуются рациональная и иррациональная сферы, индивидуальность и субъективный мир личности, диалектичность её мышления как условие самореализации субъекта. Данное условие отражает логику возникновения и развития объекта и связано с классическим пониманием вероятности как «меры физической возможности» [10, с. 243], или энергии, достаточной для реализации возможности. С позиции аксиоматического подхода вероятность – неотрицательная мера на некотором пространстве, подчинённом определённому условию нормировки [Там же. С. 271], т. е., феномен динамический.

Научная практика использования категории информации как интегрирующей, снимает противоречие понятий материального и идеального в мировоззрении, в трактовке эволюции социоприродных явлений и феноменов, объединение естественнонаучной и гуманитарной парадигм. Разработки в опытном и теоретическом естествознании и гуманитарных науках В. И. Волченко, А. П. Дуброва и др. показали важность принятия парадигмы целостности вещественной и информационной реальности, что носит методологическое значение для целостного изучения его социоприродных свойств и сознания. Открытие законов синергетики привело к пересмотру взглядов на фундаментальное взаимодействие в природе и обществе, на сценарии социального развития человека как объекта и источника информации. В целом это отражает потребность в более глубоком изучении и новой интерпретации процессов информационного обмена внутри общества. Исследование фундаментальных механизмов существования социальной деятельности означает выделение базовых элементов социального взаимодействия и изучение специфики носителя этой деятельности. Перспективной в человекознании и ис-

следовании социальных феноменов является концепция социального взаимодействия как информационного обмена. Здесь элементарный межакторный обмен социальной информацией интерпретируется как базовый механизм социального взаимодействия, аналогичный другим видам взаимодействия в природе. Как мы полагаем, информация суть явления субстанции энергии, которые взаимосвязаны в процессе самоорганизации, управляемости системы и продуцирования разнообразия, свободы конструирования, творчества и свободы человека, а также иных его качеств. Таким образом, моделирование и методологическая интеграция современных представлений о человеке и социальных феноменах содержит перспективу, связанную с применением естественнонаучных категорий и подходов, их философской интерпретацией, с применением категории информации и комплексного подхода.

Список литературы

1. Алексеев А. А. Интегративная (системная, семейная) соединительнотканная медицина: Т. 3. М.: ЛЕНАНД, 2005. – 528 с.
2. Анохин П. К. Теория функциональной системы как предпосылка к построению физиологической кибернетики // Биологические аспекты кибернетики. Сб. работ под ред. А. М. Кузина. – Изд-во АН СССР. М. 1962. – С. 74-91.
3. Бакаева Ж. Ю. Отражение и истина в феномене информации. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2009. – 112 с.
4. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Эстетика в 2 т. / А. А. Гагаев. П. А. Гагаев. – Саранск, 2011. – Т. 2, Ч. 3-5. – 608 с.
5. Сорокин П. А. Система социологии / П.А. Сорокин; сост. и ком. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – 1008 с.
6. Князева Е. А., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
7. Корольков А. А., Петленко В. П. Философские проблемы теории нормы и патологии в медицине. – М.: Медицина, – 1977. – С. 358-360.
8. Песоцкая Е.Н. Естественно-научные основания теории социальной активности личности. / Под ред. проф. А. А. Гагаева. – Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 40 с.
9. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы: Пер. С англ. – Ника-Центр, 2001. – 560 с.
10. Философия математики и технических наук. Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева: учеб. пособ. для вузов – М.: Академический Проект, 2006. – 779 с.

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ НАДЁЖНОСТИ РАБОТЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА В ДОРОЖНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Попов Б.И.

адъюнкт кафедры автодорожной службы,
Военная академия материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В. Хрулева, Россия, г. Санкт-Петербург

Предложена модель оценки надёжности работы персонала на должностях, связанных с управлением дорожным хозяйством, основанная на количественной оценке уровня квалификации управленческого персонала и его влияния на время выработки

решений. В предлагаемой модели учитываются изменения профессионализма должностных лиц с увеличением времени работы в занимаемой должности, а также степень слаженности работы аппарата управления.

Ключевые слова: дорожное хозяйство, управление, квалификация, принятие решения.

В Российской Федерации, как и в других развитых странах, транспорт является одной из крупнейших базовых отраслей хозяйства, важнейшей составной частью производственной и социальной инфраструктуры.

Решение задач совершенствования структуры управления дорожным хозяйством, оптимизации состава органов управления связано с реформированием кадровой политики в дорожном хозяйстве, ориентированной на привлечение квалифицированных кадров, стимулирующей профессиональную подготовку, повышение квалификации работников и уровня оплаты их труда для обеспечения более высоких показателей производительности труда. Для реализации указанных мероприятий необходимо обеспечить разработку общих принципов и рекомендаций по упорядочению и формированию состава органов управления дорожным хозяйством, ориентированных на повышение результативности деятельности [6, 9].

Решению задач совершенствования транспортной инфраструктуры в последнее время посвящён ряд научных трудов [1, 3, 10, 11]. Особенно необходимо выделить работы связанные с совершенствованием структуры управления дорожным хозяйством, дорожным движением, оптимизацией состава органов управления [2, 4, 5, 7, 8].

В [8] был предложен подход к оценке управленческого персонала в дорожном хозяйстве, позволяющий рассчитать требуемый уровень квалификации должностных лиц и в соответствии с этим подобрать управленческий персонал с заданным набором квалификационных признаков.

Однако одного измерения квалификации управленческого персонала недостаточно, необходимо количественно оценить связи и отношения между квалификацией и временем выработки решений.

В ряде научных работ принимается допущение, что чем больше времени на принятие решения, тем оно качественнее (надёжнее). Математическое описание системы с такими свойствами выглядит следующим образом

$$H(t) = e^{-\frac{\mu}{t}}, \quad (1)$$

где e – основание натуральных логарифмов;

t – время от получения задачи до принятия решения;

μ – постоянная величина, характеризующая качество решения.

Рассмотрим подробнее параметр μ .

В соответствии с законом необходимого разнообразия, сформулированным У.Эшби [12], и результатами последующих исследований производительность труда управленческого работника пропорциональна его квалификации.

Следуя этому утверждению, величину μ можно интерпретировать как непроизводительные затраты времени исполнителя в течении 1 часа, обусловленные его недостаточной квалификацией. Численное значение μ определяется по выражению:

$$\mu_j = 1 - Y_j^k, \quad (2)$$

где Y_j^k – уровень квалификации j -го должностного лица (величина производительных затрат времени в течении одного часа).

Зависимость (1) позволяет количественно оценить качество решения, принимаемого каждым специалистом в заданное время, а также определить время, необходимое каждому должностному лицу для выработки решения заданного качества.

Чтобы учесть при оценке влияния квалификации дефицит времени на принятие решения, целесообразно задавать его требуемое качество не числом, а функциональным отношением:

$$e^{-\frac{\mu_3}{T_3}} = e^{-\frac{\mu_j}{q_j T_3}}, \quad (3)$$

где μ_3 - непроизводительные затраты (потери) эталонного специалиста в течение одного часа ($\mu_3 \leq 0,1 \dots 0,2$);

T_3 – заданное время принятия решения;

q_j – коэффициент, учитывающий дополнительные затраты времени j -го исполнителя для выработки решения требуемого качества.

После преобразования зависимости (3) выражение для расчёта q_j можно представить в виде:

$$q_j = \frac{\mu_j}{\mu_3}. \quad (4)$$

Тогда формулу для определения фактического времени принятия решения j -м должностным лицом можно записать следующим образом:

$$t_j = \frac{\mu_j}{\mu_3} T_3. \quad (5)$$

Однако уровень квалификации специалиста не остаётся неизменным. Его профессионализм растёт с увеличением времени работы в занимаемой должности, причём этот рост имеет экспоненциальный характер. Учитывая сказанное, формулу (5) можно представить в виде:

$$t_j = \frac{\mu_j \exp\left(-\frac{\tau_j}{T}\right)}{\mu_3} T_3, \quad (6)$$

где τ_j – время работы j -го должностного лица в занимаемой должности;
 \bar{T} – среднее время приобретения практических навыков должностными лицами.

Кроме квалификации, время принятия управленческих решений зависит от степени слаженности работы должностных лиц аппарата управления. Это влияние также проявляется через производительность труда управленческого персонала. Чем ниже степень слаженности, тем больше непроизводительные затраты времени каждого исполнителя и наоборот. Следовательно, влияние степени слаженности на время выработки управленческих решений может быть учтено через параметр μ . Для этого воспользуемся предположением об экспоненциальности процесса изменения величины μ_j в зависимости от времени работы данного должностного лица в данном аппарате руководства τ_j' . При среднем времени слаживания аппарата руководства $\bar{T}_{сл}$ выражение для определения μ_j на любой момент времени t будет иметь вид:

$$\mu_j = \mu_j^0 e^{-\frac{\tau_j'}{\bar{T}_{сл}}}, \quad (7)$$

где μ_j^0 – величина непроизводительных затрат времени j -го специалиста при $\tau_j' = 0$.

Таким образом, окончательная зависимость для определения фактического времени принятия решения j -м должностным лицом примет вид:

$$t_j = \frac{\mu_j \exp\left(-\frac{\tau_j \bar{T}_{сл} + \tau_j' \bar{T}}{\bar{T} \bar{T}_{сл}}\right)}{\mu_j} T_3. \quad (8)$$

Полученная формула в совокупности с вышеизложенным способом расчёта уровня квалификации управленческого персонала представляет собой формальную модель для оценки надёжности работы должностных лиц. Её наличие даёт возможность спрогнозировать динамику изменения качества работы управленческого персонала, определить сроки достижения частичной или полной работоспособности каждым должностным лицом. В случае, если эти сроки будут неудовлетворительными, имеется возможность определить перечень фактических мероприятий, направленных на их снижение. При этом формула (8) позволяет рассчитать требуемый уровень квалификации должностных лиц и в соответствии с этим подобрать управленческий персонал с заданным набором квалификационных признаков. Имея такую модель можно оценить эффективность практических мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональной подготовленности управленческого персонала.

Полученные зависимости имеют основополагающее значение для исследования работы системы управления дорожной отраслью, поскольку они

позволяют определить функциональные соотношения между качественным составом и надёжностью работы этих систем.

Список литературы

1. Вылегжанин, Р.С. Перспективы развития контейнерных перевозок в транспортной системе Российской Федерации. // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016, № 2-3. – С. 18-21.
2. Егошин, А.М., Ворончихин Н.В. Реализация принципов адаптивного управления дорожным движением на участках с ограниченной пропускной способностью. // Вестник гражданских инженеров. – 2010, № 3. – С. 134-137.
3. Ермошин, Н.А., Болгаров, Н.И. Моделирование условий неопределённости функционирования и развития транспортно-логистических систем в целях обеспечения их экономической безопасности. // Строительные и дорожные машины. – 2014, № 6. – С. 30-35.
4. Ермошин, Н. А. Обеспечение гибкости производственной структуры дорожно-строительных организаций. // Современные проблемы науки и образования. – 2013, № 5.
5. Ермошин, Н. А. Проектирование производственной структуры дорожно-строительных организаций с учетом неопределенности структурообразующих факторов. // Дороги и мосты (сб.). – Вып. 27. -М.: ФГУП РОСДОРНИИ, 2012. – С. 32-41.
6. Основы концепции реформирования дорожного хозяйства Российской Федерации (проект).
7. Попов, Б.И. Анализ методов оценки квалификации специалистов для комплектования управленческих должностей в дорожной отрасли. // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения. – 2015, № 4. – С. 134-136.
8. Попов, Б.И. Подход к оценке управленческого персонала в дорожном хозяйстве. // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016, № 2-5. – С. 29-35.
9. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 года № 1734-р.
10. Хамидов, Д.А. Проблемы проведения реконструкции и ремонта автомобильных дорог. // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016, № 2-3. – С. 123-127.
11. Шувалов, О.А. Анализ эксплуатационных и технических требований к автомобильным дорогам общего пользования. // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016, № 2-3. – С. 150-152.
12. Эшби, У.Р. Введение в кибернетику. Пер. с англ. Д.Г. Лахути под ред. В.А. Успенского. – М.: URSS ЛЕНАНД, 2014. – 432 с.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Савченко М.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье повышение эффективности социальной работы рассматривается в качестве одного из приоритетных факторов развития социальной сферы. Так как регулярно вводятся Национальные стандарты социального обслуживания населения, в связи с этим повышаются требования к деятельности социальных служб, а также специалистов социальных учреждений, где основными требованиями являются: повышение эффективности социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов социальных служб и

повышение качества предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам социальных услуг, а также обеспечение их доступности.

Ключевые слова: социальная работа, социальное обслуживание, стандартизация, услуга, качество, социальное исследование.

Для рассмотрения организации работы сферы социальной защиты и для поиска путей расширения спектра услуг государственной системы социальной помощи удобнее всего оперировать образом конкретного социального сервиса, например, центр социального обслуживания населения. Важнейший вопрос, который возникает сегодня перед учреждениями социальной поддержки: как с наименьшими издержками добиться более высоких результатов и эффективности работы. Социальная работа – помогающая профессия, где главный профессиональный момент связан с коммуникацией (общением) специалиста и клиента. Долгое время это взаимодействие целиком зависело от личности, ценностных убеждений и уровня квалификации специалиста. Однако в современный период на повестку дня выходит тема стандартизации услуг. Стандартизация и регламентация процедуры предоставления услуг должны в идеале способствовать повышению доступности услуги клиенту. Одна из основных тенденций современного этапа реформирования в социальной сфере направлена на стандартизацию оказания социальных услуг [3, с. 79]. Регламенты представляют собой определенный аспект технологического процесса оказания той или иной государственной услуги (например, организация и обеспечение ежемесячной денежной выплаты на оплату проезда транспортом общего пользования). Административный регламент стандартизирует процесс предоставления услуги, предписывает определенные временные и иные затраты на оказание данной услуги, регулирует внутренний порядок социальной службы и в итоге делает услугу доступнее. Документ направлен на повышение качества оказания социальных услуг, совершенствование организационной культуры социального учреждения в целом. Иными словами, необходимо развивать тенденцию повышения стандартов качества практики социального обслуживания и изживать ситуации, когда работники социальных служб относятся к своим профессиональным транзакциям как к личному делу и не заботятся о получении профессиональной подготовки, совершенствовании профессиональных навыков. Таким образом, основной вопрос связан с профессионализацией и развитием персонала учреждений социальной сферы.

Реализация государственных решений и выполнение мер социальной политики, направленных на улучшение качества жизни населения, напрямую зависят от уровня профессионализма и качества работы служащих системы социальной поддержки населения. В связи с этим развитие человеческих ресурсов является одним из важнейших направлений в деятельности любой организации и считается основным критерием ее социально-экономического успеха. И если раньше главное внимание уделялось развитию и совершенствованию технического прогресса, внедрению прогрессивных технологий, модификации организационных структур, то в настоящее время сделан крен

в сторону человеческого фактора, иными словами, полноту и эффект работы определяют люди [2, с. 47.].

Основной момент перманентного повышения доступности качественного социального обслуживания связан с регулярной профессиональной экспертизой. Ученые используют термин «приближение к опыту», когда практикующие профессионалы осуществляют аналитическую экспертизу своей деятельности и регулярно обсуждают свой опыт с целью совершенствования собственной деятельности. Для повышения качества и доступности социального обслуживания необходим доступ к опыту специалистов и клиентов социальной службы. В этой связи прогрессивно развивающиеся сервисы вводят работу по следующим направлениям: активно изучают мнение клиентов о работе служб и специалистов (развивают практики социальной работы с точки зрения перспектив клиента); осуществляют оценку работы персонала и повышают эффективность руководителя и специалистов; развивают творческий подход к процессу принятия управленческих решений. Динамика развития доступности профессиональных практик свидетельствует о том, что она эволюционирует в направлении признания равных, партнерских отношений специалиста и клиента. Эти изменения находят отражение в замене терминов «клиент» понятиями «получатель услуг», «пользователь услуг», «потребитель услуг», «участник» и др.

В настоящее время исследования мнений клиентов о работе социальных служб и специалистов проводятся чрезвычайно редко и часто носят формальный характер. Возможно, это связано с убежденностью, будто социальный работник или другой специалист лучше знает, что хорошо для клиента, а также из-за нежелания подвергать оценке собственную профессиональную деятельность. Инновационная же деятельность социальных служб сегодня связана с активным исследованием практик своей работы с выяснением мнений клиентов о качестве оказываемых услуг. Только путем сложения различных высказываний, взглядов можно получить целостную картинку. Клиенту бывает трудно (или он боится) выразить свои негативные мнения, чувства к специалисту или социальной службе. В этой связи особая требовательность предъявляется к процессу сбора данных, мнений клиентов социальной службы. Процесс должен организовывать профессионал. Если клиентами социальной службы являются дети, то важнее знать мнение детей о действиях социального работника, чем мнение взрослых. Дети, находящиеся в детских учреждениях, оказываются более беззащитными перед произволом, плохим обращением и притеснением со стороны взрослых. Инвалиды также являются относительно беззащитной группой. Общество сегодня больше знает о физических притеснениях таких людей со стороны их родственников или персонала интернатных учреждений. Регулярная независимая экспертиза деятельности медико-социальных учреждений позволит устранить негативные практики и расширить доступность востребованных инвалидами услуг в дальнейшем [1, с. 87].

Итак, социальные исследования мнений клиентов о работе службы и специалистов нужны для того чтобы: пересматривать сложившиеся стерео-

типы, следование которым может повредить эффективности и доступности профессиональной практики; анализировать и оценивать собственную практику, эффективность и доступность для клиентов своей работы; получать новые сведения о проблемах и о клиентах и делать востребованные услуги доступными максимально четкими и полными. Социальные исследования нужны для повышения качества работы организаций, т.к. позволяют оценивать потребности клиентов; выявлять потенциальных клиентов; оценить те методы, которые применяются конкретной службой и специалистами; измерить результаты, которых удастся достичь; оценить вклад работников и службы в решение проблем; получить отчет о деятельности службы; найти проблемы в работе; вести осмысленную деятельность, рефлексировать собственные методы работы. Благодаря исследованиям происходит развитие теории и методов практической работы, оттачивается идеология помогающих профессий, подвергается редакции этический кодекс, услуга становится более доступной.

Список литературы

1. Пэйн Малькольм. Социальная работа: современная теория : учеб. пособие / М. Пэйн ; под ред. Дж. Камплинга; пер. с англ. – М. : Академия, 2007. 400 с.
2. Романов П.В. Социальные изменения и социальная политика (2003) Журнал исследований социальной политики. 1(1): 45-67.
3. Ярская В.Н. Ярская-Смирнова Е.Р. (2002) «Не мужское это дело...» гендерный анализ занятости в социальной работе. Социологические исследования. (6): 74-82.

СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»

**ПРОДУКТИВНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ)**

Алборова И.И.

студентка, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Цараева Л.А.

доцент кафедры культуры речи и языка массовой коммуникации,
канд. пед. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена особенностям функционирования метафоры в газетных заголовках, а также анализу наиболее продуктивных метафорических моделей в условиях российского публицистического дискурса.

Ключевые слова: газетный заголовок, метафора, метафорическая модель.

Газета сегодня – в поиске выразительных средств, в поиске нового. Она имеет уникальную возможность не только сообщать читателям разнообразную информацию, но и воздействовать на огромную читательскую аудиторию. Значимая роль в этом процессе принадлежит газетному заголовку как элементу, занимающую наиболее сильную позицию на газетной полосе. Заголовки не только репрезентируют текст в периодических изданиях, но и, придавая ему определенную эмоционально-оценочную модальность, может участвовать в создании различных семантико-стилистических эффектов [2, с. 136].

Огромным потенциалом в этом контексте обладает метафора. Благодаря метафорическому переносу у журналистов появляется возможность делать заголовки не только газет, но и журналов более выразительными, эмоциональными, привлекающими внимание читателей [1, с. 133]. В заголовках с метафорическим переносом на передний план выступает функция воздействия на массы, которая заключается в стремлении автора публикации оказывать воздействие на читателей с целью достижения практических социальных результатов.

Многие известные лингвисты, занимающиеся изучением особенностей языка СМИ, такие, как А.П. Чудинов, считают, что газетная политическая метафора позволяет почувствовать и даже ощутить те или иные приоритетные интересы в обществе в определенную историческую эпоху, выделить динамику идеалов, представляющих собой социальную базу культуры на локальном историческом отрезке. Он убежден, что каждый новый этап социального развития страны отражается в метафорическом зеркале, где вне зави-

симости от чьих-либо намерений фиксируется подлинная картина общественного самосознания [3].

В соответствии с этим исследования показали, что в последнее время, на рубеже 20-21 веков получили развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества, отклонения от естественного порядка вещей.

Мы выделили следующие продуктивные метафорические модели, отличающиеся частотностью использования в современном российском политическом тексте. Это тематические группы слов, которые в газетном тексте, и в газетном заголовке в частности, чаще других получают метафорическое переосмысление, определяемое состоянием общественного сознания в сферах политики. А первую очередь это метафорическая модель войны. Например: «Цхинвальская пороховая бочка» («Независимая газета», 03.10.2011); «Штурм идей» («Российская газета», 26.05.2016); «Битва за аудит» («Коммерсантъ», 19.05.2016); «Бронежилет для общества» («Российская газета», 16.05.2016); «Интеллектуальная гонка вооружений» («Независимая газета», 16.05.2016); «Музыкально-политические баталии Евровидения» («Независимая газета», 16.05.2016).

Активна метафорическая модель медицина. Например: «Скальпель государства» («Итоги», 10.10.2011).

Очень продуктивна метафорическая модель экономика. Например: «Нарушителям ПДД выдают кредит доверия» («Коммерсантъ», 21.05.2016); «В каждом кошельке – своя инфляция» («Российская газета», 18.05.2016); «Введут ли в России ипотечное рабство» («Комсомольская правда», 06.05.2016).

Отличаются частотностью использования такие метафорические модели, как театр, например: «Киев держит газовую паузу» («Независимая газета», 28.09.2011); «Предвыборный налоговый репертуар» («Независимая газета», 26.09.2011).

Активно функционирует в СМИ метафорическая модель спорт. Например: «Сочинский марафон» («Российская газета», 20.05.2016); «Сошли с дистанции» («Коммерсантъ», 04.02.2016); «Чемпионы по откатам» («РБК», 17.05.2016).

Чрезвычайно продуктивна метафорическая модель техника. Например: «Россия лишилась финансового "якоря"» («Независимая газета», 29.09.2011); «Драйвер экономического спада» («Независимая газета», 11.05.2016).

При этом необходимо отметить, что, проанализировав наш богатый иллюстративный материал, мы пришли к выводу, что наибольшей частотностью и активностью использования отличается метафорическая модель войны, что еще раз, к сожалению, убеждает нас во мнении о доминировании в современных российских СМИ вектора агрессивности и воинственности.

Список литературы

1. Макиева И.В., Цараева Л.А. Языковые особенности журнала «GLAMOUR» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 8, часть V. С. 133-135.

2. Цараева Л.А. Семантико-стилистические особенности заголовков республиканской газеты «Северная Осетия» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 12-1. С. 136-137.

3. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.

ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ КАК ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Комаева Р.З.

профессор кафедры культуры речи и языка массовой коммуникации, канд. фил. наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Васильева А.А.

студентка, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена семантико-стилистическому анализу глаголов говорения, способных в журналистском тексте в качестве категории субъективной модальности повысить уровень образности изображения действительности.

Ключевые слова: глаголы говорения, лингвистический анализ текста, языковые образные средства, контекстуальный синоним.

Среди средств художественной изобразительности значительное место в публицистике отводится глаголам, традиционно обозначающим различного рода физические действия и процессы. С их помощью удачное авторское включение того или иного глагола в каждый конкретный контекст позволяет читателю почувствовать изображаемое в динамике: осязательно представить себе лицо, предмет, событие.

Обращает на себя внимание количественное преобладание глаголов говорения в журналистском тексте, с одной стороны, а также эмоционально-стилистические возможности образного изображения предметов и событий авторского описания, с другой.

На приводимых ниже примерах путем лингвистического анализа конкретных контекстов публикаций мы делаем попытку показать индивидуально-авторское мастерство в привлечении семантико-стилистических возможностей конкретных глаголов, представляющих собой ключевые компоненты в создании художественной изобразительности.

Например, в газете «Аргументы и факты» (№ 51, 2015) в статье, подготовленной отделом политики, «Снова в деле» мы обратили внимание на нанизанные в одном контексте несколько глаголов говорения: «Ходорковский действительно регулярно **комментирует** текущие политические события, **высказывается** за смену режима в России, **говорит**, что готов возгла-

вить переходное правительство, обещает помочь оппозиции найти деньги на выборы»).

Проанализируем каждый пример и попытаемся определить цели включения глаголов говорения в один контекст. В первом предложении выстраивается следующий синонимический ряд глаголов: **говорит** – **высказывается** – **комментирует**. Мы неслучайно расположили их в такой последовательности, так как доминантой является глагол *говорить*, толкуемый «1. Выражать, изъяснять устно какие-либо мысли; сообщать что-либо; 2. Беседовать, разговаривать. Говорить с кем-либо, говорить между собою и т.п.; 3. Произносить, выговаривать звуки речи, слова и фразы; 4. Выражать собою что-либо; свидетельствовать о чем-либо, показывать, указывать на что-либо; 5. Проявляться в чьих-либо действиях, поступках и т.д.» [1, 136].

Однако автор статьи не стал ограничиваться одним глаголом, а использовал синонимический ряд. Разумеется, нас заинтересовала цель такого разнообразия глаголов, смысловой доминантой в которых является все, что связано со звучащей речью. А раз в их основе одно понятийное значение, то в процессе анализа мы особое внимание уделили различным оттенкам говорения. А также обратили внимание на словесное окружение анализируемых глаголов, с помощью которых в словарных статьях каждого из них без особых затруднений удалось обнаружить оттенки глагола говорить, которые в данном конкретном контексте, благодаря мастерству автора, концентрируют внимание читателя на самом процессе говорения, образно выделяя особенности широкого вектора сюжетно-смысловых направлений. А потому, в отличие от своих синонимов, компонент *комментирует* в анализируемом контексте нами условно отнесен к глаголам говорения, так как устный комментарий предполагает неоднозначный по смыслу процесс говорения, с семантическим центром «объяснять, толковать» [1, 293]. Как видно из словарного толкования, цель говорения в этом случае – смысловое раскрытие чего-либо. Чувствуя это, автор в изобразительных целях воспользовался этим словом как контекстуальным синонимом к глаголу говорить, чем достиг эффективно-стилистической конкретизации того, о чем говорится в публикации.

Особую семантико-стилистическую роль играют анализируемые глаголы и в следующем контексте: «И как только генпрокурор **заявил**, что знает, откуда ветер дует, многие опять **погрешили** на главу СКР и даже заподозрили его в сговоре с Ходорковским». Совершенно очевидно, что здесь глагол *заявил* является глаголом говорения, так как основное его значение – «сообщать о чем-нибудь» [1, 230]. Однако в этом предложении есть и другой глагол – *погрешили*, который нами не сразу был отнесен к глаголам говорения. Однако словарное толкование этого многозначного слова убедительно доказывает, что этот глагол выполняет дополнительные контекстуально-смысловые функции. Так, *погрешить* в значении на кого-что-либо означает – «возвести напраслину» [1, 146]. В этом значении слово в данной контекстуальной ситуации помогает не только повысить степень выразительности речи, но и в качестве категории субъективной модальности раскрыть отношение автора к сложившейся ситуации.

Таким образом, традиционный приём нанизывания образных языковых средств в одном контексте, в нашем случае глаголов говорения, позволяет автору значительно повысить уровень образности изображения действительности, расширить резонанс распространения своей семантики на окружающие словесные компоненты, способствуя тем самым лаконизму и образности повествования.

Список литературы

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ГАЗЕТЫ «НОВЫЙ ВТОРНИК»)

Комаева Р.З.

профессор кафедры культуры речи и языка массовой коммуникации, канд. фил. наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Басиева Э.А.

студентка, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена анализу семантико-стилистических средств журналистского текста как способа достижения автором высокой образности изображения.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста, семантическая пунктуация, заголовков, подзаголовков.

Наше внимание привлек заголовок одной из публикаций в газете «Новый вторник» журналиста Ольги Китовой «Налетай – подешевело?». Особый интерес вызывает вопросительный знак, завершающий заголовок. Подумалось: «Типографский огрех: вместо восклицательного знака набрали вопросительный». Тем более что словесные компоненты заголовка налетай и подешевело разделены тире, а глагол налетай, стоящий в повелительном наклонении, выполняет семантико-стилистически роль приказа, призыва, лозунга. И это утверждало нас во мнении об «огрехе». Однако, вчитавшись в подзаголовок – «Очень странные представления у некоторых наших сограждан о патриотизме. Сильно пахнут идиотизмом. Или сугубо меркантильными расчетами...», – мы обратили внимание на то, что по своей синтаксической структуре он значительно превосходит заголовок, но по смыслу в какой – то мере соприкасается с ним. Да и то, признаться, с большой натяжкой, благодаря включенным в нее словам меркантильными расчетами..., которые в данном словосочетании представляют собой персонифицированную модальность, характеристику героев публикации, с которыми, правда, читатель пока еще даже незнаком, но в авторской оценке уже представляется личностью

меркантильной и расчетливой, корыстолюбивой, во всем преследующей материальную выгоду.

Высокую степень динамичности повествования создают включенные в подзаголовок наречия очень, сильно, сугубо, которые присоединены соответственно к прилагательному странные, глаголу пахнут, сугубо с прилагательным меркантильными в постпозиции.

Так, значительна здесь и роль наречия сильно в препозиции от глагола пахнут, которое вне контекста создает привычную атмосферу не просто аромата, а значительно насыщенного по силе, степени проявления запаха – до одурманивания – и воздействия на кого-либо. Но так как содержание подзаголовка, как и материал публикации, никакого отношения к флористике не имеет, на что указывает и существительное идиотизмом, находящееся в постпозиции от глагола пахнут, вызывающее у читателя недопонимание. Потому что идиотизм как медицинский диагноз обладает присущими ему симптомами, но то, что он обладает запахом, да еще и сильным, вызывает шокирующее недоумение. Это и нацелило нас на подробный лингвистический анализ контекста подзаголовка, который подтвердил наш тезис, о том, что выделенные слова действительно играют ведущую роль в создании высокой динамики повествования, с одной стороны, и представляют собой ключевые словесные компоненты рельефного художественного изображения широкого вектора социально-политических и духовно-нравственных направлений.

Первое подтверждает ключевой компонент подзаголовка – патриотизм, о котором у некоторых из нас «странные представления». И не просто странные, а очень. Само это наречие выражает понятие «в сильной степени», «весьма».

Присоединение же в контексте к прилагательному странные существительного представления превращает слово патриотизм, семантически извращенно понятый, и идиотизм – в окказиональные контекстуальные синонимы, снимая тем самым охватившее читателя шоковое недоумение. И читатель чувствует запах не только у идиотизма, но и извращенно толкуемого патриотизма.

Особое внимание привлекает завершающая подзаголовок часть – «или сугубо меркантильными расчетами...» с многоточием на конце. В таком словосочетании словесных компонентов трудно определить ключевое слово, потому что все они семантически густо замешаны на особенностях и духовно-нравственных личностных принципах персоналий материала. При этом – крайне отрицательных. Попытаемся это доказать лингвистическим анализом текста.

И начнем с многоточия, которое функционально играет роль не традиционного пунктуационного знака, а элемента семантической пунктуации [1], по смысловому содержанию равного слову как значимой единицы языка. И, будучи поставленным в конце, он сигнализирует читателю о приглашении его автором к самостоятельному рассуждению о том, на чем автор акцентирует внимание в публикации.

Данный материал представляет собой фрагмент лингвистического анализа публикации, ограниченный важными ее составляющими: заголовком и

подзаголовком. Работа над журналистским текстом продолжается. И путем лингвистического анализа мы пытаемся доказать художественное мастерство автора в использовании языковых единиц, с помощью которых он достигает высокой образности изображения.

Список литературы

1. Комаева Р.З. Семантическая пунктуация в журналистском тексте // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-punktuatsiya-v-zhurnalistском-tekste> (дата обращения: 06.06.2016).

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В ГЕНДЕРНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Макиева И.В.

студентка, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Цаликова М.А.

доцент кафедры культуры речи и языка массовой коммуникации, канд. пед. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются языковые средства и приемы реализации комического эффекта на примере гендерных публикаций. При этом затрагивается лингвопсихологический аспект использования комического в гендерных публикациях.

Ключевые слова: комическое, гендерные СМИ, гендер, юмор в СМИ.

Материалы гендерных журналов охватывают все стороны жизни, навязывая определенный стиль существования в современном мире. Привлекая внимание своими обложками, яркими иллюстрациями и кричащими заголовками, гендерные журналы не забывают о таком приеме, как юмор. Реализация юмора и комического в гендерных текстах все чаще встречается на страницах глянцевого журналов и газет, в телевизионной и радионной публицистике. Однако в гендерных материалах юмор имеет особый оттенок, следовательно, реализуется он и особыми методами. Рассмотрим некоторые приемы создания комического эффекта.

Ирония в гендерных публикациях может прослеживаться в коммуникативной ситуации, связанной со словом и высказыванием: «Смелая идея, что женщина – тоже человек и вообще-то равна мужчине, высказывалась отдельными эпатажными личностями на протяжении всей истории» (Elle). В данном примере автор иронично выражает свое отношение к равенству полов и использует такой прием, как антифраза. Наряду с иронией часто используется сарказм: «Старайтесь чаще хвалить свою супругу. Даже такая простая фраза, как «Ты сегодня не так уж и сильно меня раздражаешь», может вер-

нуть в вашу жизнь утраченную страсть» (Maxim). В данном примере автор-мужчина явно выразил пренебрежительное недовольство своей женой. В нем, что характерно для сарказма, язвительность не передается прямым текстом, а наоборот – смысл противопоставляется написанному.

Другой прием создания комического эффекта в гендерных публикациях – гипербола. С помощью гиперболы преувеличиваются привычки мужчин и женщин и временные отрезки в коммуникативных ситуациях: «Женщина думает о своей внешности от двадцати до пятидесяти раз в день – и тратит на это невероятное количество времени, которое можно было бы провести с большей пользой – освоить новую медитативную технику, например» (GLAMOUR).

Часто авторы гендерных публикаций используют такой прием, как алогизм, построенный на нарушении логического ряда текста: «Девушки реже задумываются о чем-то подобном, а если и говорят, что задумываются, часто лгут: для них это просто очередной способ казаться круче. Мол, все одинаковые, а я одна такая умная, знаю, что надо и дочь посадить, и дом вырастить, а еще, точно, построить дерево» (Слово). Вместе с алогизмом нередко используется эффект обманутого ожидания: «Ситуация окончательно вышла из-под контроля. Международные санкции, обесценивание валюты, угроза холодной войны и женское ледяное презрение. А все из-за чего? Не перезванивал» (Cosmopolitan).

Такой прием как перифраза встречается в гендерных публикациях крайне редко, однако этот прием является отличным средством достижения комизма: «Тем, кто еще не сталкивался с проявлением женской ревности, могу сказать, что любой круг ада по Данте по сравнению с такими происками слабополой фурии покажется райским местечком». (Модный Владикавказ). В данном случае комический эффект воплотился благодаря перифразе «слабополоая фурия». В добавок к этому автор использовал прецедентный текст: «круг ада по Данте».

При анализе гендерных публикаций нами был сделан вывод, что комический эффект в отдельных контекстах достигается при помощи нескольких приемов. При синтезе авторы используют такие средства, как: градация, метафора, антитеза, аллегория и литота: «За тридцать секунд до регистрации почти уже муж узнает, что свадьбе быть широкой, шумной и веселой. И что среди четырехсот семидесяти восьми гостей будут и его начальник, и вся бухгалтерия, и патронажная сестра, которая его во младенчестве обхаживала, и две его бывших, и атташе из посольства Нигерии...» (Cosmopolitan). В данном примере комический эффект создается при помощи иронии, которая кроется в концовке контекста, и с помощью литоты «за тридцать секунд до регистрации».

Гендерные публикации – это тексты, важной частью которых является экспрессивность, поэтому их невозможно представить без приемов с сильной образной составляющей. Например, в тексте из журнала *Argiory* автор использовал сразу перифразу и фразеологическое сочетание, состоящее из аллегории: «В Италии мужчины на кости не бросаются». В данном случае пе-

риффраза относится к слову «кости» и означает она худых женщин. Автор ссылается на фразу: «мужик – не собака, на кости не бросается», а аллегория заключается в том, что итальянские мужчины не предпочитают худых женщин.

При анализе гендерных публикаций мы выяснили, что различают лексические, синтаксические и фразеологические средства создания комического. К лексическим средствам относятся: гипербола, ирония, литота, метафора, перифразы, сравнения, алогизмы и эффект обманутого ожидания. К синтаксическим средствам можно отнести: градацию, риторические вопросы и антитезу. К фразеологическим средствам относят: фразеологизмы, крылатые фразы, устойчивые словосочетание, цитаты из книг, песен, фильмов, афоризмы.

Стоит отметить, что наиболее часто встречаются такие приемы как ирония, сарказм, гипербола и сравнение. А такие приемы, как: алогизм, перифраза, аллегория и вставные конструкции используются современными авторами крайне редко.

Список литературы

1. Романов А. Г. Комическое в современной российской прессе // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов, 2013. № 1 (19). 153. с.

МОЛОДЕЖНЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ «ГУСИНОЕ ПЕРО» КАК ТИП ИЗДАНИЯ

Тедтоева З.Х.

профессор кафедры журналистики, канд. пед. наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Мамедова В.С.

студентка, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

В статье характеризуются типологические особенности Северо-Кавказского литературного интернет-журнала «Гусиное перо», а также рассматриваются принципы и правила верстки издания, дизайн и оформление номеров.

Ключевые слова: интернет-журналистика, интернет-журнал.

С появлением Интернета его специфика позволила организовать регулярное информационное вещание на обширную аудиторию. Теперь не было необходимости разворачивать особую техническую инфраструктуру и практически любой желающий получает реальную возможность создавать СМИ. Интернет-издания могут как иметь, так и не иметь официальный статус СМИ [2]. Журналист, работающий на Интернет-издание, не сталкивается с некоторыми атрибутами традиционной журналистики. Он не работает с звуко- и видеозаписывающей аппаратурой и полиграфией.

Интернет-журналистика вместе с прессой, радио и тележурналистикой определяют информационную политику общества. Развитие интернет-журналистики осуществляется во взаимосвязи и взаимозависимости с другими видами СМИ.

«Гусиное перо» – первое в Северной Осетии литературное Интернет-издание. Еще на этапе планирования журнал был рассчитан преимущественно на молодых людей, которые пользуются Интернетом, интересуются современной литературой, сами создают художественные и публицистические произведения.

Выпуск электронного издания должен быть качественным и привлекать внимание читателей [1]. Так как «Гусиное перо» – это полноценный журнал, необходимо рассмотреть принципы и основные правила верстки издания, дизайн и оформление номеров журнала.

В начале XXI века журналисты могли только мечтать о качественной компьютерной верстке, а сегодня электронная технология выпуска газеты – реальность. Идея создания журнала возникла в связи с резким понижением интереса к литературе у молодежи, из-за пропаганды неправильных ценностей в Интернете и на телевидении. И уже весной 2014 года началась работа над созданием сайта.

«Гусиное перо» – не просто литературный портал. Изначально редакция планировала создать полноценное издание, которое будет отличаться от всего, что уже есть на информационном пространстве. Это не просто сайт, где в разделах находятся материалы авторов, это полноценный сверстаный журнал со своим уникальным стилем и качественной информационной наполненностью.

Были разработаны разделы: проза, поэзия, публицистика, а также раздел «Оранжевая лапка», которая включает в себя рассказы от детей и для детей.

Первый номер литературного Интернет-журнала вышел первого июня 2014 года. Дизайн обложки и номера в целом в корне отличался от оформления последующих номеров. Начиная со второго номера, редакция в качестве ведущей дизайнерской идеей выбрала минимализм.

Первый номер журнала был подготовлен студентами факультета журналистики. Это единственный номер, который был сверстан не в профессиональной программе. Пилотная версия журнала дала старт для его развития.

Первый праздничный номер «Гусиного пера» вышел в декабре 2014 года. В новогоднем выпуске впервые появился жанр интервью.

30 июня 2015 года в Национальной Научной библиотеке в рамках проекта «Молодые идут» прошел праздник, посвященный годовщине выхода журнала. В большом зале поздравить редакцию собрались читатели и авторы журнала. Были награждены самые читаемые авторы, а также все, кто создавал обложки журнала. Авторы читали собственные стихотворения. Но многих собрал открытый микрофон. Гости читали авторские произведения и стихи любимых авторов журнала.

В августе 2015 года «Гусиное перо» был снова представлен на форуме «Машук», где снова стал победителем как единственный от республики в

номинации «Гражданская журналистика». В сентябре 2015 года журнал стал выходить как Северо-Кавказский литературный интернет-журнал. С сентября в каждом новом номере печатаются авторы из всех республик Северного Кавказа.

После представления проекта на всероссийских и региональных конкурсах «Гусиное перо» приобрел популярность среди молодежи. О нем узнали в Сибири (благодаря студенческой программе), Москве, Крыму и других уголках России.

Журнал был отмечен заместителем министра образования и науки России Екатериной Толстиковой. А позднее получил благодарность Главы республики Тамерлана Агузарова.

Журнал проводит многочисленные конкурсы в интернете (в официальной группе «Гусиного пера» в социальной сети «В контакте»).

С декабря 2015 года произошел ребрендинг сайта. Появились новые возможности: теперь на сайте есть фото и видео.

Журнал проводит программу по поддержке и развитию кавказских языков. Публикуется все больше материалов на родном языке, в частности, на осетинском языке (как поэтические, так и прозаические произведения).

Планируется провести акцию «Стихомарафон», где известные люди будут читать стихотворения авторов «Гусиного пера».

В конкурсах принимают участие многие читатели журнала, ставшего дважды победителем форума «Машук», благодаря чему журнал открыл для себя новых авторов, которые одинаково хорошо пишут прозу и поэзию.

С 2016 года журнал выступает полноценным партнером таких крупных мероприятий, как фестиваль творчества студентов «Студенческая весна», первый медиафорум.

Список литературы

1. Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 384 с.
2. Лукина М.М. Интернет-СМИ: Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2010. 348 с.

СПЕЦИФИКА ОЧЕРКА КАК ЖАНРА

Тедтоева З.Х.

профессор кафедры журналистики, канд. пед. наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
Россия, г. Владикавказ

Хадаев А.О.

студент, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

В статье дается характеристика такому художественно-публицистическому жанру, как очерк, рассматриваются его виды и основные жанрообразующие признаки.

Ключевые слова: жанры публицистики, художественно-публицистические жанры, очерк.

Очерк – это оперативный художественно-публицистический жанр, точно изображающий социально важные факты и явления и типичных представителей определенных социальных групп общества; это непосредственная запись мыслей по ходу их течения, тщательно при этом обработанная для читателей. В основе очерка лежит анализ человека, его деятельность, события, проблемы, результаты дорожного наблюдения [2]. Основной отличительной чертой художественно публицистических жанров является образность.

В очерке открыто выражается собственное «Я» автора, всегда присутствует образ автора. Он дает оценку всему, о чем пишет, рассуждает, имеет право пользоваться авторскими комментариями, пытаюсь увидеть и разобраться в самой сути рассматриваемой общественной проблемы.

Очерк характерен тем, что в нем читатель видит не только набор букв, несущий в себе определенную информацию, но текст, наполненный глубокой, дарующий различные ощущения, проникновение в интересующие его вопросы.

В жанре очерка особенности индивидуального стиля публициста проявляются в наибольшей степени. Индивидуальный стиль обладает здесь наибольшим иммунитетом по отношению к внешнему стилевому давлению.

Существует несколько видов очерка: портретный, проблемный, путевой. Некоторые исследователи причисляют к ним еще «исторический» очерк, однако основными принято считать первые три.

Наиболее популярными работами являются «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина, «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «В Америке» М. Горького.

Очерк выделяется среди других жанров следующими параметрами: документальностью, актуальной общественной проблемой, малой повествовательной формой, образностью и эмоциональностью, описанием реальных событий, происходящих с реальными людьми.

В целом федеральные печатные СМИ публикуют портретные очерки нечасто. В основном публикации посвящены политическим, культурным или спортивным деятелям, которыми восхищается общество.

Существует огромное количество признаков, по которым можно спутать проблемный очерк с аналитической статьей, основным из которых является доминирование в ходе отображения проблемной ситуации исследовательского начала. Так же, как и в статье, автор очерка пытается найти причины появления проблемы, угадать дальнейшее развитие и определить пути ее решения. Но важно понимать, что очерк – жанр не аналитический, а художественно-публицистический. В очерке появление проблемной ситуации невозможно представить в виде статистических закономерностей или обобщенных выводов. Автор проблемного очерка дает оценку ситуации, сопереживает, делится мнением. Он также употребляет множество риторических вопросов, эпитетов, восклицаний, метафор и других приемов, что неприемлемо для статьи.

Написать проблемный очерк также непросто: для этого необходимо хорошо ознакомиться с фактами, узнать тонкости затрагиваемой темы. Необ-

ходимо истинное понимание проблемы в той ситуации, которую очеркист исследует. Только после этого автор способен лучшим образом описать проблему в своем очерке.

Стоит подчеркнуть, что автор проблемного очерка имеет право пытаться вмешаться в решение ключевых проблем, вступать в спор со своими оппонентами. Ключевым является не характер того или другого человека, а его отношение к обсуждаемым вопросам. В подобном очерке нередко встречаются и путевые заметки, зарисовки. Они подтверждают позицию автора в споре, выражают определенные взгляды.

Однако в современной прессе путевой очерк публикуется гораздо реже, чем проблемный и – тем более – портретный [1]. Причину этого понять трудно: пресса, как правило, направлена на информирование общества или рассказывает о людях, которые добились успеха. У редакции совершенно нет в газете свободного места на публикацию путевого очерка.

Особенности путевого очерка заключаются в том, что объект описания раскрывается постепенно. В своем путешествии писатель или публицист рассматривает и оценивает людей, выписывает какие-то факты, показывает их через призму индивидуальных наблюдений. Отчасти специфика заключается в передаче собственных впечатлений автора, его анализе жизни окружающих героев, его оценке всех предметов и явлений, на которые он обращает внимание.

На пути своего развития очерк всегда вызывал особенный интерес у писателей и публицистов разных времен. Структура его практически не менялась, однако незначительные изменения в ней все же наблюдаются.

Список литературы

1. Ким М.Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2011. 400 с.
2. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2002. 320 с.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ

Цараева Л.А.

доцент кафедры культуры речи и языка массовой коммуникации,
канд. пед. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный
университет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Сабурова Ю.В.

студентка, Северо-Осетинский государственный универси-
тет им. К.Л. Хетагурова, Россия, г. Владикавказ

Статья посвящена проблеме активизации использования заимствованных слов в заголовках российских газет, а также вопросу о критериях их использования в средствах массовой информации.

Ключевые слова: иноязычные заимствования, газетный заголовок.

Заголовок играет значительную роль на газетной полосе. Он информирует о содержании публикации, осведомляет о значении, характере и степени важности событий, отразившихся на страницах газеты. Заголовок может дополнять содержание материала, выделять наиболее важные стороны текста. Грамотно подобранный заголовок позволяет журналисту наиболее полно реализовать авторский замысел.

Социальные реформы в стране повлекли за собой изменения в характере газетных материалов. С исчезновением партийной и идеологической функций отпала необходимость в публикациях агитационной и пропагандистской направленности. Ушли в прошлое заголовки-трафареты, призывность, лозунговость, директивность в заглавиях. На смену подобным материалам пришли материалы, заключающие в себе диалог, дискуссию. Соответственно изменили свою форму и содержание газетные заголовки.

Тенденции изменения заголовка – это зеркало, отражающее тенденции развития языка, изменения языковых норм, поэтому сегодня заголовки нередко изобилуют аллюзиями, окказиональными образованиями, сниженной лексикой, арготизмами и т.п.

Журналист, создающий заголовок, с целью достижения экспрессии использует разнообразные языковые средства [1, с. 133], в том числе заимствованные слова.

Заимствования последних лет, в основном, являются терминами, принадлежащими определенной той или иной научной сфере, в частности, экономической. Например: «Макропроблемы микрокредитования» («Независимая газета», 03.01.2016); «Отчет по номиналу» («Коммерсантъ», 12.05.2016); «Бюджету грозит очередной секвестр» («Независимая газета», 11.05.2016).

Много заимствованных слов принадлежит к общественно-политической сфере, например: «От санкций до санаций» («Коммерсантъ», 14.01.2016); «Попытаться прийти к консенсусу» («Новые известия», 20.04.2016); Демкоалиция вступила в период полураспада («Независимая газета», 25.04.2016); «Роснефть» задает новый интеграционный контур» («Независимая газета», 20.06.2016).

Но самая значительная доля заимствований приходится на сферу техники и технологий. Например: «Мессенджер для мегаполиса» («РБК», 19.01.2016); «Онлайн сближается с офлайном» («Коммерсантъ» 15.01.2016); «Смартфон со скидкой» («РБК», 02.01.2015); «Словесность в мегабайтах» («РБК», 15.10.2015).

Оправданность иноязычных заимствований в заголовках необходимо рассматривать локально в каждом конкретном случае. Однако в ситуациях, когда понять смысл заимствованного слова и как следствие – всего заголовка невозможно без привлечения соответствующего словаря, присутствие иностранного слова оправдать нельзя. Поскольку нарушается такое важное коммуникативное качество речи как понятность. Это относится, например, к таким заголовкам, как: «Чин-мессенджер» («Коммерсантъ», 29.04.2016). Не каждый читатель будет знать, что мессенджер – это программа для мгновенного обмена сообщениями между пользователями. Или такой заголовок –

«Моралист и девелоперы» (Комсомольская правда 24.09.2015.) К слову отметить, девелоперы – это предприниматели, занимающиеся созданием объектов недвижимости и организацией соответствующих процессов. «Миноритарии требуют от «Транснефти» платить по закону» («Независимая газета», 30.05.2016). В этот заголовок включено малоизвестное слово миноритарии, обозначающее акционера компании, имеющего незначительное количество акций.

Как известно, одной из черт языка современных СМИ является выход на первый план элементов экспрессии по отношению к элементам стандартизованности, что проявляется в активном функционировании в СМИ явления прецедентности [2, с. 135], использования элементов языковой игры, разного рода словотворчества. Эта тенденция прослеживается и в газетных заголовках с использованием иноязычных слов. Например, в заголовке «Губит людей не РИО, губит людей WADA» («Московский комсомолец», 18.06.2016) в основе языковой игры лежит фонетическое созвучие слова вода из общеизвестной русской поговорки и аббревиатуры WADA – Всемирное антидопинговое агентство.

Итак, заимствования в заголовках активно используются российскими журналистами, которые пытаются с помощью иноязычного слова усилить стилистический эффект от публикации. Использование заимствованных слов в заголовках, как правило, помогает сделать его более привлекательным.

Список литературы

1. Макиева И.В., Цараева Л.А. Языковые особенности журнала «GLAMOUR» // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. – № 8, часть V. С. 133-135.
2. Мамедова В.С., Цараева Л.А. Прецедентные тексты в телевизионных анонсах (на материале передачи «Воскресное время» с Ирадой Зейналовой) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. – № 8, часть V. С. 135-137.

Подписано в печать 11.07.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,71. Тираж 100 экз. Заказ 197
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а